

ISSN 0132-1360

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2
1989

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ—АПРЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

НАУКА — КУРСОМ ОБНОВЛЕНИЯ

- XIX Всесоюзная конференция КПСС и проблемы об-
ществоведения 3

СТАТЬИ

- Иванов А.* (НРБ). Народная демократия: через коали-
ционные формы власти к социалистическим преоб-
разованиям (Из опыта Народной Польши) 5
- Дмитриев М. В.* К истории реформационной проповеди
в восточнославянских землях во второй половине
XVI века 15
- Ройтмайер Б., Шиллих И.* (Австрия) Франц Прешерн
в свете литературных связей со славянскими на-
родами 27
- Хорева О. А.* История и современность в жизни и твор-
честве пражского немецкого поэта К. Э. Эберта
(1801—1882) 35
- Тарасов О. Ю.* Некоторые аспекты сравнительного изу-
чения религиозной народной живописи России,
Дунайских княжеств и Трансильвании XVII—
XIX веков 47
- Молошная Т. Н.* Категория пересказывания болгар-
ского глагола (Обзор) 63
- Ефимова В. С.* О старославянских наречиях, мотивиро-
ванных существительными 74

ПОРТРЕТЫ

- Ишутин В. В.* Иван Петрович Липранди (1790—1880) 85

СООБЩЕНИЯ

- Николаев С. И.* Театральный эпизод «Записок»
Я. Х. Пасека по статейному списку В. М. Тяпкина 95
- Субаев Н. А.* Польский журнал в Татарии как источ-
ник изучения культурной жизни польского населе-
ния 100
- Мойсевич Ч.* (ПНР). Первая польско-советская встреча
политологов 103
- Ранчин А. М.* Симпозиум «Этнолингвистика текста.
Семиотика малых форм фольклора» 106

2

1989

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Кремнев В.</i> Общим путем обновления	110
<i>Перхаек В. Б.</i> Z. Klanica. Pôcátky slovanskeho osídlení našich zemí	111
<i>Романенко С. А.</i> Ракци Лазар. Јаша Томић (1856—1922)	113
<i>Тугушева Р. Х.</i> Vel'ký slovensko-ruský slovník. D. 1—3	115
<i>Журавлев В. К.</i> A. Lamprecht. Praslovanstina	118

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

<i>Рогов А. И.</i> М. А. Ткачев. Замки Белоруссии	122
<i>Червенков Н. Н.</i> Хаджиниколова Е. Българските преселници в Южните области на Русия. 1856—1877	123
<i>Бодрухи В. Н.</i> Sliwiński Józef. Mariaże Kazimierza Wielkiego (Studium z zakresu obyczajowości i etyki dworu królewskiego w Polsce XIV wieku)	124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Смирнов А. Ф.</i> На родине Константина Калиновского	126
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Б. БАВНО (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
 А. А. ГУТНИН, В. А. ДБЯКОВ, А. А. ЗАЛИЗНЯК, М. С. КАПУБО,
 В. П. КОЗЛОВ, М. Н. КУЗЬМИН, Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. главного редактора),
 Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,
 Л. Н. СМЕРНОВ (зам. главного редактора), Л. А. СОФРОНОВА, Б. Н. ФЛОРЯ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубишковский пер., д. 30а

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ХІХ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КПСС И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

И. Т. ЛИСЕВИЧ, канд. ист. наук, ст. научн. сотрудник Института истории АН УССР

Откликаясь на рубрику журнала «Наука — курсом обновления», хочется высказать свое мнение. В самом деле, итоги ХІХ Всесоюзной партконференции способствуют созданию необходимой обстановки для научных дискуссий, глубокого и правдивого освещения исторических событий. Нельзя не воспользоваться появившимися благоприятными возможностями, которых никогда ранее у историков не было, и подойти к делу чрезвычайно ответственно. Тем более, что работы здесь для нас непочатый край.

Надо не только переосмыслить и заново осветить в наших исследованиях многие проблемы и периоды истории СССР, внутренней и внешней политики Советского государства, но и истории братских социалистических стран. Ведь в созданных нами работах по новейшей истории этих стран многое изложено весьма упрощенно. Послевоенное развитие братских стран, так же как и развитие СССР, в основном освещалось как триумфальное шествие от одной победы к другой. Многие трудные проблемы их развития в этот период остались, как говорится, за кадром. Если взять, скажем, первый период развития братских стран по социалистическому пути, охватывающий конец 40-х — начало 50-х годов, то практически обойдены многие сложности, возникшие в общественно-политической и экономической их жизни, отрицательно повлиявшие на положение дел в этих странах и кстати возникшие не без давления Сталина и его окружения (чрезмерная индустриализация, ложившаяся непосильным бременем на слабую экономику этих стран, нарушение принципа добровольности коллективизации с навязыванием сталинского «опыта» раскулачивания крестьянства, судебные политические процессы, перегибы в культурной политике и в отношении к творческой интеллигенции и т. д.).

Существенные недостатки присущи и исследованиям, посвященным сотрудничеству СССР с братскими странами. Если взять, к примеру, наиболее мне близкие вопросы культурного сотрудничества, то хотя у нас по ним и написано много работ, они излагают обильный количественный материал, создающий у читателя впечатление о полном благополучии в этом деле. А ведь и здесь все далеко не так просто. Факт остается фактом, что из-за препон, созданных бюрократической перестраховкой, читатели и зрители не знают многих лучших книг художественной литературы, произведений драматургии, кинофильмов соседних стран, что дает неполное, искаженное представление об их духовной жизни. И только буквально в самое последнее время положение начинает меняться к лучшему.

Еще хуже картина с изучением вековых традиций культурных связей народов славянских и других социалистических стран. Историками нашей страны написано и издано по этим вопросам крайне мало. Поэтому на изучение истоков наших культурных связей, нашей дружбы нам следует обратить значительно больше внимания.

И делать это надо в тесном творческом содружестве с историками братских стран, хотя такие возможности, по крайней мере для нас, периферийных историков, далеки от желаемого. Даже получить продолжительную командировку в архивы и библиотеки страны, историей которой занимаешься, весьма сложно, практически совсем невозможно. Нас, почему-то, мало привлекают и к другим формам сотрудничества с историками братских стран. Вот, к примеру, в прошлом году создана комиссия историков СССР и ПНР для изучения «белых пятен» в истории взаимоотношений двух стран. И хотя многие из этих «пятен» непосредственно касаются украинско-польских отношений, в комиссию, как ни странно, не включен ни один историк УССР. Но здесь, по-видимому, и наша вина. Мы еще малозаметны, не заявили о себе своими исследованиями во весь голос. Так, что, вывод и здесь один — надо работать и работать.

НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ЧЕРЕЗ КОАЛИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ВЛАСТИ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ

(Из опыта Народной Польши)

В ходе углубления перестройки, протекающей в той или иной форме в большинстве социалистических стран, все большим интересом среди обществоведов пользуется начальный период социалистического строительства в Центральной и Юго-Восточной Европе. И не случайно — невозможно реально что-либо перестроить, не уяснив сути, а значит и генезиса устаревших общественно-политических механизмов, сформировавшихся именно в конце 40-х годов. В свою очередь, при объективном анализе событий указанного периода неизменно встает ряд конкретных вопросов, без ответа на которые невозможна достоверная оценка событий данного периода. Чем была народная демократия: альтернативной моделью построения социализма или же только преддверием «подлинно социалистических» преобразований? Чем был поворот в политике коммунистических и рабочих партий этих стран в 1948 г. — переходом революционного процесса на более высокую ступень или же откатом «с потерей качества» от достигнутого в продвижении к социализму? Каков социально-классовый характер этого поворота и в интересах каких социальных сил он был совершен? Каково реальное содержание понятия «диктатура пролетариата» применительно к условиям указанных стран? Наконец, в какой степени и до какого момента народная демократия как концепция альтернативного пути к социализму имела характер интеллектуальной революции «сверху», а когда (и почему) возобладали примитивные уравнительные, левацкие, а порой и люмпен-пролетарские тенденции? Каждый из этих вопросов достоин отдельного аргументированного исследования. Все они, однако, в той или иной степени связаны с вопросом о социальной базе революционных преобразований 40-х годов.

Последний этап войны практически во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы был ознаменован осязаемым ростом левых тенденций и укреплением позиций народных и отечественных фронтов, в рамках которых осуществлялись широкие преобразования, в большинстве случаев выходящие за рамки нерешенных буржуазно-демократических задач. Не вдаваясь в дискуссию о периодизации революционного процесса, о том, имел ли он социалистический характер с самого начала народно-демократических революций или же сперва решались только общедемократические задачи, необходимо обратить внимание на социально-классовый характер установленных непосредственно после победы над немецким фашизмом политических режимов. Конечно, ограниченный объем одной

статьи не позволяет проследить подробно генезис и развитие народно-демократической модели построения социализма, осуществляемой на более широком общественном базисе и уже поэтому альтернативной по отношению к сталинской модели социализма. Можно, однако, выявить некоторые общие тенденции развития этой модели на фоне отдельных (неизбежно фрагментарных, но показательных для иллюстрации общих тенденций) элементов опыта Польши и конкретно Польской рабочей партии (ППР) в первые послевоенные годы.

Непредвзятый анализ рассматриваемого периода приводит к выводу, что народная демократия, особенно на начальном этапе своего развития (именуемого обычно «общедемократическим») была своеобразной коалицией, конструктивным компромиссом между представителями трех общественных классов — пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии. Этот компромисс, выработанный в условиях антифашистской борьбы, стал основой для более глубоких социальных преобразований — земельной реформы, национализации промышленности, ускоренного развития кооперативного сектора. Социальные слои, активно участвовавшие в этих процессах, существовали в преобладающей степени за счет собственного труда, ввиду чего народная демократия имела ярко выраженный характер власти трудящихся масс. Политическая власть была в руках классов, чьи интересы совпадали с интересами большинства, а это означало, что «управление государством действительно согласно воле большинства возможно» [1, т. 34, с. 38]. Следовательно, и полицентрический характер политической системы, характерный для стран народной демократии и конкретно для Польши до 1948 г., был логическим следствием как широкой общественной базы проводимых преобразований, так и особых национальных условий, в которых осуществлялся процесс социалистического строительства. Среди них необходимо отметить не только многолетние демократические традиции в политической жизни, но и ряд обстоятельств текущего момента, с которыми ППР была обязана считаться в своей политике. Таким, например, была подготовка избирательного блока к референдуму 30 июля 1946 г. и особенно — к выборам в Законодательный Сейм в январе 1947 г. Следует напомнить, что вплоть до осени 1946 г. еще не было уверенности, что сохранится единство действий ППР и Польской социалистической партии (ППС) в рамках демократического блока — в рядах социалистической партии слышались голоса о возможности соглашения с крестьянской партией «Польске сторонничество людове» (ПСЛ) Миколайчика. Это вынуждало ППР пойти на компромисс — принять отдельные элементы программы ППС, касающиеся путей общественно-политических преобразований (вопрос о кооперативном и индивидуальном секторах, о политическом плюрализме), чем отчасти можно объяснить выжидательную позицию отдельных течений в ППР.

Нельзя забывать и тот факт, что непосредственно после освобождения Польши от фашизма ППР еще не имела за собой поддержки подавляющего большинства общества — не в последнюю очередь из-за обезглавливания рабочего движения в стране, вызванного роспуском Польской коммунистической партии в 1938 г. и сталинскими репрессиями против ее руководства. Как признавал Первый секретарь ЦК ППР В. Гомулка, после освобождения от фашизма ППР насчитывала немногим более 20 тыс. членов [2]. Отсюда также вытекала необходимость опираться на более широкий классовый союз при реализации прогрессивных преобразований. Не случайно еще на февральском пленуме 1945 г. ЦК ППР В. Гомулка представил четкое видение коалиционного характера народного фронта для условий Польши: «Демократический народный фронт задуман не только на период войны, а на долгий исторический период... Участвуя в народном фронте, наша партия руководствуется прежде всего тем, чтобы завоевать большинство польского народа, а в перспективе весь народ во имя той демократической Польши, о которой мы говорим» [3]. Та же идея развита и в резолюции пленума ЦК ППР от 20 мая 1945 г., где прямо отмечается, что «перед лицом огромных задач, стоящих перед возрожденным польским государством, консолидация всех демократических сил превращается

в самый важный вопрос. Облегчение и ускорение этой консолидации вокруг ядра демократического фронта, каким является временное правительство, сейчас — самая важная задача партии. Поэтому сегодня более, чем когда либо, опасны всяческие проявления сектантства в практической деятельности партийных организаций. Всяческие сектантские уклоны в сторону от линии партии, выраженной в идее широкого народного демократического фронта в Польше, сегодня особенно опасны и вредны» [4].

Все это предопределяло коалиционный характер установленной в стране власти как власти демократического, антифашистского блока, в котором наряду с рабочими и крестьянскими массами участвовали довольно широкие круги прогрессивной интеллигенции, а также представители части буржуазии, склонные к определенному сотрудничеству с новой властью, особенно в экономической области. Логически оформленная на I съезде ППР в 1945 г., эта концепция была принята в качестве основы стратегической линии партии. В политической области она основывалась на многопартийной политической системе, предоставлении широких демократических прав всем слоям общества. В идеологической области она предполагала широкую терпимость по отношению к представителям разных политических взглядов, а также гибкую политику по отношению к католическому духовенству. При этом важно, что такой подход подтверждался впоследствии неоднократно. Так, в решении ЦК ППР от 18 сентября 1946 г. констатируется, что ЦК партии «стремится к углублению существующей многопартийной политической системы, в которой есть место для полной свободы также для оппозиционных партий, если они, защищая свои принципы и отдельные программы, отмежевываются и активно борются со всеми разновидностями фашистской идеологии и методов, а также со всяческими формами нелегальной борьбы и террора» [5].

Сама по себе опора на более широкий классовый союз при осуществлении социалистических по своему характеру конечных целей — ситуация не такая уж уникальная. Стоит напомнить, что успех Великой Октябрьской социалистической революции стал возможен только благодаря поддержке со стороны крестьянских масс после принятия большевиками крестьянского наказа о земле, составленного социалистами-революционерами. Передача земли в руки крестьян не была мерой непосредственно социалистического характера, на что неоднократно указывал и В. И. Ленин, однако, таким образом были заложены реальные основы союза пролетариата с крестьянством. И отнюдь не случайно, что в конце 20-х годов, когда уже намечалась тенденция отхода от этих отношений, сложившихся в рамках новой экономической политики, Н. И. Бухарин предупреждал: «Если у нас социалистическая революция в значительной мере держится на том особом сочетании классовых сил», то это сочетание «должно быть продлено и удержано во что бы то ни стало; ибо если лишиться этого особого благоприятного сочетания классовых сил, то выпадает вся основа развертывания социалистической революции в нашей стране» [6].

Это был не какой-то тактический ход, а элемент постепенно складывающейся концепции классовых союзов, причем в осуществлении не только экономических задач. Даже после негативного опыта гражданской войны и изоляции Советской России первых лет В. И. Ленин допускал (хотя и с минимальной дозой вероятности) возможность политического сотрудничества с определенной частью буржуазии. Конкретизируя задачи советской делегации на переговорах в Генуе в 1922 г., он выдвигал в качестве одной из главных, если не главной политической задачи — выделить пацифистскую, полупацифистскую и мелкобуржуазную демократию из буржуазного лагеря, «стараться льстить этому крылу, объявить допустимым, с нашей точки зрения, и желательным соглашение с ним не только торговое, но и политическое (как один из немногих шансов мирной эволюции капитализма к новому строю, чему мы, как коммунисты, не очень верим, но помочь испытать согласны и считаем своим долгом, как представители одной державы, перед лицом враждебного ей большинства других)» [1, т. 44, с. 407].

В новых условиях развития революционного процесса к этому вопросу

в 30-х годах возвращается Г. Димитров. На заседании секретариата ИККИ по испанскому вопросу он высказал мысль об организации производства «с участием и при контроле со стороны рабочего класса и его союзников в борьбе против фашизма, т. е. мелкой буржуазии и крестьянства. Теоретически это, может быть, будет правильно выразить как особую форму диктатуры рабочего класса и крестьянства на данном этапе» [7]. Не случайно формулировка «диктатура блока» была довольно распространена в 1945—1947 гг. как в Польше и других странах народной демократии, так и в СССР. Отдельные советские обществоведы во второй половине 40-х годов (до пересмотра некоторых теоретических позиций в результате кампании по борьбе с «правыми уклонами» в конце десятилетия), прямо указывали на то, что «налицо диктатура блока, осуществляющего общую национальную демократическую программу. Этот блок — не обычная парламентская комбинация партий, а соглашение, которое было заключено еще в условиях борьбы против немецко-фашистских захватчиков и той части отечественной буржуазии, которая сотрудничала с оккупантами» [8].

По-видимому, категория «блок демократических сил» точно отражает действительное распределение сил на политической арене в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и конкретно в Польше в первые послевоенные годы. Это была уже не «коалиция» (имеющая, как например, парламентская, более конъюнктурный, тактический характер и формируемая между однотипными организациями), но еще не «союз» (предполагающий более высокое совпадение классовых целей). Кроме того, подход к политической системе народной демократии как к диктатуре блока в большей степени предполагает акцент на созидательный характер власти рабочего класса. Ведь именно в этом и суть ленинского подхода к диктатуре пролетариата, при котором она «не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие», а представляет собой такую форму власти рабочего класса, при котором «пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом» [1, т. 39, с. 13]. Подобное «смещение акцентов» обуславливается существенным расширением субъектов политической власти в рамках блока, что автоматически ограничивает потенциальные объекты подавления и придает качественно иной характер политической жизни в целом, предопределяет неизбежность особого сочетания противоположных методов — насилия или диалога — при достижении конкретных политических целей в рамках коалиции.

Самым важным условием и в то же время результатом коалиционного подхода к вопросу о власти было особое сочетание общедемократических и социалистических задач революции и умеренности темпов проводимых преобразований. Вряд ли обоснованно механически разделять решаемые в ходе революции задачи на общедемократические и социалистические, а тем более проводить на этой основе периодизацию революционного процесса. Действительно, на его первом этапе не были распространены непосредственно социалистические лозунги, не говорилось о диктатуре пролетариата, о гегемонии одной партии. Это, однако, был отказ не от социалистической перспективы вообще, а от жесткого увязывания конкретных методов социалистического строительства с теми или иными аспектами опыта СССР. Конечно, тут речь не шла о каком-то антисоветизме. Ощутимое разграничение коалиционных форм власти рабочего класса, осуществляемой в интересах и союзе с широкими кругами трудящихся, от его специфической советской формы в виде диктатуры пролетариата имело свои веские основания. Во-первых, к сороковым годам в понятие «диктатура пролетариата» вкладывалось не ленинское, а сталинское содержание, характеристика конкретного политического режима, определяемого сегодня как «сталинщина». Нельзя забывать, что несмотря на внешнее благополучие, поддерживаемое пропагандистским аппаратом, во многие круги просачивались сведения об истинном обличьи сталинизма с его репрессиями и беззаконием. Во-вторых, не во всех странах были изжиты до конца антисоветские настроения, усиленно распространявшиеся до войны

правлящими кругами. В условиях Польши они кроме того накладывались и на особую чувствительность к комплексу русско-польских отношений. Как подчеркивал видный деятель польского коммунистического движения Ф. Фидлер, «надо помнить, что народ, который 150 лет был поработан, — сверхчувствителен, и на каждом шагу мы должны подчеркивать свой политический, экономический суверенитет, нашу независимость от кого бы то ни было. Многие люди не отличают еще советской власти от прежней русской власти, и наша задача состоит в том, чтобы побороть антирусские преубеждения» [9]. Этот комплекс особенно сильно сказывался при заимствовании практического опыта строительства нового общества, накопленного прежде всего в СССР. В-третьих, уже в 40-х годах реакционные группировки и империалистическая пропаганда стали выдвигать тезис, что революционные преобразования в странах Центральной и Юго-Восточной Европы «импортированы» на штыках Красной Армии и механическое внедрение использованных в СССР механизмов давало бы дополнительный материал для подобных утверждений.

Необходимо отметить, что с самого начала революционного процесса ряд мер новой власти имел скорее социалистический характер, хотя они и не провозглашались таковыми. Вообще стоит более осторожно подходить к определению «социалистический». Например, тотальное огосударствление средств производства и искусственное ограничение кооперативного сектора, провозглашавшееся в течение десятилетий как реальное продвижение к социализму, было таковым только согласно представлениям сталинистов о «зрелости» разных форм собственности. Сегодня, оказывается, призыв «больше социализма!» вполне совместим с развитым, равноправным кооперативным сектором, а ведь это осознавалось многими деятелями рабочего движения, большой частью актива ПНР и особенно ППС еще в 40-х годах. Кроме того, демократические преобразования в большинстве случаев перерастали присущее им по общепринятым догмам содержание, и в их рамках создавались условия для достижения социалистических целей. Не только и не столько из-за «забегания» революционной волны дальше «диктуемых» объективными условиями рубежей, но прежде всего потому, что эти преобразования несли в себе намного более мощный заряд дальнейшего «полевения» настроений, создавая предпосылки для развития революционного процесса.

Показателен в этом отношении пример земельной реформы в Польше в 1944 г., в рамках которой земля была разделена и передана в индивидуальное владение сельским хозяйствам. Ситуация и тут сильно напоминает 1917 г. в России. Являясь по своей форме общедемократической, эта мера была, однако, первым осязаемым приобретением для огромной части польского общества, полученным от народной власти, и существенно способствовала стремительной радикализации настроений. В этой атмосфере был создан климат для массового восприятия в качестве «своей» новой народной власти, облегчая тем самым и решение многих других задач, выходящих далеко за рамки демократических (например, набор в ряды народного Войска Польского, формирование кадров государственного аппарата, службы безопасности, милиции, органов самоуправления). В конечном счете эта общедемократическая мера давала социалистические результаты, помогала при формировании политической армии революции, предоставляя возможность продвижения по общественной лестнице широким слоям трудящихся, которые, «наблюдая массовый характер общественных преобразований, подобных их собственной судьбе, оказали новой власти свою бесценную, поистине массовую поддержку. Сделали они это независимо от того, что не понимали, а инстинктивно даже отбрасывали разные формулы, имманентно связанные с этой властью» [10].

Именно для сохранения возможности достичь социалистических целей демократическими по форме средствами и была необходима особая коалиционная форма осуществления народной власти, в рамках которой было возможно координировать разнонаправленные интересы отдельных социальных слоев, представленных в коалиции. Организационным же воплощением коалиционного принципа построения политической системы в ус-

ловнях строительства социализма были отечественные народные или национальные фронты. Этот принцип органически вписывается в целостную концепцию построения нового общества на основе рождающегося общественно-экономического уклада при существующей социальной базе, при широкой преемственности и использовании объективных завоеваний этапа буржуазной демократии (всеобщего избирательного права, свободы слова, принципа разделения властей, возможности выявления и реализации целой палитры общественных интересов), которые не только не противостоят политической системе социализма, но — более того — единственно в этой системе могут найти свое полное воплощение.

В рамках подобного генетического подхода отдельные элементы старого уклада рассматриваются в качестве необходимых элементов нового, отсюда и стремление в максимальной степени увязать задачи социалистического строительства с непосредственными интересами людей, на определенном этапе использовать в механизме складывающихся общественных отношений даже те элементы, которые, будучи взятыми изолированно, будут чужды социально-экономическим условиям нового общества. Строительство социализма согласно такому подходу идет не путем бескомпромиссного разрыва со старым миром, при котором вся логика исторического развития сводится к диалектическому скачку и в качестве непосредственной задачи ставится «очищение» общественно-экономического базиса от всего «чужого» в классово-политическом отношении. В данном случае прерывность в историческом развитии не противопоставляется преемственности, а элементы нового получают преобладающие позиции путем эволюционного накопления [11]. На это прямо указывал на I съезде ППР и В. Гомулка: «В условиях народной демократии, при укреплении политической власти и государственного аппарата последовательно демократическими элементами, при развитии национализированного производства вполне возможен путь эволюционных общественных преобразований и эволюционного перехода к социалистическому строю. Народная демократия перешла бы мирным путем в демократию социалистическую» [12].

Условием сохранения социалистической перспективы в ходе эволюционного развития было наличие в политической системе и конкретно, в народном фронте, руководящего стержня — гибкой в своей политике марксистско-ленинской партии, которая бы сохраняла и направляла в социалистическое русло расширяющийся заряд радикализации настроений в обществе. Своей деятельностью во Фронте партия могла реализовать свою руководящую роль, продвигать проводимые реформы дальше общедемократических рубежей. С другой стороны, сохранение буржуазно-демократических завоеваний (парламентаризма, принципа разделения властей, многопартийности и т. д.) давало бы возможность отражать в рамках политической системы широкую палитру общественных интересов, выражаемых разными, представленными во Фронте, субъектами политических отношений. Такая структура политической системы не позволяла бы Коммунистической партии занимать развращающую монопольную позицию, имплицитно исключаящую возможность политической активности других политических организаций, не стоящих на коммунистической платформе. На это вполне однозначно указывал В. Гомулка на пленуме ЦК ППР 20 мая 1945 г.: «Если существует правительственная коалиция, а она существует, то не может быть тотальности» [13, т. VII, с. 12]. Подобный подход был бы серьезным барьером на пути утверждения командно-директивных методов управления обществом и предполагал применение более гибких политических инструментов руководства — труднее осуществимых, но единственно эффективных в длительной перспективе, о чем говорит опыт послевоенных политических кризисов и конфликтов в Польше и не только в ней.

Таким образом, коалиционный характер народной демократии по своей сути был осуществлением принципа «кто не против нас, тот с нами». Он предполагал ясное осознание того факта, что содержание и предназначение оппозиции и других проявлений альтернативного политического мышления может быть разным, что только в своих маргинальных прояв-

лениях они направлены на ликвидацию социально-экономических основ существующего строя, что грань между критической и оппозиционной мыслью в высшей степени условна и без трезвой конструктивной критики власть обречена на загнивание. Ведь не случайно еще В. И. Ленин отмечал недопустимость каких-либо репрессий «против товарищей за то, что они являются инакомыслящими» [14].

Неизбежно напрашивается вопрос: а не является ли коалиционный характер организации движущих сил революционного процесса одной из его главных общих закономерностей? Конечно, это предполагает наличие руководящего ядра и направляющего — но суть именно в коалиции, объединяющей широкие слои трудящихся, со своими специфическими интересами. Если принять этот тезис, то в ином свете предстает как революционный процесс после второй мировой войны в целом, так и проблема перерастания пародно-демократических революций в социалистические, вопрос диктатуры пролетариата в частности.

В сущности, вопрос о взаимосвязи диктатуры пролетариата и коалиционных форм управления сводится к проблеме социальной базы революционных преобразований — такой базы, которая обеспечивала бы необходимую поддержку со стороны масс для успешного их проведения. Именно результативность революционного процесса является ключевым, исходным пунктом, предопределяющим, в зависимости от непосредственных условий в данной стране, конкретные методы осуществления этих преобразований.

Надо признать, что до сих пор в марксистском обществоведении вопрос о возможностях и перспективах коалиционных форм революционной власти не изучен с достаточной ясностью. Он не разработан, может быть, отчасти из-за не преодоленных еще сталинских догм в понимании закономерностей революционного процесса, а может быть просто по причине абсолютизации имеющихся у классиков высказываний о диктатуре пролетариата и ее неизбежности при осуществлении где бы то ни было и в каких бы то ни было условиях социалистической революции. На этот счет обычно приводят высказывание Маркса из «Критики Готской программы», согласно которому «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [15, т. 19, с. 27]. Приводятся и многочисленные цитаты из произведений Ленина, что «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества» [1, т. 41 с. 27], что это есть «классовая борьба пролетариата при помощи такого орудия, как государственная власть» [1, т. 40, с. 18]. Неоднократно подчеркивается, что при сколько-нибудь серьезном обострении классовой борьбы «не может быть ничего среднего, кроме диктатуры буржуазии или диктатуры пролетариата. Всякая мечта о чем-либо третьем есть реакционная lamentация мелкого буржуа» [1, т. 37, с. 498].

Но вряд ли можно абсолютизировать эти мысли, понимать их догматически, в отрыве от конкретных условий, в которых они были сформулированы, тем более, что у классиков есть и другие высказывания. Конечно, у них можно найти любые цитаты, даже опровергающие их собственные позиции по тем или иным конкретным вопросам. Но если не вырывать отдельные их мысли из общего контекста, то оказывается, что Ленин вполне серьезно говорил о коалиционных формах власти — до момента, пока не было негативного опыта в отношении возможностей использования таких форм. Не случайно в 1902 г., до первой русской революции, по поводу выработки программы РСДРП В. И. Ленин писал: «остается несомненным, что понятие „диктатуры“ несовместимо с *положительным* признанием чужой поддержки пролетариату. Если бы мы действительно *положительно* знали, что мелкая буржуазия поддержит пролетариат при совершении им его, пролетариатской, революции, тогда не к чему бы и говорить о

„диктатуре“, ибо тогда вполне обеспечено было бы нам такое подавляющее большинство, что и без диктатуры прекрасно обошлись бы» [1, т. 6, с. 229]. Однако после уроков революции 1905—1907 гг., а особенно после Великой Октябрьской социалистической революции, на такую поддержку рассчитывать было намного сложнее.

Отсюда следует, что вопрос о необходимости или неизбежности диктатуры пролетариата ставился Лениным в прямую зависимость от социальной базы, на которую мог бы рассчитывать рабочий класс в ходе революционного переворота и дальнейшего социалистического строительства. В конкретных условиях России на поддержку со стороны мелкобуржуазных слоев рассчитывать не пришлось. Упомянутый компромисс с эсеровским наказом о земле был исключением в области экономической стратегии. В сфере же политического управления мелкобуржуазные слои после роспуска Учредительного собрания и позднее партии левых эсеров никакого представительства не имели. В конечном счете это означало ориентацию на форму политического управления с доминирующей, а впоследствии и монопольной позицией Коммунистической партии. В этом смысле можно сказать, что диктатура пролетариата, как одна из форм власти рабочего класса, не допускает (или допускает в минимальной степени) сотрудничества с непролетарскими слоями в политической области, в то время как народная демократия предполагает такое сотрудничество. Этим и обуславливается отличие народной демократии от диктатуры пролетариата как двух форм власти рабочего класса.

После окончания второй мировой войны в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в рамках сформировавшихся патриотических фронтов уже можно было говорить о положительной поддержке пролетариата со стороны мелкой и части средней буржуазии — условию, о котором говорил В. И. Ленин. Все это открывало возможность для существования новых форм власти рабочего класса, которые, однако, выполняли бы те же функции, что и государство диктатуры пролетариата. Ведь вплоть до поворота 1948 г. неоднократно в официальных документах ППР говорилось о том, что диктатура пролетариата не является неизбежным условием строительства социализма в стране. Вполне определенно это выразил на первом съезде ППР один из его делегатов: «Победа народа в войне против капитала дает нам возможность перехода от народной демократии к социалистической демократии. Это — не какое-то утверждение, рассчитанное на сегодняшний день, утверждение тактического характера, высказанное нами для того, чтобы избежать слова диктатура пролетариата, которое может кого-то раздражать. Налицо новая ситуация. Мы сознаем, что можно избежать потоков крови, всех тех катастроф, которые прежде считались неизбежными» [13, т. X, с. 236]. То же самое, по существу, подчеркивал не раз и В. Гомулка. Например, в своей речи перед собранием актива ППР и ППС 30 ноября 1946 г. он подробно обосновал тезис, что в особых условиях Польши «диктатура рабочего класса, а тем более диктатура одной партии, не является ни необходимой, ни целесообразной». Признавались как «необходимость и польза индивидуальной инициативы и необобществленных форм производства в некоторых областях промышленности», так и полный отказ от коллективизации сельского хозяйства. Общественно-политическое развитие должно было осуществляться эволюционно, при «демократическом способе осуществления власти», притом «форма осуществления власти трудящимися массами не обязательно принимает облик советов» [16].

Конечно, неизбежность компромисса в виде коалиционных форм политической власти была очевидна для всех — с той разницей, что не все рассматривали этот компромисс одинаково. Для представителей реалистического крыла в ППР он был осуществлением стратегии социалистического строительства, рассчитанной на длительную перспективу. Для представителей же сектантско-догматических тенденций он был временной, тактической сменой средств в борьбе с «классовым врагом». Притом эти тенденции давали о себе знать на протяжении всего 1945 г. — и после майского пленума ЦК ППР, и во время подготовки первого съезда партии —

в виде отдельных призывов к установлению однопартийной системы и советской власти, к форсированию социалистических преобразований. Даже во время самого съезда в декабре 1945 г. в прениях второго и третьего дня можно было отметить симпатии некоторых делегатов к силовым методам решения вопросов политического характера. И это несмотря на то, что в докладе В. Гомулки были определены принципы и характер установленной в Польше власти как власти блока и подчеркивалась вполне реальная возможность мирного перехода к социализму. Не все также были уверены в возможности мирного пути к социализму и в связи с этим подчеркивалось, что «сегодня трудно сказать, пойдём ли мы к социализму вооружённым путем» [13, т. X, с. 203]. Слышны были даже призывы «порвать с кретинизмом легализма, который прокрался у нас там, где должен господствовать железный закон защиты демократического строя» [13, т. X, с. 210]. Тут уместно напомнить слова К. Маркса о том, что «восстание было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели более быстрым и верным путем...» [15, т. 17, с. 635].

Все это говорило о том, что некоторая часть делегатов (а они отражали определенный настрой актива партии в целом) крайне упрощенно представляла себе суть переходного периода, не разграничивала в достаточной степени методы борьбы за захват политической власти от форм созидательной работы по ее укреплению. Не случайно и то, и другое рассматривалось как целостная «борьба против классового врага», что находило отражение и в формулировке непосредственных целей революционных действий, средств их реализации. Некоторые делегаты прямо призывали «бить врага сегодня и пропагандой, и организацией масс, и оружием, и всеми теми средствами, которыми располагает наша партия». У демократического лагеря, говорили они, «много таких средств. Самое важное из них — это огромный опыт, который наша партия и демократический лагерь накопили при разгроме реакции и оккупантов» [13, т. X, с. 248]. Отсюда уже только шаг к разгрому на основе того же опыта и политической оппозиции. В дальнейшем эти методы борьбы обретут самодавляющее значение, трансформируясь в специфические формы организации самого социалистического строительства.

Но это произойдет только после 1948 г. До тех пор между представителями сектанско-догматических тенденций, предпочитающих рассматривать общественное развитие в категориях сталинского тезиса об обострении классовой борьбы, с одной стороны, и сторонниками коалиционного подхода при осуществлении политической власти — с другой, сохранялось динамическое равновесие. Оно пошатнулось в конце 40-х годов по разным причинам, среди которых не последнюю роль играло изменение международной обстановки. В итоге к концу 40-х годов в руководстве ПНР **возобладали сторонники отказа от демократической концепции общественного развития, которая уже давала практические результаты.** Эта концепция была основана на более трезвом анализе соотношения классовых сил, возможностей общества, была рассчитана на эволюционный переход к новому типу производственных отношений. Вместо нее началось некритическое копирование отдельных элементов советского опыта, и прежде всего элементов и стереотипов командно-бюрократической модели. Практически во всех странах народной демократии «наряду с творческим использованием советского опыта имело место и его некритическое восприятие в ряде вопросов, не соответствовавшее объективным условиям и возможностям этих стран» [17]. Это в конечном счете привело к ряду негативных процессов в европейских социалистических странах, глубокое исследование которых стало назревшей проблемой марксистского обществоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
2. Гомулка В. Пути развития польского рабочего движения. — За прочный мир, за народную демократию!, 1948, № 9, с. 6.
3. Kształtowanie się podstaw programowych PPR w latach 1942—1945. Warszawa, 1958, с. 324, 325.

4. PPR: rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniki KC sierpień 1944— grudzień 1945. Warszawa, 1959, s. 132.
5. PPR — Komitet centralny. Rezolucje, odezwy, instrukcje. I 1946 — I 1947. Warszawa, 1967, s. 146.
6. Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988, с. 422.
7. Димитров Г. Из выступления на заседании Секретариата ИККИ по испанскому вопросу 18 сентября 1936 г.— Избранные произведения в трех томах. Т. 2. М., 1983, с. 245.
8. Трайнин И. П. Демократия особого типа.— Советское государство и право, 1947, № 1, с. 13.
9. Protokół I Zjazdu PPR. Centralne archiwum PZPR 295/I—25, k. 203.
10. Jagiello J. O polską drogę do socjalizmu. Warszawa, 1984, s. 84.
11. Ципко А. С. Некоторые философские аспекты теории социализма. М., 1983, с. 38—43.
12. Gomułka W. W walce o demokrację ludową (artykuły, przemowienia). Т. I. Warszawa, 1947, s. 301, 305.
13. Archiwum ruchu robotniczego. Warszawa.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983, с. 300.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.
16. Gomułka W. Jednością silni.— Nowe drogi, 1947, № 1, s. 12.
17. Нежинский Л. Н. У истоков социалистического содружества. СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XX столетия. М., 1987, с. 222.

ДМИТРИЕВ М. В.

К ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИОННОЙ ПРОПОВЕДИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Реформационное движение, охватившее страны Европы в XVI в., родилось как протест против системы средневекового католицизма и как выражение потребности в создании новых церковно-религиозных структур. Реформационное движение затрагивало и православные регионы: с одной стороны, протестанты пытались развернуть реформационную пропаганду среди православного населения Балкан и Восточной Европы и достигли в этом определенных успехов; с другой, они пробовали привлечь православную иерархию к борьбе с католицизмом [1]. Особенно остро проблема взаимоотношений протестантизма и православия стояла в Польше и Великом княжестве Литовском. Здесь католическая и православная церкви сосуществовали в течение весьма длительного периода, и сложилась обширная зона их интенсивного контакта. Поэтому протестантизм добился определенных завоеваний не только в собственно польских, но и в украинско-белорусских землях, преимущественно среди местной шляхты и магнатов, отчасти и среди городского населения. Дореволюционная историография ограничивалась констатацией этого факта и, считая, что им исчерпывалось значение реформации для восточнославянского православия, не придавала серьезного значения местным автономным проявлениям религиозного свободомыслия и протеста против традиционного православия, хотя не раз указывала на их существование [2]. Однако сегодняшний этап развития историографии этой проблемы позволяет говорить, что, во-первых, реформационные движения в восточнославянском регионе сыграли большую, чем думалось прежде, роль, и влияние их было глубже, чем предполагалось ранее [3; 4]. Во-вторых, местная религиозная оппозиция православию сложилась в результате воздействия двух факторов — проникающего из Польши и других стран протестантизма и, так сказать, автохтонной, самобытной традиции восточнославянского свободомыслия, причем первоначальные шаги антиправославной религиозной оппозиции были независимы от протестантских влияний [4; 5].

В последнее время удалось несколько расширить круг памятников и свидетельств, доставляющих информацию о восточнославянских реформационных движениях середины и второй половины XVI в. Общей характеристике одного из них и посвящена настоящая статья. Речь идет о рукописном сборнике толково-учительных слов на евангельские и апостольские чтения из собрания Ю. А. Яворского в Отделе рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде [6]. Уже Ю. А. Яворский, нашедший этот сборник, определял его содержание как протестантское. Однако описывавший состав рукописи И. И. Фетисов упустил из виду

Дмитриев Михаил Владимирович, канд. ист. наук, преподаватель исторического факультета МГУ.

эту важнейшую особенность содержания сборника [7], и, видимо, поэтому памятник оставался фактически не введенным в научный оборот. Единственное упоминание о нем содержится в работе А. Л. Петрова, который предполагал, что поучения сборника переведены с какого-то лютеранского польского сочинения, критика направлена в основном против католиков, а кое-какие выпады против православных добавлены, вероятно, переписчиком. Во всем сборнике он выделил лишь три противоправославных фрагмента [8].

По структуре и некоторым особенностям содержания сборник близок украинско-белорусским рукописным учительным евангелиям второй половины XVI в., которые, как установлено польским исследователем Я. Яновым, имеют мало общего с традиционным учительным евангелием, опубликованным Иваном Федоровым в 1569 г. [9]. Двадцать проповедей сборника расположены в последовательности, соответствующей православному церковному календарю и обнимают период от субботы 6-й недели Великого поста (воскресение Лазаря) до третьей недели после Пасхи (неделя о расслабленном). Каждая из проповедей является развитием или интерпретацией одного из фрагментов евангелия или апостольских посланий. Новозаветный текст приводится сначала полностью, затем разбивается на отдельные фразы, каждая из которых подвергается толкованию. Такой композиционный принцип проводится во многих рукописных учительных евангелиях этого периода, но это внешнее сходство с ними сборника из собрания Ю. А. Яворского, который пронизан последовательно реформационным духом и отчетливыми оппозиционными настроениями, сочетается с полным несходством содержания проповедей. Отметим, что сам по себе налет реформационных настроений характерен для значительного числа украинско-белорусских рукописных учительных евангелий второй половины XVI в., некоторые из которых, как установил Я. Янов, содержат прямые переводы из «Постылли» М. Рея, знаменитого польского писателя середины XVI в., примкнувшего к протестантам и выражавшего реформационные настроения польской шляхты своими произведениями, «Постыллей» в первую очередь [10]. Однако большинство поучений сборника Ю. А. Яворского, во-первых, оригинально, во-вторых, отмечено такими реформационными идеями, которые не свойственны ни сочинению Рея, ни восточнославянским переложениям фрагментов этого сочинения.

Когда был создан сборник из собрания Ю. А. Яворского? Водяные знаки позволяют отнести его к 60-м годам XVI в. [11]. В самом тексте никаких прямых указаний на время создания сборника нет, однако присутствуют косвенные приметы именно 60-х годов XVI в. В частности, обращает на себя внимание активная полемика с антитринитариями, свойственная именно этому периоду истории восточнославянских реформационных движений. При этом в центре спора оказывается мнение, что только человеческая природа Христа участвовала в его искупительной миссии [6, л. 84—84 об., 7 об., 102 об., 116 об., 117, 140, 149—150, 155, 177 об., 201]. Такая идея была выдвинута в польском реформационном движении в 50-е годы XVI в. Фр. Станкардом и активно оспаривалась именно в конце 50-х — первой половине 60-х годов XVI в. [12]. На сравнительно раннее появление сборника указывают и слова автора о тайном распространении реформационных идей [6, л. 102 об.]. Наконец, весь идейный состав проповедей, в высшей степени созвучный той религиозной полемике, которая велась в 60-е годы XVI в. в украинско-белорусских, польских и русских землях, также указывает на одновременность создания всего комплекса полемических сочинений, в том числе и сборника из собрания Ю. А. Яворского.

В какой среде бытовал сборник, из каких кругов вышел, кому был адресован? Никаких данных об авторе сборника его текст не дает. Но то, что составитель сборника был представителем реформационного движения, явствует из всего содержания проповедей. Древний белорусско-украинский язык — указание на то, что адресатом проповедей было православное население Великого княжества Литовского и Польши, к которому принадлежал, очевидно, и автор. Важнее всего то, что непосредственным объектом реформационной критики анонимного проповедника была пра-

вославная церковь. Среди обличаемых им церковников не раз упоминаются патриархи и игумены, а римская курия остается вне критики [6, л. 110, 216 об., 223 об. и др.]. Образ распятого Христа, противопоставленный симонистской иерархии, вызывает к совести «неверных греков и Руси» [6, л. 140]. Толкуя начало Евангелия от Иоанна, автор пишет: «А та евангелия ... бывает читана ... во всех церквах грецких и русских» [6, л. 149]. Авитринитарские высказывания некоторых радикальных реформаторов автор выводит из отступления католиков от никейского символа и добавления филиокве [6, л. 155]. В одной из проповедей содержится критический отзыв о существовании чистилища [6, л. 85]. В то же время, истолковывая обычай еврейской Пасхи, автор подчеркивает, что для обрядов применялся пресный хлеб и рассматривает это как аллегорическое или пророческое указание на необходимость оберегаться от «кваса» ложного вероучения и лицемерия, «старого, завонялого кваса антихристовой науки» [6, л. 118 об., 119]. Однако контекст и распространенность этого мотива в православной церковно-учительной литературе показывают, что суть вопроса здесь не в обрядовом споре католиков и православных, а в использовании ветхозаветных текстов для обоснования реформационной критики. Отголоски религиозных споров католиков и православных, по-видимому, можно услышать и в порицании мнения «облудных пастырей», будто Христос явится на Страшный суд уязвленный ранами и даже сохранит их, сидя на небесном престоле [6, л. 192—192 об., 203].

Несколько раз в качестве противников, подвергнутых осмеянию и критике, в сборнике фигурируют «попове с плешью» [6, л. 164 и др.], в чем А. Л. Петров видел указание на лютеранскую основу памятника [8, с. 35—36, прим. 3]. Однако из всего содержания сборника и даже из вышеприведенных фрагментов видно, что критика, обращенная в основном и в первую очередь против православной церкви, имела и более широкое предназначение — борьбу со средневековым христианством вне зависимости от его конфессиональной окраски. Обратим внимание также на то, что аналогичные выражения встречаются в катехизисе С. Будного, заведомо апеллирующего к православному населению Речи Посполитой [13]. Дьяки православной церкви также иногда выстригали гуменцо [14].

В сущности, вопрос о том, протестантским ли по происхождению является сборник, или он порожден православной средой самостоятельно, во многом искусственен и имеет гносеологическое основание в идущем от эпохи вероисповедальной вражды представлении, будто явления, возникшие на почве католицизма, абсолютно чужды и безразличны православной традиции. Это, конечно же, не так и тем более не так в условиях Речи Посполитой XVI в., где православные и католические диоцезии (епархии) территориально накладывались друг на друга. Поэтому естественно, что реформатор — будь он католиком или православным по рождению, — прикнув к реформационной общине, выступал и против той и против другой церкви. Ничто не было более чуждо и протестантам, и восточнославянским вольнодумцам, чем приверженность к обрядовым и вероучительным особенностям православия и католицизма.

Автор сборника был человеком высокого образования и обширной филологической подготовки, о чем говорят неоднократно встречающиеся в тексте сборника ученые филологические комментарии, пояснения, толкования, в том числе относящиеся к древнееврейским терминам [6, л. 4 об., 28—28 об., 34 об., 36 об., 114 об., 143—143 об., 179, 214 об.]. Он не раз вступает в полемику с неназванными по имени оппонентами, комментируя текст писания, и однажды упоминает некоего «мистра и доктора жидовского», считающего, что местом погребения Адама была Голгофа [6, л. 105 об.]. Определение того, к кому относится эта реплика, позволило бы пролить свет на авторство сборника и точнее установить время его создания.

Итак, сборник проповедей из собрания Ю. А. Яворского — памятник идеологической религиозной борьбы в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. Борющимися сторонами выступают украинско-белорусское православие и противостоящие ему реформационные круги, из которых и вышел этот памятник. С тем, чтобы точнее опре-

делить его место в идейных процессах этого времени, необходимо сопоставить содержание сборника с другими известными источниками такого же характера и функции. И поскольку по своему «жанру» сборник близок учительным евангелиям, а они, как мы отметили, испытали известное влияние «Постылли» М. Рея, следует сравнить содержание сборника в первую очередь с этим польским сочинением.

Сразу же отметим, что крупных прямых сюжетных совпадений нам обнаружить не удалось. Самый набор сюжетов у М. Рея иной, чем в сборнике, в котором мученичеству, распятию и воскресению Христа (дни от Великого четверга до воскресения Пасхи) посвящено 11 из 20 проповедей при общем незначительном объеме сборника, в то время как в огромной «Постылле» с десятками (более 80) поучений эти события комментируются весьма бегло и всего лишь в двух специальных календарных проповедях и одном дополнительном поучении. Сама концентрация проповедей сборника вокруг пасхальных чтений указывает на его жизненность именно для православной среды.

Если мы посмотрим на проповеди сборника, имеющие прямые сюжетные эквиваленты в «Постылле», то обнаружим, что даже в тех случаях, когда евангельские тексты и сюжеты, толкуемые в «Постылле» и сборнике, совпадают, автор сборника в очень незначительной степени использует материал «Постылли», а в своих суждениях и выводах идет значительно дальше М. Рея. Для примера обратимся к поучению на 6-ю неделю поста, опирающемуся на евангельский рассказ о въезде Христа в Иерусалим. Автор сборника выделяет три темы, повод к осмыслению которых ему дает евангельский рассказ: смирение и униженная покорность Христа при въезде в Иерусалим, «способ царства господа Христоваго» и необходимый образ служения Христу. По мнению автора сборника, скромный и униженный въезд Христа в Иерусалим объясняется вовсе не усталостью Христа, а намеренной демонстрацией «кшталта царства его», власти, которая «не належит в пысе светской, але в милосредии и покорности» [6, л. 4 об.]. Такая смиренность и скромность вызваны стремлением исполнить пророчества о явлении мессии в образе жертвенного агнца, а исполнение пророчества, подкрепленное чудесами, должно стать заверением народа Израильского в том, что избавление близится [6, л. 4 об., 5]. Такой мотив присутствует и в «Постылле» Рея. Мессия должен явиться людям не как светский и коронованный владыка, а в образе смиренном, заурядном и униженном, что соответствует библейским пророчествам [10, л. 2, 3 и др.]. Текстуальных совпадений в интерпретации этого мотива мы не находим, но некоторые фрагменты сборника, перечисляющие ветхозаветные предсказания явления в «рабском виде царя небесного» могут быть расценены как сокращенный пересказ соответствующих страниц «Постылли» (ср. [6, л. 4 об., 5 об.; 10, л. 2]). Отметим также присутствие в тексте сборника ученого филологического толкования слова «силог» (мессия, счастливый) [6, л. 4 об., 5], что очень характерно для сборника и совершенно не свойственно Рею.

При разворачивании второй темы проповеди авторов сборника и «Постылли» объединяет принципиальное противопоставление «Христового царства небесного» «панствам и сполечностям» земного мира (ср. [6, л. 6 об., 7; 10, л. 3]). И опять-таки характерно, что автор сборника противопоставлял царство Христово не только Саулову и Давидову, т. е. библейским, но и державе Александра Македонского [6, л. 7], чего мы не находим в «Постылле». Образ Христа в обоих произведениях противопоставлен царям «дочесным», но если в «Постылле» это противопоставление имеет характер правоучительной оппозиции гордости и скромности, надменности и смирения [10, л. 2 об., 3], то в нашем сборнике сравнение много более контрастно и не ограничивается моральными оценками: «Бог Христос своих не добывал мечем и валками того света, яко панове и царие дочеспии, але яко покорный и убогий откушил своих верных не сребром ани злотом, але наидорожшею кровию своею власною» [6, л. 7 об.]. Помимо этого, в отличие от Рея, автор сборника настойчиво актуализирует евангельский рассказ, подчеркивал, что своим смирением Христос укорял не только современных

ему иудеев, но и «облудных» христиан новых времен, «иудеям подобных» [6, л. 7 об.].

Евангельский образ людей, бросавших свои одежды и ветки вайи под ноги вшедшему в Иерусалим Христу, сходным образом интерпретируется в «Постылле» и в сборнике, а отсылки к пророчествам Ездры почти текстуально совпадают (ср. [6, л. 8 об., 9; 10, л. 2 об.]. Однако за пределами этого эпизода речь автора сборника и Рея снова расходится. Высказывания о том, что для служения Христу и прежде и теперь выбирались люди «подлии, убозии, низкого стану, люд от света отверженный», по смыслу совпадают в сборнике и «Постылле» (ср. [6, л. 9 об., 10; 10, л. 1]). Весьма близко стоят друг к другу и тексты, показывающие, как следует вслед за евангельскими персонажами восхвалять смиренного в своем небесном величии Христа и обращаться к нему с молитвами (ср. [6, л. 10—11; 10, л. 3 об.]). Яснее всего близость сборника и «Постылли» видна в заключительных частях соответствующих текстов (ср. [6, л. 11—11 об., 12—12 об.; 10, л. 4]). В то же время в концовке поучения из сборника есть фрагмент, совершенно не свойственный «Постылле»: «потреба есть нам абысмы ему вдячныи цветы и ваиа вѣнныи отдавали, але не такыи, яко заведении христиане носят врьбовныи, которыи антихрист чаруеть, а они тѣм то па чары розбирают. Але оу нас христианув цветы и ваиа имеют быти веры нашей напред послушанство слова милостивого бога, потым любовь, радость духовная и т. д. [6, л. 11 об.]. Этот фрагмент много ближе восточнославянской церковно-учительной традиции, чем польской, а его антиобрядовое настроение, красной нитью проходящее и через все другие поучения сборника, отвечало требованиям нескольких поколений восточнославянских реформаторов.

Сопоставленные нами проповеди М. Рея и автора сборника показывают, что даже в тех случаях, когда наш автор прямо использовал материал «Постылли», зависимость его от Рея была вовсе не абсолютной. И по богословской оснащенности, и по содержательности текст автора сборника не уступает «Постылле». При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет о тех поучениях нашего сборника, которые и сюжетно, и по материалу, и по характеру идей ближе всего примыкают к «Постылле». Это третье поучение в Великий четверг (об «искушении самого себя» перед причастием), где трактуется тема греховности человека, милосердия Бога и вопрос о путях спасения [6, л. 12 об. — 27; 10, л. 86—99 об.]. Это 13-е поучение — на утрени Светлого Воскресения [6, л. 133—146 об.; 10, л. 107 об. — 110 об.]; и 16—19 поучения — в понедельник, вторник и две первые недели по Воскресению [6, л. 177 об. — 229 об.; 10, л. 110 об. — 125]. В этих поучениях наиболее отчетливо сказалось влияние «Постылли» на сборник, но прямых заимствований в большинстве только что перечисленных проповедей нам обнаружить не удалось, хотя их идейная направленность очень близка.

Текстуальные совпадения обнаружены нами лишь в поучении «об искушении самого себя» перед причастием. Вместе с М. Реем (но не вслед за ним) автор напоминает, что перед причастием в соответствии со словом Божиим необходимо подготовиться в восприятие хлеба и вина, т. е., с одной стороны, осознать свои грехи, покаяться, соотносить свое поведение с требованиями христианского учения, а с другой стороны, твердо уверовать в щедрость Божьего милосердия, дары святого духа и возможность обновления жизни во Христе [6, л. 13 об.; 10, л. 97 об., 98]. Автор сборника согласен с Реем и в том, что без осознания греховности своей природы человек не нуждается бы в причащении и вере в милосердие и благодать Бога. Но такая ситуация, по их солидарному мнению, просто невозможна, потому что даже соблюдение всех десяти заповедей еще не освобождает человека от бремени греха [6, л. 17 об.; 10, л. 98].

Но после этого фрагмента мнения автора сборника и Рея расходятся. Рей в соответствии с католической традицией, видит источник греховности человека в проклятии, которому подверг его Бог, и в гневе Божьем. Иначе автор сборника. Он не упускает возможности противопоставить истинное понимание греха и греховности ложному, тому, которое культивируется господствующей церковью. «Абовем познание греха правдиве не в том належит, толко знати прозвиско грехови або их памятати, або часто вы-

личати,... такое познание греху зверховное нич не ест пожиточно без познания внутреннего христового» [6, л. 18 об.]. В понимании «внутреннего христового познания греха» заключено второе существенное отличие позиции автора сборника от позиции Рея. В чем состоит такое познание? Почему недостаточна внешняя исповедь? Потому что «все грехи человечесии имеют гнездо в сердцю человечесим; а коли юж человек имеет грех выполнити зверховне, а в сердцю юж он ся зародил зуполна, едно иж ся наверх не добыл, так яко курча у яйци, которое юж зупелне ся уродит и живо будет, аже потым наверх выниидеть, також тыж и во сердци нашем родятся зуполнии грехы, а плынут от сердца якобы от жрюдла» [6, л. 18 об.]. Где исток различного понимания греховности человека М. Реем и автором сборника? Скорее всего, в разнице тех религиозно-культурных традиций, в рамках которых сформировались воззрения авторов. Если для Рея греховность природы человека и грех в целом имеет свое происхождение в преступлении Адама, нарушении им заповеди Бога, расторжении договора, обуславливавшего его блаженное пребывание в раю, что вызвало гнев и проклятие Творца, то автор сборника в соответствии с восточнославянской православной традицией понимает грех как некую субстанциональную испорченность человека, независимую от его взаимоотношений с Богом, обусловленную прежде всего его собственной свободной волей, исконной расположенностью к прегрешению, изначальным несовершенством человеческой природы.

Некоторые другие фрагменты анализируемого поучения сборника также находят параллели в тексте «Постылли» (ср. [6, л. 26, 27; 40, л. 98 об.]), но в сумме прямые текстуальные заимствования очень незначительны. Что касается заимствований идейных, то при всем их значении для этой и других проповедей сборника, вряд ли можно говорить о вторичности идейного содержания этих поучений по отношению к «Постылле». Правильнее отметить самый факт известного идейного воздействия М. Рея на автора сборника, воздействия, которое, естественно, невозможно точно измерить, по которое очень далеко от пассивного переноса идей и высказываний «Постылли» в новый текст.

В пределах настоящей статьи мы не можем проанализировать сколько-нибудь подробно соотношение различных проповедей сборника с текстами «Постылли», но и в границах привлекаемого материала можно установить, в каком направлении и какими путями автор сборника перерабатывал содержание «Постылли». Так, к примеру, обратимся к проповеди, важной для уяснения реформационных установок автора сборника — о пастырях ложных и истинных. Основу для раскрытия этой темы составили тексты 10-й главы Евангелия от Иоанна. Сборник использует текст Иоанна в полном объеме — стихи 1—16. «Постылля» — только 11—16. Это не случайно. Ведь именно первые 10 стихов соответствующей главы Иоанна содержат высказывания, на которые может активно опереться реформационная критика духовенства: Христос здесь противопоставлен ворам и разбойникам, расхищавшим божье стадо и приходившим в овчарню до Христа. Идея преамбулы проповеди и в сборнике, и в «Постылле» совпадают вплоть до буквальных параллелей. Вместе с Реем автор сборника подчеркивает, что только Христос, по мысли евангелия, может быть истинным пастырем и учителем христиан, и среди овец христианского стада он признает лишь тех, кто слышит голос его (ср. [6, л. 214—214 об.; 40, л. 122]). Но уже суммируя темы проповеди, автор сборника существенно расходится с «Постыллей». Автор выделяет в ней три части: как отличить доброго пастыря от злого и «овечек божьих» от «козлищ»; кто в церкви Божьей является истинным пастырем, а кто насмником, злодеем и разбойником; как должно церкви относиться к язычникам и привлекать ли их в христианскую общину [6, л. 214 об.]. Рей выделяет четыре урока из записанного поучения — о том, что Христос окружил верных христиан своей божественной опекой, послав в мир истинных пастырей; Христос обещал вознаградить добросовестных пастырей и наказать лживых; как следует отличать истинного пастыря от ложного; не нужно бояться остаться без пастырского наставления, если лжепастырь тебя покинул, а новый

еще не пришел, ибо Христос всегда находится рядом со своими верными исповедниками [10, л. 124 об., 125]. Видно, что проповедь сборника ставит проблемы более решительно и целенаправленно. И действительно, если критицизм Рея носит довольно осмотрительный и осторожный характер, тексты «Постылли» зачастую исполнены сентиментальных настроений, то автор сборника избегает компромиссов, недомолвок, его проповедь дышит духом непримиримой борьбы с господствующей церковью. Через весь сборник проходит сопоставление современного автору христианства с иудаизмом времен Понтия Пилата, а сторонников реформационной программы — с верными учениками распинаемого Христа. Обращаясь к высказываниям пророков о том, каков должен быть истинный пастырь, автор сборника прямо использует их слова для критики современной ему церкви: «протож господь ту показует, иж не вшитых имами розумети пастырни и овцами, котории в церкви месце дръжат». Истинные пастыри и овцы должны быть верными только самому Христу, и это требование евангелия, по заявлению автора сборника, очень полезно современной ему церкви, «бо не есть заразлившого поветря церкви божей, едно коли вълци въ овчим оденю приходят между овце або коли злии пастыре под титулом добрых пастырюв в церкви радят» [6, л. 216]. Таких пастырей автор называет «выродками» и «злого ложа детьми», а «поветрие» — «злым и ядовитым», которое «оттигат люди от оного единого пастыря господа сына божиа» [6, л. 216—216 об.]. Далее автор сборника отбрасывает всякую маскировку и намеки и бросает открытый вызов современному ему православию: «Видимы то и днесь, што люди простыи отводит от евангелия ничь иное, едно титулы оны высокии, которых събе люде начинили, то ест патриарха, митрополит, архимандрит, владыка, намесник, гумень, чрънецъ. А под тыми титулы волци и хыщници люд божий зводят, бо простащи не хотят тому верити, абы то слово божие было, которому ся предложении с тыми титулы спротивляют» [6, л. 216 об.]. Закапчивает автор свое обличение прямым призывом к читателям, «абы ся не давали оуводити пастырюм церковным, котории суть явными неприятелии евангелии его» [6, л. 216 об., 217].

Ничего подобного мы не находим в «Постылле» Рея. Он нигде не выходит за рамки наставительного аллегоризма, нигде прямо не противопоставляет Христа как единственного пастыря армии духовенства, претендующего на посредничество между верующими и искупителем, и, допускающая возможность существования церкви без священнического сословия, ни разу не призывает к низложению прежней иерархии. Критика в адрес «наемников» и псевдопастырей ограничена обвинением, что они думают только о том, чтобы сосать молоко овечек и стричь их шерсть и претендуют на способность спасать души от чистилища при помощи обрядов и заклинаний [10, л. 123 об., 124]. Вот пример обращения, адресованного пастырям и верующим: «Не спеши же, милый мой пастырь за убогим наймом этого мира, не становись убогим наемником его, не покидай бедных твоих овечек и не уводи их на ложные и ошибочные пастбища, где этот разбойник волк, схватив тех, кто, заблудившись, покинул истинное пастбище, их растерзал и убил бы» [10, л. 123]. Если автор сборника объявляет отступниками от евангелия и Христа практически все духовенство, то Рей обходится значительно более распылчатым призывом отличать голос истинного пастыря от голоса ложного по тому, в чем тот «кладет свои надежды» — в самом ли Христе, его муках и искушении, или в самом себе, в своей прерогативе разрешать человека от грехов, в чистилище, в кадиле, в свечках и пр. [10, л. 124]. Иными словами, сборник вооружал читателя ясной системой реформационных идей, в то время как Рей воздерживался от таких призывов и формулировок, которые вели бы к прямому разрыву с церковью.

Таким образом, видно, что автор сборника испытал известное влияние «Постылли», но далеко не подчинился ему. Поучения сборника, даже те, которые обнаруживают связь с «Постыллей», вполне самостоятельны. Большинство проповедей вовсе не имеет параллелей в «Постылле». Реформационная программа сборника значительно глубже, острее и энер-

гичнее, целенаправленнее и последовательнее, чем реформационные тенденции творчества М. Рея в «Постылде» [15].

Сборник из собрания Ю. А. Яворского может быть сопоставлен еще с одним памятником реформационной протестантской идеологии в восточнославянских землях, в Белоруссии — с давно и хорошо известным «Катехизисом» С. Будного [13]. Вряд ли можно сомневаться, что автор сборника был знаком с «Катехизисом» — во-первых, потому, что это издание было широко известно в православных землях Речи Посполитой, во-вторых, потому, что некоторые идеи сборника, отнюдь не являющиеся общими местами реформационной идеологии, находят непосредственные аналогии в «Катехизисе». Будный выступал против нищенствования и обвинял тех нищих, которые могут работать, в краже: «Крадут, которые хлеб напрасно едят, а ничего не робятъ. Крадут калеки, котории могучи работою покормитися, не хотяя робити, але жebroють» [13, л. 90]. Милостыню следует давать только истинно убогим, не способным прокормиться своими силами, а тех, «кто робити не хочеть» и в «калеки идеть, хотяжь будеть и здоров, и молод, и тако з милостыни живеть» следует задерживать, запретить им бродяжничать и привлекать к принудительной работе [13, л. 61—62]. Точно такой же взгляд отстаивает и автор сборника: действительно, калеки, инвалиды и больные нуждаются в опеке, заботе и милостыне, и им «есмы повинни служити яко святым людям и братии в Христе». Но это отнюдь не относится к тем, которые «чинятся убогими, котории бы могли працою своєю не толко себе, але и иного поживити. А онь ся оучинит калекою и бегаєт по свету, абы з милостыни жил... А тацци сут злодее ... а таковым не достоит милостыню давати». Господа должны следить за этим и «такым молодым и дужим жebroати не допустити» [6, л. 233 об., 234]. В унисон звучат и те фрагменты сборника и «Катехизиса», где речь идет о «потехах» (у Будного — «пожитки»), получаемых христианами в результате воскресения Господа (ср. [6, л. 146—146 об.; 13, л. 146]). Совпадают по смыслу и отдельным выражениям высказывания автора сборника и С. Будного по вопросу о творении мира Богом через Сына-Логоса и противопоставление ортодоксальной позиции в этом вопросе еретическому отрицанию сотворенности мира (ср. [6, л. 151—153; 13, л. 125 об., 126]). Определенное сходство можно обнаружить и в некоторых других случаях.

Вместе с тем, при сопоставлении поучений сборника с «Катехизисом» в них выявляется большая, чем у Будного, смелость в критике господствующей церкви, нападки на духовенство имеют более острый характер, противопоставление реформационного учения церковной доктрине как богооткровенной истины «людскому вымыслу» более бескомпромиссно. С. Будный, хотя и осуждает систему феодально-крепостнической эксплуатации и называет возлагаемые на крестьян чрезмерные повинности «дьявольскими вымыслами» [13, л. 62 об., 63, 65 об.], последовательно проповедует идею сознательного социального повиновения [13, л. 69—71 об.] и даже требует, чтобы подданные не только несли надлежащие повинности, но и служили господам так же, как они служат Христу [13, л. 67—67 об., 74—74 об.]. Автор же сборника постоянно приравнивает господ и иерархов к древнеиудейским сановникам и архиереям, распявшим Христа, возлагает на дворян ответственность за извращение истинной веры и религиозный обман крестьян, обвиняет «незбожников и балвохвальцев» в том, что «бронячи оуостав патриаршеских и вымыслов шатаньских», они более всего заботятся не о славе божьей, а о своих епископствах, «паньствах», обеднях, грошах, обильной кухне и пр. [6, л. 35, 40], хотя, как и С. Будный, не допускает возможности насильственных действий, и, в конце концов, оправдывает существование государственных и феодальных институтов. В ряде случаев, автор сборника идет дальше Будного в критике традиционных ортодоксальных религиозных представлений, отрицая, например, в отличие от Будного, реальное присутствие тела и крови Христа в причастии [6, л. 192; 13, л. 234 об., сл.].

Таким образом, «Катехизис» С. Будного, несомненно, входит в круг памятников, с которыми связан сборник из собрания Ю. А. Яворского,

но, как и в случае с «Постыллей», не является источником значительных идейных заимствований.

Проповеди сборника Ю. А. Яворского создавались в то время, когда в православных областях Великого княжества Литовского активно действовали русские вольнодумцы, бежавшие в середине 50-х годов XVI в. из Русского государства. Идеология русских реформационных движений, связываемых источниками с именем Феодосия Косого, отражена наиболее полно в двух памятниках — анонимном «Послании многословном» [16] и «Истины показания» [17], принадлежащем перу Зиновия Отенского. Время создания обоих произведений — середина и вторая половина 60-х годов XVI в. [18], т. е. тот период, когда обличаемые еретики вынесли реформационную проповедь за русские границы и уже около десяти лет активно участвовали в религиозно-общественной борьбе в Великом княжестве Литовском. Поэтому вполне закономерно, что содержание «Послания многословного», являвшегося ответом на присланную из русско-белорусского пограничья грамоту, в которой излагалось учение пришедших из Москвы вольнодумцев и содержалась просьба дать оценку «новому учению» Феодосия Косого, в высшей степени созвучно тому, что известно о восточнославянской реформационной проповеди из сборника Ю. А. Яворского. Коротко их соотношение можно представить как соотношение тезисного, краткого (в «Послании многословном») и развернутого, полного (в сборнике) изложения одной и той же (или очень близких) реформационной программы, с учетом, конечно, вариаций и отклонений.

Исходным пунктом учения феодосиан, соответствовавшим в целом общепротестантской доктрине, было отрицание официального церковного вероучения, культа и религиозных организаций как человеческого предания и противопоставление им основанного на непосредственном прочтении писания апостольского идеала церкви и религиозной жизни [16, с. 144—145]. Зиновий Отенский так передавал позицию феодосиан: «посему ложнии учителя епископи и попы, понеже учат — книг в руку не держат. Сам же Косой посему истинна учителя себя сказует, понеже в руку имея книги и тыя разгибая, комуждо писаная дая самому прочитати и сия книги расказует» [17, с. 42, 43]. Феодосиане видели преимущества учения своего лидера в том, что оно «открыто, а отеческое учение закрыто и того ради отеческое учение почитати бесполезно» [17, с. 12]. В сборнике из собрания Ю. А. Яворского несколько раз повторяется, что евангелие закрыто для обреченных на гибель лжехристиан, следующих человеческим вымыслам вместо евангелия [6, л. 208 об., 214 об., 215, 219 об.]. Сравним два высказывания: попы «нерядными фалшивыми науками своими отвели их (паству.—*М. Д.*) от бога до болванувь, от Христа до людий оусопших и до обедне и до иных вымыслув и оустав диавольских» [6, л. 225]. «Именуют себе Русь православными, а они паче человекослужители и идолослужители; понеже храмы поставиша и в них иконы мертвых аки идолы утвердиша... Бога же не ведят, ниже могут ведати, понеже в идолослужение впадоша» [17, с. 413]. «Обоготориша бо мертвых и молятся мертвым аки Богу... оставивши бо самого Бога, к мертвым прибегают» [17, с. 438; ср. 6, л. 97; 16, с. 221—222]. Подобные примеры очень близких по духу высказываний о противоположности человеческого предания и истинного христианского учения, взятых из сборника Ю. А. Яворского, «Послания многословного» и «Истины показания» можно было бы и умножить.

Автор сборника не раз подчеркивает, что единственным путем спасения души является покаяние и упование на милосердие божие, которое полностью исключает молитвы, богослужение, приношения и пр. Не нужно «облудных оных споведий поповьских, ани обедний, ани понахыд, ани сорокоуст, ани досытучиненя за грехы. Токмо на самом покаянии а на вере престал господь Христос» [6, л. 85, 17, 18 об., 45, 51 об., 52, 92, 97, 104—104 об., 192, 208 и др.]. Присланная из Белоруссии грамота сообщала о действовавших здесь реформаторах: они утверждали, что «несть потребы молитвы творити... яко бог сердца чиста токмо истязует, а не молитвы. И в евангелии писано, духом и истиною кланятися» [6, л. 177 об.]. «Ныне

приношения бог не взыскует... ныне жертва богу — дух съкрушен» [16, с. 95, 143]. Автор сборника отрицал присутствие подлинного тела и крови Христа в причастии [6, л. 192, 126 об., 127, 185, 206 об.]. Аналогично Косой: «Песть бо тело Христово или кровь; Христос глаголюм предаде, а не тело свое, ни кровь свою. И то причастие простой общей хлеб, и ясти его, якоже и общий хлеб, не приуготовляся» [16, с. 143].

С точки зрения феодосиан, ярко запечатленной и в «Послании многословном» и в «Истины показаний» церковно-религиозная жизнь православных есть мнимое благочестие: «в церкви каменяя приходите, а того в евангелии и апостоле не писано... Не подобает церквам ныне бевати... ныне не церкви сия създаны, но кумирницы суть и златокузницы... церковь не стены, но верных съборы...» [16, с. 13—14]. «Церкви кумирнице, и церковная служба идольская служба, и пост непотребен, молитвы неподобны, вся та человеческая предания» [17, с. 44]. В совершенно том же ключе критикуется внешнеобрядовая сторона религии в сборнике: церкви суть «кумирницы», прежняя публичность — «облудное, покрытое набоженство», подлинная церковь — это «христианская сполечность», «збор» верных исповедников Христа, объединение людей в имя его [6, л. 192, 17, 44 об., 187 об., 201]. Новой церкви не нужны храмы, но нужны специальные помещения для отправления службы, «ачь та окраса не имеет быти яко в облудных христианув, котории до каплиц своих наставляли образув малеванных, немых, гаждых и слепвых» [ср. 16, с. 69] «и зовут то окрасоу, что бог зовет мерзостию. Але у нас христианув имеет быти месце ку сировавано службы божей особливое, светлое, спокойное» [6, л. 30].

О себе феодосиане говорили: «И чада мы есмы, яко познахом истину, занеже у нас разум духовный. И аще кто наш разум имеет, то брат духовный и чадо есть... Никому же так не открылася истина, яко же нам открыся», мы «от любодения несмы рожены» [16, с. 143—145, 217]. Это кардинальное положение учения Феодосия Косого раскрывается в сборнике: «А иж мы правдивыи христиане почитани есмы за сыны божи в Христе... а то не пошло с природности нашей, але нас з ласки даром своим господь бог починил себе за сыны...» и т. д. [6, л. 167, 168 об.].

Необходимо обратить внимание, что в сборнике постоянно повторяется жалоба на то, что вольнодумцы-реформаторы гонимы за истину, подобно первым апостолам [6, л. 39 об., 49 об., 50, 60 об., 61, 240 об. и др.]. Тот же мотив настойчиво повторяется в высказываниях феодосиан: «яко же жидове и мучители древле апостолов гоняху, тако и нас ныне гонят заблужшие» [6, с. 279—280; 17, с. 791, 876—878, 878—879]. Эта особенность содержания сравниваемых памятников может указывать на связь автора сборника с кругом феодосиан, потому что именно бсжавшие из Руси в Великое княжество Литовское вольнодумцы в отличие от своих единомышленников в Речи Посполитой, где проповедь реформационных идей протекала в обстановке известной терпимости со стороны властей, подвергались гонениям и преследованиям.

Наконец, нельзя не упомянуть о некоторых социальных идеях, прямо связывающих известия об учении Феодосия Косого с проповедями сборника собрания Ю. А. Яворского. В грамоте, излагавшей учение феодосиан, был передан их призыв не подавать милостыни нищим и не почитать родителей [16, с. 143—145]. Печальный с первого взгляда смысл этих требований проявляется при сопоставлении со сборником и с «Катехизисом» С. Будного: в цитированном выше отрывке нищенствование рассматривалось как проявление паразитизма и на этом основании резко порицалось. В «Катехизисе» Будного, который, как мы видели, оказал влияние на автора сборника, вопрос об отношении к родителям решается в тесной связи с вопросом о социальном повиновении и об отношении к государственной власти. В таком же контексте, хотя с иным, чем у Будного выводом, он ставится в «Послании многословном». Материал сборника помогает лучше понять выдвинутый Феодосием Косым лозунг равенства народов и вер — «едино суть у Бога и татарове, и немцы и прочии языцы» [16, с. 143]. В сборнике читаем: «знати имама, иж окрум браку особь яко жидовина и поганина, поляка и русина, волшого и неволника Господь Бог припущат

до того сыновства вшитких, котории едно верят в сына его и преставают на науце его» [6, л. 167].

Конечно, отнюдь не во всем содержание сборника Ю. А. Яворского совпадает с тем, что известно об учении Феодосия Косого из русских полемических сочинений. Например, автор сборника в отличие от Косого и феодосиан стоит на позициях признания и почитания властей, оправдывает феодальный сословный порядок, проповедует повиновение господам, не осуждает напрямую войн, выступает против антитринитариев и тех, кто сомневается в искупительной миссии Христа, его божественной природе, кто верит в самобытность мира и пр. Эти отличия, которые варьируются при переходе от одного памятника к другому, указывают, что сам реформационный протест против восточнославянского православия в третьей четверти XVI в. был явлением живым, меняющимся, развивающимся и многообразным, вмещающим широкую палитру неоднородных идей, что вовсе не отменяет факта общности главных устремлений и принципиальных воззрений восточнославянских реформаторов.

В целом, рассмотрение идейного содержания сборника из собрания Ю. А. Яворского в контексте единовременных ему памятников, обращавшихся в православной среде Великого княжества Литовского и в пределах Русского государства в 60-е годы XVI в., позволяет сделать вывод о его самобытности и большом значении для понимания характера, идеологического арсенала, степени глубины и главных особенностей реформационной проповеди, направленной против православной церкви в середине XVI в. Как эта проповедь соотносилась с различными направлениями реформационного движения этого времени? Скорее всего, сборник из собрания Ю. А. Яворского запечатлел переходный момент движения реформационных идей в православной среде от умеренного протестантизма, плохо понятого и поверхностно воспринятого шляхетскими сторонниками реформации вроде М. Рея, к более радикальным и в религиозно-философском и в социальном плане программам, нашедшим законченное выражение в учении Польских братьев и Феодосия Косого. С тех позиций, которые зафиксированы в проповедях сборника, можно было идти и влево, и вправо. Поучения сборника дают возможность, с одной стороны, во многом по-новому взглянуть на сохранившиеся сведения об учении Феодосия Косого и продемонстрировать, что движение феодосиан было явлением общевосточнославянского масштаба и веса; с другой стороны, лучше понять роль и значение польского протестантизма в становлении реформационной оппозиции православию в восточнославянских землях Речи Посполитой в этот период. В известной степени сборник из собрания Ю. А. Яворского должен послужить тем ключевым памятником, который поможет сомкнуть сведения о протестантизме в украинско-белорусских областях с данными о местном самостоятельном движении реформационного протеста против господствующего православия. Это позволит вернее оценить роль реформации в культурном и социальном развитии восточнославянского региона в XVI в. Поэтому дальнейшее изучение памятника, которому посвящена настоящая статья, представляет немалый научный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Benz E. Wittenberg und Byzanz. Zur Begegnung und Auseinandersetzung der Reformation und der östlich-orthodoxen Kirche. München, 1971.
2. Грушевський М. С. Історія України — Руси. Т. VI. Київ — Львів, 1907, с. 420—435; Грушевський М. С. Культурно-національний рух на Україні в XVI — XVII вв. Київ — Львів, 1912, с. 46—58; Левицький О. Соціалізм в Польщі і Юго-Западній Русі в XVI і XVII в. Київ, 1882; Розов А. Отношение православных Юго-Западной Руси к протестантизму в XVI и первой половине XVII в. Вильно, 1881; Плисс В. И. Исторический очерк проникновения и распространения реформации в Литве и Западной Руси. — Христианское чтение, 1914, № 2, с. 199—234.
3. Исаевич Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI — XVIII ст. Київ, 1966, с. 71—87, 196, 209; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М. — Л., 1955.

4. *Дмитриев М. В.* Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI — первой половине XVII в. — Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1984.
5. *Подкошкин С. А.* Реформация и общественная мысль в Белоруссии и Литве. Вторая половина XVI — начало XVII в. Минск, 1970, с. 177—204; *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977, с. 61—68.
6. Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 893 (собр. Ю. А. Яворского), № 22.
7. *Фетисов И.* Українські рукописи збірки Ю. А. Яворського. — В кн.: Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови. Вип. III. Київ, 1931, с. 25—26.
8. *Петров А. Л.* Отзвук Реформации в русском Закарпатье XVI в. Няговские поучения на евангелие. (Материалы для истории закарпатской Руси. Т. VIII.) Прага, 1923.
9. *Janów J.* tłumaczenia ruskie z Postylli M. Reja w ewangeliarzach kaznodziejskich XVI i XVII w. — Sprawozdania Polskiej Akademji Umiejętności, 1929, № 8, s. 2—10; *Janów J.* Problem klasyfikacji ewangeliarzy «uczytelnych» (kaznodziejskich). — Sprawozdania Polskiej Akademji Umiejętności, 1947, № 8, s. 296—306; *Janów J.* Wpływ Reja na Ruś. — In: Prace filologiczne, t. XIV. Warszawa, 1929, s. 476; *Janów J.* Przyczynek do źródeł ewangeliarza popa Andrzeja z Jarosławia. — In: Prace filologiczne, t. XV, cz. 2 Warszawa, 1931, s. 119—162.
10. *Rej M.* Postylla. — In: Dzieła wszystkie, t. IV. Wrocław 1965.
11. *Laucevicius E.* Poperius Lietuvoje XVI—XVIII a. Vilnius, 1967, s. 224 (№ 3604, 1557—1559 гг.).
12. *Кареев П. И.* Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886, с. 140—141; *Любовин Н. Н.* История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии. Варшава, 1883, с. 215—216, 271—273; *Lubieniec-ki Si.* Historia Reformationis Polonicae. Warszawa, 1971, s. 116—131.
13. *Будный С.* Катихизис, то ест наука стародавняя христианская от светого писма для простых людей языка русского в пытаниях и отказах собрана. Несвиж, 1562, л. 240 об.
14. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 2, ч. 2. М., 1911, с. 90.
15. *Brückner A.* Mikołaj Rej; Człowiek i dzieło. Lwów, 1922, s. 34—45.
16. Послание многословное. Сочинение инокa Зиновия. Изд. А. Попов. — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. М., 1880, кн. 2, с. 1—305.
17. *Зиновий Отенский.* Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863.
18. *Морозова Л. Е.* Вопросы атрибуции «Послания многословного», полемического произведения XVI в. — История СССР, 1975, № 1, с. 101—109; *Булакин Д. М.* Кодикологические наблюдения над рукописью «Послания многословного». — В кн.: Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 65. Geburtstag. Herausg. von A. Rexhenser und K. H. Ruffman. Erlangen, 1982, S. 153—164.

РОЙТМАЙЕР Б., ШИЛЛИХ И.

ФРАНЦ ПРЕШЕРН В СВЕТЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ СО СЛАВЯНСКИМИ НАРОДАМИ

Величайший словенский поэт первой половины XIX в. Франц Прешерн (1800—1849) мало известен вне национальных границ, хотя его поэтическое творчество находится на таком же высоком художественном уровне, как и достижения самых выдающихся поэтов мира — Петрарки, Гете, Пушкина. Это можно объяснить немногочисленностью словенского народа (полтора миллиона человек) и распространенностью его языка лишь на небольшой территории. Кроме того, при жизни поэта словенские земли находились под властью габсбургской империи, неблагоприятно смотревшей на честолюбивые политические и культурные стремления национальных меньшинств и подавлявшей их пылкие национальные и культурные порывы из страха перед их перерастанием во всеобщую революцию.

Однако в последние десятилетия известность и слава Прешерна за рубежом постоянно увеличиваются, многие из его поэм переведены почти на все европейские языки (итальянский, испанский, французский, немецкий, английский), но прежде всего — на родственные славянские.

Наиболее ценный вклад в художественное освоение и исследование творчества крупнейшего национального поэта Словении за рубежом был сделан в последнее столетие в России. Уже в 60-х годах XIX в. М. Н. Петровский впервые переводит несколько поэм Прешерна на русский язык. Его последователем на рубеже веков стал известный славист и поэт-переводчик Ф. Е. Корш, издавший в 1901 г. свои переводы — «Стихотворения Франца Прешерна» отдельной книгой, снабдив ее подробным предисловием [1].

За последние годы советские переводчики в значительной степени способствовали ознакомлению русских читателей с творчеством словенского поэта. Переводы Н. Тихонова, М. Светлова, Л. Мартынова, В. Луговского, М. Зепкевича, М. Павловой и С. Шервинского мастерски передают поэзию Прешерна, сохраняя яркий отблеск его поэтического гения.

Целью данной статьи является освещение культурных и литературных взаимоотношений, влияний и возможных поэтических схождений между произведениями Прешерна и других славянских поэтов.

XIX век был веком брожения и национально-освободительных движений народов габсбургской империи, требовавших политических и культурных прав. Эти устремления вдохновлялись главным образом их национальной литературой, особенно их поэзией, представлявшей собой мощный двигатель национального самосознания. Хотя поработанные иноземной силой славянские народы как бы сплотились в борьбе против ненавистного общего врага, однако их сознательные взаимные связи и

Ройтмайер Божена — бакалавр искусств, Монреальский университет, Канада.
Шиллих Игорь — доктор философии, адъюнкт-профессор Университета Острова принца Эдварда, Канада.

совместные усилия в то время были еще недостаточно развитыми. На связи с независимыми или полунезависимыми славянскими государствами, особенно с Россией и Сербией, немецко-австрийское правительство смотрело с неодобрением, доходившим до откровенного запрета. Если, несмотря на эти ограничения, можно отметить культурные и литературные влияния, как, например, в случае личной встречи Прешерна с К. Г. Махой или И. И. Срезневским, то они не отличались глубиной или продолжительностью, так как носили случайный характер. Поэтому славянские литературные достижения не могли в значительной мере способствовать формированию художественного творчества Прешерна.

Прешерн был искренним другом славянства, свободным от узко понимаемого патриотизма, от шовинизма и желавшим свободы и прав для всех народов. Хотя он относился с большей симпатией к политическим, культурным и литературным усилиям других славян и был готов сотрудничать с ними, однако он был далек от идеализации панславизма, который, по его мнению, в руках неразборчивых в средствах вождей, мог принести и негативные результаты для многих славянских народов. «Не только панславизму, но и паниллиризму, я желаю самого лучшего процветания, но я думаю, что то, что взойдет из посеянного, надо оставить до урожая, когда в день страшного суда, господь отделит зерна от плевел» [2].

Самое сильное и непосредственное влияние оказали на Прешерна чехи, хотя это влияние было не строго литературного, а скорее культурного и интеллектуального характера. Уже в ранний период его творчества между Прешерном и передовыми чешскими культурными деятелями установилась прочная связь, которая продолжалась в течение всей его жизни. Он переписывался с самыми выдающимися чешскими учеными того времени — Челаковским, Добровским, Шафариком, Колларом и Ганкой. Эта корреспонденция ценна для понимания сложного внутреннего положения славянских народов Австрийской империи периода, предшествовавшего революции 1848 г.

Самые дружеские отношения связывали Прешерна с великим чешским поэтом, ученым, культурным и национальным деятелем Ф. Л. Челаковским (1799—1852), автором трехтомной работы «Славянские народные песни», написанной под большим влиянием идей Гердера, Гримма и Гете, народной поэзии. Челаковский был среди деятелей славянской культуры первым, кто открыл и правильно оценил поэтический талант тогда еще юного Прешерна. Он выразил Прешерну свое уважение и восторг в письме от 24 декабря 1832 г., а затем опубликовал в «Журнале чешского музея» по просьбе историка Ф. Палацкого очень лестную для Прешерна статью. В ней он безоговорочно ставил поэзию Прешерна рядом с произведениями Державина, Жуковского, Пушкина, Коллара и Мицкевича [3]. Хорошо знавший искусство славянских народов Челаковский проявлял большой интерес к русской литературе. Его высокая оценка поэзии Прешерна, возможно, свидетельствует о том, что Челаковский усматривал известное поэтическое родство между Пушкиным и Прешерном. Любовь Челаковского к славянскому фольклору обнаруживается особенно ясно в его предпочтении баллад «Утопленник» Пушкина и «Водяной» Прешерна. В обеих балладах нашло отражение народное понимание сверхъестественных и естественных сил и его тонкие психологические мотивировки.

По мнению Челаковского, публикация поэм Прешерна в значительной степени способствовала повышению литературного уровня альманаха «Краинская пчелка». Статья Челаковского сопровождалась чешским переводом поэм Прешерна «Прощанье с юностью», «Совет дочки», «Солдатская» и сонет «Так как лодочник...» [3, с. 446—449]. Особенно сильное впечатление произвел на Челаковского сатирический сонет «Как впредь писать нам слово „каша“?»¹, но по понятным языковым и историческим

¹ Сонет был написан в разгар словенской «азбучной войны» между сторонниками новой словенской орфографии («метелчицы»), предложенной словенским грамматиком Ф. Метелко, и сторонниками старой орфографии. Новая орфография не нравилась, и словенцы приняли, как и хорваты, «гаицу», пазвашую по имени ее изобретателя Л. Галя, который использовал чешское письмо.

причинам, он был напечатан в словенском оригинале. Указывая на значение сонета, Челаковский подчеркивал: «Этим сонетом Прешерн остроумно высмеял крайних грамматистов и орфографов, однако, в несколько измененном виде, сатира могла бы попасть в цель и в нашей родной Богемии...» [3, s. 450]. Критическую оценку словенского литературного альманаха Челаковский заканчивает словами одобрения и моральной поддержки: «Пусть вас также воодушевляет сознание, что ... свыше шестидесяти миллионов славян с чувством симпатии будут смотреть на ваши культурные усилия и умственную деятельность и по заслугам оценят ваши шедевры» [3, s. 453—454]. Чешский ученый П. И. Шафарик также отозвался с горячей похвалой о «Поэмах» Прешерна, опубликованных в 1847 г.

Следуя примеру Челаковского, собиравшего славянские народные песни, Прешерн также начал собирать и обрабатывать словенские народные песни.

Глубокое впечатление на Прешерна произвел молодой чешский романтик К. Г. Маха, с которым он познакомился, когда чешский поэт вместе с писателем А. Штробахом, возвращаясь из Италии, остановились в Любляне. Они оживленно обсуждали вопросы славянской поэзии и славянского единства.

Романтизм и пробудившийся у европейских народов интерес к национальной истории способствовали распространению в Чехии целого ряда «средневековых» чешских и древнеславянских эпических поэм, «открытых» такими чрезмерно эмоциональными деятелями культуры, как В. Ганка. Романтическое пристрастие к этим текстам мешало прислушаться к трезвому голосу И. Добровского, публично объявившего «открытую» Ганкой рукопись подделкой.

Известно, что Прешерн выступал против подобных «внезапных» открытий древних народных памятников в Словении. Так, незадолго до своей смерти он предупреждал доверчивого и поверхностного знатока истории литературы, редактора «Новиц» Я. Блейвейса, об опасности неосторожного публичного «открытия», которое могло быть намеренно подготовленной мистификацией или изделием непомерно горячего патриота [2, s. 282—283].

Не без оговорок принимал Прешерн творчество пенимого им Я. Коллара, который ввел в поэзию идею славянского единства. Самое выдающееся произведение Коллара — «Дочь Славы» представляет собой поэтическую «мечту» о паномничестве в славянские страны и обнаруживает ряд сходств отчасти с «Чайльд Гарольдом» Байрона и отчасти с «Божественной комедией» Данте. В 151 сонете поэмы любовь поэта к возлюбленной сливается с его страстной преданностью славянству, прославляется его славное прошлое, трагическое настоящее и многообещающее будущее. Несмотря на несомненные достоинства, поэма грешит и рядом недостатков. Прешерн особенно критиковал ее тяжеловесность и необузданную патетику. Выводы современной науки подтверждают критицизм Прешерна: «Преследуемый навязчивой идеей обнаружить следы славян, он (Коллар) повсюду открывал славянские этимологии. Для него латынь по существу славянского паречия, а Италия — колыбель славянских племен венетов и арматов. Голуби Венеции символизируют „голубиный характер славян“ — образ, заимствованный у Гердера» [4].

Отрицательную оценку Прешерна получило и эссе Коллара «Славянская взаимность», где идея панславизма применяется к литературе. Несмотря на ряд ценных практических предложений, благоприятствующих культурным и литературным связям между славянскими народами, в целом эта работа носит довольно поверхностный и односторонний характер. Коллар говорит здесь только о четырех главных славянских языках — о чешском, польском, русском и иллирском, и полностью пренебрегает малыми славянскими народами [5, s. 304—307]. Лозунг Коллара «Нам всем принадлежит все, что есть славянского», вызвал неодобрение Прешерна, выступавшего за научную обоснованность и оригинальность. По мнению Ф. Кидрича, эти слова послужили Прешерну

импульсом для последующего осмеяния Коллара и его единомышленников в сонете «Чего зевать нам» [5, s. 210]. В едкой короткой эпиграмме в гекзаметрах «Хвастуны из четырех многочисленнейших славянских народов» и в сатире «Новая литературная школа» он также выразил свое отрицательное отношение к чрезмерному усердию приверженцев славянской идеи. Особенно в сатире Прешерна откровенно высказывает свое мнение, что ни одному из славянских народов не подобает говорить о превосходстве собственного языка, ибо сербы обогатили свой словарь турецкими словами, русские — татарскими, поляки перегрузили свой язык излишним употреблением французских выражений, а «храбрый чех» оскорбил свой говор немецким словом «мусс» [2, s. 61—66].

Литературные связи Прешерна с южными славянами — хорватами, сербами, македонцами, черногорцами и болгарам были не очень тесными. От Копитара и своего близкого друга А. Смоле, посетивших Сербию, Боснию и Хорватию, он узнал о литературе южных славян, в частности, об известной сербской балладе «Кралевиц Марко» и других песнях горцев. Южнославянское народное искусство пользовалось огромной популярностью у таких иностранных художников слова, как Гете, братья Grimm, Мериме, Пушкин, Нодье, Скотт, переводчик сербских народных песен Браунинг, высоко ценивших это новое «открытие». Им Прешерна обязан дополнительными сведениями о литературе своих южных соседей. «Иллирийское движение» и контакт с поэтом С. Вразом, собирателем южнославянских народных песен, способствовали углублению познаний Прешерна в этой области, знакомству с такими выдающимися культурными и литературными деятелями, как Л. Гай, Я. Драшкович, И. Мажураич, П. Прерадович и Д. Деметар. От Чопа, профессора гуманитарных наук во Львове, он узнал о поэте Дубровника И. Гундуличе, чья пасторальная пьеса «Дубравка» и эпос «Осман», написанные сильным, выразительным языком очень понравились словенскому поэту. Он высоко ценил В. Караджича, однако в целом народная поэзия южных славян не оказала на Прешерна влияния, так как он оставался исключительно лирическим поэтом. Интересен в этой связи факт, что, когда Челаковский обратился к Прешерну с просьбой сообщить ему сведения о новой хорватской и далматинской литературе, Прешерна попросил ответить на эти вопросы своего друга Чопа, ссылаясь на недостаточные познания в этой области [6].

В XIX в. условия для словенско-хорватских связей были несравненно менее благоприятны, чем в предыдущее столетие, когда «в Граце и Целовце были опубликованы многие произведения южнославянского происхождения» [7]. Так, когда Враз путешествовал с целью собирания материалов для поэтической коллекции «Гусли и тамбуры» по словенскому приморью, на Краине и Каринтия, он постоянно находился под надзором полиции [8]. Однако несмотря на сравнительно слабые литературные связи Прешерна с южными славянами, их объединяло стремление к национальному освобождению.

Через Чопа, в 1827 г. переехавшего в Любляну, Прешерна получал сведения о культурной и литературной жизни «сарматского севера». Чоп ознакомил его с произведениями А. Мицкевича, которого считал самым величайшим поэтом Европы. Прешерна еще ближе познакомился с польской литературой, когда начал изучать польский язык под руководством молодого поляка Э. Корытко, находившегося в Любляне в ссылке. Прешерна в свою очередь обучал молодого изгнанника словенскому языку, в результате чего Корытко начал с большим усердием заниматься словенской народной песней и в очень короткий срок собрал большое количество материала. Его «Словенские песни краинского народа» Прешерна впоследствии отредактировал и обработал, а поскольку Корытко хотел в последствие своему собранию вместо предисловия отрывок из «Конрада Валленрода» Мицкевича, то Прешерна перевел стихотворение «О народная ты песня!» на немецкий язык.

По мере совершенствования своего знания польского языка, Прешерна все более высоко ценил искусство великого польского поэта и перевел

его советы «Смирение» и «Несчастен тот, кто дарит свое сердце напрасно» на немецкий язык. Интерес Прешерна сосредоточивался главным образом на Мицкевиче, он особенно любил его лирику, в частности, «Крымские сонеты», баллады и романсы. До сих пор все еще не вполне освещен вопрос о непосредственном влиянии Мицкевича на творчество Прешерна. Большинство литературоведов не признает здесь существенного влияния из-за отсутствия достаточных текстуальных схождений. Некоторые исследователи усматривают связь баллады Мицкевича «Русалка» со стихотворением Прешерна «Рыбак». Однако сходные мотивы «опасной нимфы» присутствуют и в «Порелее» Г. Гейне, и в «Рыбаке» Гете, что осложняет вопрос об источниках влияния. При этом символический характер баллады Прешерна в значительной степени отличает ее от вышеупомянутых произведений.

В последнее время появились попытки установить сходство между «Конрадом Валленродом» Мицкевича и «рассказом в стихах» «Крещение при Савице» Прешерна, несмотря на значительное различие в объемах произведений. Можно обнаружить некоторое сходство прежде всего в самоотречении обеих героинь — Алдоны и Богомилы, кроме того — в значении исторического сюжета: политическо-религиозная борьба между христианскими поработителями и свободолюбивыми язычниками, однако, этим близость обоих произведений и исчерпывается.

Степень русского влияния на Прешерна еще не вполне установлена. Можно, однако, предполагать, что через Чопа он познакомился с некоторыми произведениями Карамзина, Жуковского и Пушкина. Жуковский слыл в то время среди молодых литераторов «живой легендой», а Пушкин «восходящей звездой» на небосклоне русской литературы.

Прешерну были близки произведения Пушкина, проникнутые любовью к родине, ненавистью к самодержавию, насилием и жестокостью подавлявшему развитие лучших духовных сил народа, умственных сил. При этом Пушкину, в отличие от многих романтиков, был чужд напыщенный патриотизм и бездумное восхищение историческими деятелями.

Исследователи (Я. Лаврин, Б. Крефт) обнаруживали некоторое сходство в творчестве обоих поэтов, в той роли, которую они сыграли в отечественной поэзии. Так, Я. Лаврин указывает на то, что бывший лишь на год моложе Пушкина Прешерн занимал в словенской литературе такое же место, как Пушкин в русской. Подобно Пушкину, сумевшему соединить европейские поэтические формы и жанры с духом и характером русского языка, Прешерн добился того же самого в словенской литературе, с той лишь разницей, что среди его предшественников не было ни Державина, ни Батюшкова, ни Жуковского. Даже самый выдающийся словенский поэт того времени — В. Водник, обладавший замечательным даром воспроизведения мелодии и ритма народной песни, не поднялся выше средней анакреонтической лирики. Подобно Пушкину, Прешерн не был чужд литературным влияниям, к которым он подходил не эпигонски, а творчески. Однако Пушкин мог пользоваться могучим и гибким русским языком, а Прешерн создавал свои произведения на недостаточно развитом для художественной прозы или поэзии языке. Объединяющим Пушкина и Прешерна было неприятие напыщенности и искусственности. Их творчество совпало с расцветом романтизма, однако оба поэта были чужды романтического красноречия и поэты. Используя романтические темы или мотивы, оба поэта стремились к классической экономности средств, к реалистической достоверности. При этом оба поэта обладали способностью придать выражению даже самых личных переживаний более широкое, универсальное значение [9, с. 105—108].

Лаврин усматривал сходство между такими произведениями Пушкина как сонет «Мадонна», «Жил на свете рыцарь бедный», «Разговор между книгопродавцем и поэтом», где выражено литературное кредо поэта, сонетом Прешерна «Раз в жизни, путь священный совершая», сонетом «Дворянчик некий» и — соответственно — едким диалогом в стихах «Новая литературная школа». Кроме этого существуют и другие, до сих пор еще не отмеченные схождения между стихотворениями Прешерна

«Поэту» и «Эхо» Пушкина, «Глоссой» Прешерна и «Приятелию рифмоплету» Пушкина, прешерновской «Эпитафией» и «Моей эпитафией» Пушкина. Можно отметить некоторое сходство и между стихотворениями Пушкина, посвященными его друзьям — Орлову, Батюшкову, Щербинину, Жуковскому, Мордвинцову и другим, и стихами Прешерна в часть его близких друзей. Баллада Пушкина «Русалка» и «Святой Сенеус» Прешерна имеют отдельные сходные черты; «Черная шаль» Пушкина может быть по своей мелодичности сопоставлена с балладами Прешерна «Лекарство от любви», «Женская верность», «Потерянная вера». Славянский Купидон или Амур — Лель упоминается в лирическом стихотворении Пушкина «Адели» и в элегическом панегирике Прешерна «В память Матии Чопа». Образ птицы как символа человеческой свободы присутствует в «Узнике» и «Птичке» Пушкина и в трогательном романсе Прешерна «Монашенка и канарейка». Есть черты сходства и между героиней романа в стихах «Евгений Онегин» Пушкина — Татьяной и Богомиллой, героиней «рассказа в стихах» «Крещение при Савице» Прешерна, что особенно ярко выражено в характерах обеих благородных молодых женщин с присущими им духовной силой, способностью к самоотречению и самопожертвованию, придающими им ореол нравственного величия.

Наконец и Пушкин и Прешерн, бывшие знатоками классической древности, блестяще использовали фабулу Плиния Старшего о «Апеллесе и сапожнике», на что впервые обратил внимание Ф. Кидрич [5, s. 223]. Обратившись к этому сюжету, Пушкин создал эпиграмму «Сапожник», в которой высмеял критика Палеждина. Прешерн также написал на эту тему сонет, введя в него фамилию враждебного ему критика («сапожник» — «Копитар»). Сатирический выпад русского и словенского поэтов на несправедливых критиков послужил остроумному и тонкому превращению исторической притчи в художественный поэтический текст. Оба поэта передают содержание фабулы из «Натуральной истории» почти дословно. Так выглядит обработка этой фабулы у Прешерна:

Apêl podobo na oglêd postavi,
ker bolj resnico ljubi kakor hvalo,
zad skrit vse vprek posluša, kaj zijalo
neumno, kaj umetni od nje pravi.

Pred njo s kopiti čévljarček se vstavi;
ker ogleduje smolec obuvalo,
jermenov meni, da ima premalo;
kar on očita, koj Apêl popravi.

Ko pride drugi dan spet mož kopitni,
namest, da bi šel dalje po svoji poti,
ker čevlji so pogodu, meč se loti;

zavrne ga obraznik imenitni,
in tebe z njim, kdor napčen si očitar,
rekoč: «Le čevlje sodi naj Kopitar!»

На суд картину Апеллес поставил,
Лишь истины ища, а не похвал,
И, скрытый, слушал все, что толковал
Знаток и что невежда против правил.

С колодками сапожник взор направил
На обувь и ошибку отыскал:
«Набор ремней», сказал он, «больно мал».
И недостачу Апеллес добавил.

Сапожника вновь вздумалось судьбе
Туда послать; чем бресть своей дорогой,
Над икрами творит уж суд он строгий.
Но Апеллес ему и с ним тебе,
Непризванный суда над ближним мытарь,
Сказал: «Лишь обувь знай себе, Копитар»².

² Перевод авторов настоящей статьи.

Вот пушкинский вариант той же самой темы:

Картипу раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?»...
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах,
Но черт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах! [12].

Прешерн рассказывает всю историю в четырнадцати строках, включая в нее сатиру на несправедливого критика Эрнея Копитара, ученого в библиотекаря, но плохого знатока поэзии. Стихотворение Прешерна не содержит иной морали, чем у Плиния.

В эпиграмматической сатире Пушкина, состоящей из тринадцати строк, сама фабула занимает восемь строк, которые русский поэт дополняет еще пятью строками, содержащими его собственные саркастические замечания в адрес критика Надеждина.

Более удачное решение темы у Прешерна, на наш взгляд, обусловлено омонимическим совпадением в словенском языке значений фамилии Копитар и слова «сапожник», а также тем, что Прешерн не отклоняется от главной темы, не выводит из нее морали и не выступает с правоучениями. Он лишь излагает факты, предоставляя их окончательную оценку читателю, подобно тому, как поступал со своими картинами и сам Апеллес.

Пушкин создал «Сапожника» в 1829 г., но опубликовал его в «Современнике» только в 1836 г., между тем как Прешерн написал сонет во второй половине 1830 г. и опубликовал его в «Иллирской газете» в 1833 г. Благодаря помощи Чопа, который получал время от времени материалы и книги из «сарматского севера», через своих польских друзей Прешерн мог познакомиться с творчеством Пушкина. По мнению Крефта, в библиотеке Чопа было семь томов стихотворений Пушкина, опубликованных между 1824 и 1831 г., которыми Прешерн мог свободно пользоваться [13, s. 1093]. Так, здесь находилась трагедия «Борис Годунов», которую Прешерн по всей вероятности читал и которая могла способствовать возникновению планов создания своей национальной исторической трагедии. Осталось неизвестным, как развивались эти планы Прешерна, насколько были реализованы. Согласно непроверенным сообщениям его современников, поэт работал над трагедией, но к сожалению, эти рукописи, как и многое другое из его литературного наследия, были сожжены духовенством, жестоко отомстившим «безбожнику» [14], когда он был при смерти.

С другой стороны, не исключено, что и Пушкин мог читать произведения Прешерна, в частности, его балладу «Водяной» и стихотворение «Прощанье с юностью», так как у него в библиотеке был экземпляр словенско-немецкого и немецко-словенского словаря и «Словенской грамматики для немцев» А. Я. Мурко (1809—1871) [15]. Во вступлении к работе Мурко содержится важная информация о словенском народе, о территории словенцев, их языке и обычаях; за грамматикой следует краткая «Хрестоматия» и критические замечания Мурко о языке поэзии Прешерна и о его поэтическом даровании. О том, что Александр Сергеевич часто перелистывал книгу, говорят слегка запачканные страницы и множество замечаний на полях, относящихся к словенским словам, тождественным с древнеславянскими, которые Пушкин использовал в трагедии «Борис Годунов» [13, s. 1097]. Из этого словаря Пушкин заимствовал словенское слово «кмет» (крестьянин), словенскую пословицу «kar gospoda stori krivo, kmeti morajo placati živo» и перевел ее на русский язык.

Подводя итог, можно сказать, что самое сильное чувство, которым были проникнуты произведения передовых деятелей славянской культуры и литературы и которое крепче всего объединяло их — жажда национальной независимости и справедливости, несовместимой с эксплуатацией человека человеком. И Пушкин, выбрав из словенского словаря эту поговорку, как бы еще раз подчеркнул это чувство — жажду социальной справедливости и национальной славянской взаимности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Korpi Ф. Е.* Стихотворения Франца Прешерна. М., 1900.
2. *Prešeren F.* Zbrano delo. Ljubljana, 1965—1966, s. 277.
3. *Čelakovský F. L.* Krajinska literatura. Krajnska Zbheliza, t. g. Krajinska Včelka, vydavana M. Kastelicem v Lublane 1830—1832. Tri častky.— Casopis českého Museum, 1832, № 4, s. 443—454.
4. *Součková M.* The Czech Romantics. 'S — Gravenhage, 1958, p. 25.
5. *Kidrič F.* Prešeren: Biografija. Ljubljana, 1936.
6. *Cop M.* Zbrano delo; 1835—1935. Celje, 1935, s. 40.
7. *Pribič N. R.* Literary Influences in the Kajkavian Croatian Literary Baroque.— South — East Europe Journal, 1971, № 15, s. 48.
8. *Legisa L.* Zgodovina slovenskega slovstva. Romantika in realizm I. Ljubljana, 1959, s. 161.
9. *Lavrin J.* France Prešeren. 1800—1849.— Slavističná revija, 1954—1955, № 33.
10. *Pliny the Elder.* Plinii Naturalis Historiae. IX. London, 1852.
11. *Prešeren F.* Poezije. Ljubljana, 1939.
12. *Пушкин А. С.* Стихотворения (1813—1830). Т. 1. М., 1936.
13. *Kreft B.* Presern et Pouchkin: Fragment d'une étude.— In: Janua Linguarum: To Honor Roman Jacobson. The Hague, 1967.
14. *Gspan A.* Usoda literarne zapuscine Dr. Franceta Prešerna.— Nova Obzorja, 1953, № 6, s. 433—457.
15. *Murko A. J.* Theoretisch-Praktische Slowenische Sprachlehre für Deutsche nach den Volkssprachen der Slowenen in Steiermark, Kärnten, Krain und Ungarns westlichen Districten. 1832.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПРАЖСКОГО НЕМЕЦКОГО ПОЭТА К. Э. ЭБЕРТА (1801—1882)

Важная тема советского славяноведения — национальные взаимоотношения в Чешских землях XIX в.; привлечение источников из немецких кругов Чехии того времени является одной из актуальных задач при исследовании данного региона [1]. К пониманию этого вплотную подошли и советские историки. Так, например, Л. С. Кишкин считает, что, хотя «для Чехии рубежа XVIII и XIX вв. иноземным языковым и литературным пластом был пласт немецкий..., это не означает, что чешско-немецкие языковые и литературные контакты не отразились на становлении молодой чешской литературы того времени» [2]. С. В. Никольский сделал интересное наблюдение над чешским национальным движением первой половины XIX в.: у него существовали «союзнические отношения с гуманистическими силами в культуре господствующей нации» [3]. Ярким примером, указывает он, могут служить популярность в Чехии Гердера, Гете, Шиллера. Представляется необходимым обратить внимание на аналогичные силы в культуре господствующей нации непосредственно в рамках Чешских земель. Мы имеем в виду творчество ряда пражских немецких литераторов того времени, которые использовали сюжеты чешской национальной истории или фольклорные мотивы, прежде всего К. Э. Эберта, М. Гартмана, А. Мейснера, принадлежавших к ведущим поэтам данной группы в канун 1848 г. Но рассмотрение их деятельности, очень мало известной в русской и советской литературе, в контексте чешско-немецких взаимоотношений и связей двух культур возможно только после конкретного знакомства с их жизнью и творчеством. Целесообразно начать его «по хронологии» с поэта старшего, по сравнению с Гартманом и Мейснером, поколения — К. Э. Эберта.

Краткие сведения о поэте содержали четыре дореволюционные энциклопедии. В последние годы имя Эберта, отсутствующее в современных русских справочниках, оказалось в орбите изучения «белых пятен» в истории европейского романтизма [4] и чешского национального возрождения [5]. Такие исследования наталкиваются на серьезные трудности с источниками. Сравнительно более легко обеспечить, в плане розыска источников, менее нужный применительно к явно не великому поэту прошлого века — литературоведческий анализ творчества Эберта. Очень редки и не полностью разысканы по сей день издания XIX—XX вв., содержащие оценки и споры вокруг творчества Эберта, а также некоторые прозаические произведения поэта.

Задачу данной статьи мы видим в характеристике исторической темы в творчестве Эберта и, на этом материале, в привлечении внимания к

Хорева Ольга Алексеевна — канд. ист. наук, ст. научн. сотр. Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Эберту как сложной фигуре культуры Чехии XIX в. и стоявшему за ним культурно-историческому феномену.

Карл Эгон Эберт родился в 1801 г. в Праге в немецкой чиновничьей семье, связанной с родовой ветвью местной аристократией. Отец, доктор юриспруденции, управлял имениями князя Фюрстенберга; а поэт прослужил у князя почти всю жизнь библиотекарем, архивариусом или управляющим, пока не ушел на отдых в середине 50-х годов. В отчем доме будущего поэта царил атмосфера земского патриотизма и культ искусств. Показательно, что одна из сестер Эберта, Вилемина, была знатоком чешского национального музыкального фольклора. Она стала женой известного чешского композитора первой половины XIX в. Томашека. Другая сестра, Юлиана, писала стихи. Выйдя замуж за пражского немецкого литератора и издателя журнала «Ost und West», не оставила этого занятия и изредка появлялась со стихами на страницах печати.

Уже ранние поэтические опыты юноши заслужили похвалу Гете, который познакомился с семейством в Карловых Варах [6]. В 20—30-е годы Эберт написал ряд поэтических произведений; в названиях всех крупных входят собственные имена славянского происхождения — имена персонажей чешских легенд и хроник.

В 1824 г. вышел в свет первый поэтический сборник Эберта; в его состав входило маленькое стихотворение «Розмарин» [7]. Это был поэтический перевод на немецкий язык чешской народной песни. Тогда же, в середине 20-х годов, Эберт начал работу над поэмой «Власта». Пролог поэмы был опубликован в 1827 г. в первом номере журнала «Casopis českého Museum» и как бы открывал знаменитое позже издание. В 1829 г. Эберт опубликовал полный текст «национально-чешской героической поэмы „Власта“».

Эпическая поэма Эберта представляет собой крупное произведение (более 300 страниц), состоящее из посвящения, трех книг и эпилога. В посвящении автор провозглашал: «Громаду чувств, стремлений, бурей полных, / И силу редкую, несущуюся ввысь, / И сердце, оскорбленное отверженной любовью, / Что породила этот страшный гнев, / Все это я берусь изобразить во „Власте“ ./ Как труден путь, которым я иду! / Быть сбрызнута лучами солнца, пламенем огня / И кровью сердца кисть моя должна»¹ [8, Zueignung, без пагинации].

Действие поэмы происходило в языческой Чехии. Умирает прославленная княгиня чехов — Либуше, вначале долго правившая одна, а затем выбравшая себе в мужья Пржемысла. После смерти Либуши в стране царит смута, которую усиливает бунт амазонок, свиты княгини. Предводительница амазонок Власта признавалась Пржемыслу в любви и предлагала править страной вместе. Оскорбленная отказом, она призывает амазонок поднять всех женщин страны на бунт против мужчин. Женское войско растет. Все его участницы приносят клятву отказа от любви [8, S. 30]. Первой жертвой «девичьей войны» становится воин Мотол, отрубленную голову которого амазонки закладывают в основание фундамента своей крепости Девин [8, S. 58—77]. Замышляется и проводится захват в плен воеводы Цтирада с отрядом [8, S. 106—110]. Амазонки добиваются этого хитростью. Они устраивают в лесу засаду, где оставляют связанной своего подружку Радиславу, дочь воина Многослава из отряда Цтирада. Освобожденная воинами мнимая жертва угощает их сонным напитком; затем их берут в плен... Победа над амазонками наступает после решительного вмешательства старейшин — «владык» Самослава, Млада Прекрасного и других — в дела слабого князя. Изображение «девичьей войны» обильно было приметам романтизма в поворотах сюжета и обрисовке персонажей. Тут были и встреча с духом прародителя чехов — Крока, и вещий сон, и помощь колдуньи-карлицы с ее напитком ненависти для усыпления воинов Цтирада, и бокал, наполненный кровью, и «дикое вращение» глаз в гневе.

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

Немалое, как было обычно в национально-героических поэмах, место занимало описание красот природы, упоминались знаменитые издавна в Чешских землях исторические места (например, Белая Гора [8, S. 36]). Как формулирование поэтической задачи звучали слова поэта: «Богемия, край сильных, воспета в песне будь!» [8, S. 6]. Авторскому замыслу отвечало и элегантно оформленное издание книги, напечатанной на особой бумаге, украшенной гравюрой и снабженной примечаниями исторического характера.

В «Разговорах с Гете» Эккермана сохранился отзыв о поэме. 6 апреля 1829 г. Гете показал секретарю письмо К. Э. Эберта и сказал ему «много лестного об Эгоне Эберте и Богемии». «Гете заговорил ... о новых эпических стихах Эгона Эберта и о господствовавшем некогда в Богемии матриархате, откуда возникло сказание об амазонках». Гете собирался помочь Эберту советами, так как считал, что он «действительно замечательный талант, но в его новом стихотворении² не хватает настоящей поэтической основы — основы реальности». Далее Гете высказал мысль, различно трактуемую авторами, писавшими об Эберте. Гете считал, что Эберт «должен был бы держаться предания хроник, и тогда из его стихотворений вышло бы что-нибудь путное» [9]. А. С. Мыльников называет это соображение не только «глубоким, но в своем роде и пророческим» [5, с. 144]. Тем самым прозорливый Гете как бы распознал подложный характер Краледворской и Зеленогорской рукописей, с которыми поэма Эберта связана тематически и стилистически. Другого мнения придерживался по этому вопросу чешский историк А. Краус. Он был полностью согласен с Гете в том, что «Власта» очень неконкретна. Но, упрекая Эберта в забвении реальности, очень строгий к немучешский историк конца XIX — первой трети XX в. считает, однако, мудрым отход от хроник и особенно хроники Гаека, в «грязи которой с удовольствием копались» [10] «предшественники Эберта в обработке сюжета „девичьей войны“»³.

Трудно сейчас сказать, была ли известна в Чехии критика Гете в адрес Эберта. Но вот о похвалах великого веймарца знали.

Вспоминая 30-е годы, один из авторов пражского немецкого альманаха «Libussa» писал, что это было время блестящего дебюта Эберта. Другой сотрудник упомянутого издания следующим образом характеризовал примерно тот же период: «В те годы в полном расцвете своей славы находился К. Э. Эберт, поэма которого „Власта“ была у всех на устах и стала популярной народной книгой, а драма „Бретислав и Ютта“ имела полный триумф на пражской сцене» [11, S. 396]. Полвека спустя после выхода «Власти» энциклопедический словарь отмечал любопытную деталь: поэма вызвала моду в одежде, особенно в форме головных уборов. Литературные критики альманаха находили у Эберта подражателя и духовного ученика — молодого пражского поэта Уффо Горна. Вот что они писали в связи с этим о пробе пера У. Горна, его романтико-эпической поэме: «То обстоятельство, что герой и героиня богемцы и что большая часть действия разыгрывается на нашей родине, придает поэме особое важное значение. Она, со времен знаменитой „Власти“ Эберта, — первое большое сочинение в немецкой литературе Богемии, которое появляется в столь масштабном и оригинальном виде» [12, S. 219].

Конец 20-х — начало 30-х годов — самый плодотворный период в жизни Эберта. Еще не затих успех поэмы «Власта», а в Праге на театральной сцене уже шла его драма в стихах «Бретислав и Ютта». Эта драма — второе наиболее известное произведение Эберта — ставилась тогда и в Вене. Действие пьесы происходит в 1026 г. попеременно в Гермашии, в Регенсбурге, и в Чехии, на Вышеграде. В центре драмы история перехода чешского княжича Бретислава от вражды к союзу с германским императором Конрадом. Составная часть действия — развитие и крах интриги,

² Речь идет о поэме «Власта». В подзаголовке оригинала — «Gedicht» [8].

³ Некая схематичность и неконкретность поэмы «Власта» может иметь и иное объяснение. Некоторые авторы считали в поэме главной или весьма существенной темой борьбы за эмансипацию женщин, что низводит роль старочешской легенды о «девичьей войне» до источника внешнего материала.

затейной политическим соперником Бретислава, претендентом на чешский престол Преславом из древнего рода Вершовиц. Лирическая линия пьесы — любовь Бретислава к Ютте, дочери императорского советника Отто. Ютта воспитывается в монастыре в Регенсбурге. Влюбленный юноша верит, что герцогский титул поможет ему добиться руки Ютты. Член свиты Бретислава, Любомир, предостерегает княжича: «Богемский князь у немцев мало значит, / Для них он лишь империи вассал. / И всякий рыцарь мнит себя повыше, / Чем герцог полудикого народа, / Как нас между собой они чествят». Ютта благосклонна к Бретиславу. Тот понимает необычность ее отношения: «Не будь скромна так. Ведь известно мне, / Что наш народ здесь вовсе не в почете, / Что нас поносят дикими, хуля / За то, что воспитанием не блещем, / Хотя б в груди вернейшим сердце было» [13, S. 35]. Не надеясь на успех официального сватовства, Бретислав похищает любящую его Ютту из монастыря [13, S. 74]. Отец, князь Богемии Ольдржих, благославляет сына на брак и передает ему в ленное владение маркграфство Моравию [13, S. 78]. Но посланец императора привозит протест. Конрад не признает ни маркграфское достоинство Бретислава, ни брак с Юттой. Более того, он, грозя войной, требует вернуть назад дочь своего главного советника и уплатить золотом дань [13, S. 84—88].

В результате благополучного разрешения ряда перипетий распря между Богемией и Германией подходит к концу. Однако Бретислава вновь одолевают сомнения о возможности для его края союза с империей: «Нет, никогда! Постыдно слово дань, / Кровь от него в моих вскипает жилах. / Нет, нет, богемцы денег не заплатят» [13, S. 124]. Исход внутренней борьбы, происходящей в венценосном супруге, решает Ютта, которая обращается к Бретиславу со словами: «Не депеней в тоске от этих слов, / Раз мир несут народам и любовь». В заключительной сцене император Конрад соединяет руки Бретислава и Ютты, торжественно провозглашая: «И в будущем должны, в союзе верном, / Богемцы с немцами как братья жить» [13, S. 128].

Эмоциональные отзывы о пьесе Эберта оставил Й. Й. Юнгман. 12 марта 1829 г. он писал: «Недавно в театре нам показали одну пьесу Эберта, написанную по-немецки, — „Бретислав и Ютта“. Отличная вещь! Она зажгла во мне огонь на целую неделю. Бретислав в ней подобен молнии». Почти через год, 16 января 1830 г., критически отзываясь о слоге чешского драматурга Клищеры, Й. Й. Юнгман вспоминает об Эберте: «Мой боже! Вот у Эберта в „Бретиславе и Ютте“ — это слог; а Клищера словно топором рубит» [14]. После цитированных комплиментов немецкого альманаха особый интерес вызывает восторг по адресу Эберта, исходящий от сына выдающегося деятеля национального возрождения — Й. Юнгмана.

Под впечатлением поездки в Швейцарию Эберт пишет поэму «Монастырь», затем работает над трагедией в стихах «Честмир». В тридцатые годы она ставилась на сцене пражского театра, но осталась неопубликованной в связи с тем, что постановка не имела успеха. Сюжетом, как и в поэме «Власта», послужило одно из преданий, относящихся к истории языческой Чехии. Рассказ о Честмире содержался в хрониках Козьмы Пражского и Далимила; потом он перешел в работы историков, например, в «Историю Чехии» Пельцеля. Современный Эберту исторический комментарий к сюжету о Честмире находим у Шафарика в его вступительном слове к переводу Краледворской рукописи на немецкий язык.

Остается неизвестным, к какой из возможных основ была ближе всего трагедия Эберта. Не располагая текстом, можно только попытаться представить ее сюжетное ядро на основе скурых сведений в историографии [15] и другой обработки этого предания — в Краледворской рукописи.

Пражский князь Неклан и его воевода Честмир борются против грабежей и нападений со стороны соседнего князя Власлава. Честмир осаждает град, где укрылся воевода-изменник Крувой, и освобождает из плена союзного Воймира. Для разгрома основной армии Власлава Честмир применяет военную хитрость: по его приказу войска девять раз обходят ту гору, на вершине которой залег отряд врага. Дезинформиро-

вав таким образом противника о численности своей рати, Честмир добивается победы. В Краледворской рукописи раздел о Честмире заканчивался сценой единогоборства Власлава с Честмиром и победой последнего [16].

В. Краузе, излагавший содержание трагедии в статье «Эберт и бидермейер Чехии», к сожалению, не указал своих источников. В. Краузе характеризовал тему «Честмира» как борьбу бессильной правоты со злой сильной волей. Эта коллизия, сообщил он, воплощалась в образах князей-антиподов, а решалась усилиями совершенного героя, Честмира, который не только хочет мира, как Неклан, но и обладает силой для борьбы, подобно врагу пражского княжества. В этой борьбе за единство страны Честмир жертвует своей жизнью [15, S. 208].

Масштабные произведения 20—30-х годов сменяются у Эберта в 40-е годы небольшими стихотворными сочинениями. Разрозненные журнальные публикации и новые стихи поэт объединяет в издании 1845 г. Этот сборник [17] состоял из трех озаглавленных, тематических, как было тогда принято, частей. Первая книга стихов называлась «Природа и любовь», вторая — «Искусство и литература», третья — «Легенда и история». В последней, насчитывающей около 160 страниц, находим несколько, объемом в треть последней книги, баллад на сюжеты из славянской, преимущественно чешской, истории. Это такие произведения, как «Император Карл и его жены», «Далибор», «Вышеградское видение». В раздел «Поэтические рассказы» вошли «Чешское сказание о крепости Орлик», «Древнечешская сага об отшельнике», стихотворение «Милош и Милица».

Каково, например, содержание баллады «Крепость Орлик»? Это история драматической утраты и чудесного обретения романтическим героем, предводителем разбойников Батько (так! — О. Х.) горячо любимого единственного ребенка. Старая нянька сидит с младенцем на руках на скалистом берегу реки. Но вот старая засыпает..., дитя падает вниз, в волны бурного потока. За содеянное служанка будет казнена. Однако в самый последний миг перед казнью прилетает орел, держа в клюве гнездо с мирно спящим ребенком. В честь чудесного избавления от смерти двух человеческих жизней потрясенный отец-атаман решает освободить своих сотоварищей-разбойников от связывающих их всех греховных уз, а на том месте, куда опустился орел со спасенным им младенцем, построить крепость. Баллада заканчивается торжественной клятвой Батько: «Здесь станем человечнее и сотворим добро, / И слезы осушим, что увлажнили очи. / Полющим здесь и небо мы, и землю» [17, S. 473]. Легенда, объясняющая местный топоним⁴, так сказать, народная этимология, использована для решения характерной романтической темы отвращения трагедии, чудесной победы над судьбой и провозглашения конечного гуманизма миропорядка.

В стихотворении «Вышеградское видение» на фоне руин — излюбленного романтического пейзажа — герою-рассказчику предстают фигуры величественной женщины и старца. Это Либуше и Пржемысл, понимает поэт. «Тут восстала дева резко (светел лик и чудна стать): / „Славьтесь, славьтесь, мои чехи, вам вещаю благодать! / Счастье, бей ключом из почвы, — из народных чистых чувств. / Слава, ввысь от сих пределов прямо к солнцу поднимись. / Блага, блага тебе, Прага, город бравых, молодых, / Любим будь союз твой сущий, умным, сильным — твой оплот. / Не поддайся лихолстью: лихолетье одолей. / Златы дни увидишь скоро, станут вечными они“./ Смолкла дева... возвратилась вновь туда, где мрак навис. / Я за пею боязливо, „Либуше“, — с дрожью звал, — „Пржемысл!“ / Но они — вновь у могилы (приспустились покрова), / Нежно за руки взялись... Их поглотила земли тьма. / ...С духом на заре собравшись, я брел задумчиво домой. / Но теперь смелей и тверже каждому смотрю в глаза» [17, S. 357].

⁴ В Центральной Чехии находится местечко Орлик со средневековой крепостью (выше впадения реки Отавы во Влтаву). Эта местность входила в зону гуситского движения и упоминалась примерно в те же годы, что у Эберта, у К. Г. Махи [18].

Знакомство с поэтическим сборником 1845 г. свидетельствует о том, что, несмотря на некоторое снижение творческой активности, дела у Эберта в 40-е годы шли неплохо. Если он не писал новых с восторгом встречаемых чехами и немцами книг, как это было 15 лет назад, то все же продолжали жить старые, причем и в чешской будительской среде. Например, поэма «Власть» Эберта легла в основу настенной росписи, созданной художником Навратилом в замке Либехов. Так создание немецкого пражского поэта влилось в чешский национально-патриотический художественный ансамбль [5].

В 50—60-е годы Эберт продолжал печататься. Его пьесы включались в сборники драматических произведений, ставились на различных сценах Австрийской империи [19]. Его цитировали [20; 21].

Необходимо коротко сказать об отношении Эберта к революционным событиям 1848 г. в Праге. То очень небольшое количество свидетельств, которое нам удалось найти, относится к начальному этапу общественно-политического движения. Небезынтересно, что в это время Эберт, по оценке чешского историка, входил в число ведущих представителей пражской немецкой общественности наряду с книготорговцем А. Боррошем, поэтами М. Гартманом, А. Мейспером и др. [22].

В марте 1848 г., в период подъема чешского национально-политического движения, Эберт выступил инициатором манифестации «национального согласия». Уже 17 марта в журнале «Bohemia» он опубликовал «Призыв ко всем литераторам Богемии». На следовавших двух встречах пражских — чешских и немецких — писателей и журналистов обсуждалась необходимость правильного использования свободы печати во избежание осложнения межнациональных отношений [23]. По некоторым сообщениям «Призыв» от 17 марта Эберт согласовал с Палацким. Добавим, что сохранилась недатированная записка П. Й. Шафарика Ф. Палацкому: «Г-н Эберт нас опередил (курсив мой. — О. Х.) и публично пригласил чешских и немецких писателей завтра к 4 часам... В таком случае нам необходимо к ним присоединиться...»⁵.

Эберт принимал участие в работе важной буржуазно-дворянской организации революционной весны — Национального комитета. Он присутствовал, например, при встрече членов этого комитета с делегацией Комитета пятидесяти Франкфуртского парламента. В протоколе заседания сохранилась его скептическая реплика относительно концепции создания Великой Германии [25]. По-видимому, из-за национальных разногласий, раздиравших Национальный комитет, Эберт отошел от участия в его работе.

Через несколько лет после буржуазно-демократической революции 1848—1849-х годов Эберт откликнулся на национально-политическую борьбу этих лет в поэтической форме. Его стихотворение «Смешанный лес» имело подзаголовок «О времени национального спора в Чехии». Прозрачная аллегория повествовала о замечательном многовековом лесе, в котором благодаря хорошей почве «в чудесном гармоничном созвучии» существовали роскошные ели и могучие ветвистые дубы. Но однажды молоденькая ель заявила, что дубы похищают свет и воздух и вообще захватили лишнее пространство. В ответ на незрелые речи вмешивается Хозяин леса, убеждая, что дубы имеют в лесу те же самые права, что и остальные деревья, да и елкам без них будет только хуже — палящее солнце иссушит корни, а в прорубках разбухнет ветер. Он оказался прав. Действительно, трудно пришлось деревьям в не заставившую себя ждать бурю. Но, на радость Хозяину леса и в полном согласии с волей Всевышнего, в испытании они сплотились, почувствовали себя вновь не чужими, а, наоборот, нужными друг другу [26]. Неприятно поражающее плоской назидательностью стихотворение заставляет, однако, задуматься, что должен был переживать автор призыва к братскому союзу двух народов,

⁵ Документ не датирован. В сборнике переписки Шафарика с Палацким его обрамляют корреспонденции от 21 января 1848 г. и 3 февраля 1852 г. Скорее всего, речь идет о собрании 18 марта 1848 г. [24].

наблюдая обострение национальных взаимоотношений в 1848—1849-х годах и позднее.

В эти годы энциклопедические словари сообщали о популярности двух главных книг Эберта за границами империи [27]. В 1869 г. самая прославленная пьеса Эберта была переведена на чешский язык. Всего же за свою долгую жизнь Эберт написал около 20 драм. В 1876 г. вышло собрание сочинений Эберта в 7 томах.

В конце жизни Эберт был награжден орденом и пожалован дворянским званием. Поэт пережил многих сверстников и современников и доживал свой век в Праге патриархом местной немецкой литературы. По случаю 80-летия поэта состоялось его чествование в немецком литературном обществе «Конкордия». Вышел немецкий сборник поэтических поздравлений (в ряде стихов содержались очень воинственные призывы «отстоять плоды немецкой культурной работы в Чехии») [28]. Примерно полсотни авторов (не только из городов Австро-Венгрии — Праги, Вены, Инсбрука, но и Дрездена, Лейпцига, Кенигсберга, Мюнхена, Берлина и других мест) приветствовали его. Поклонники поэта на похвалы не скупились. Пять участников этой книги назвали Эберта Нестором немецких поэтов, два — немецким дубом среди славянских лип, еще два — поэтическим королем Богемии, а восемь — цевцом «Власть». В ответном послании Эберт благодарил за «поэтические цветы», которыми ему «усыпали путь к могиле» [29]. Эберт скончался в 1882 г.

Помимо кратких библиографических справок об Эберте (содержатся в целом ряде энциклопедий и справочников на немецком и чешском языках), есть и специальные, посвященные ему статьи или главы книг. Это работы цитированных А. Крауса и В. Краузе — чешского и немецкого историков, созданные в Праге, но написанные с противоположных национальных позиций. У двух авторов совпадает только самая общая оценка Эберта. Оба «не настаивают» на серьезном литературном значении его творчества для XX в., но считают поэта важной, показательной фигурой литературного процесса в Чехии XIX столетия. Разногласия же касаются широкого круга вопросов: предпосылки творчества, принадлежности поэта к более крупному художественному комплексу, наконец, сферы его эмоционально-художественного влияния.

В. Краузе исходил из посылки, будто к моменту творческого старта Эберта пражская литературная общественность была полностью втянута в духовную орбиту Германии. Такой компонент «жизненного фона», ярко ощущавшийся в родительском доме немецкого поэта, как подъем чешской национальной культуры в стране, совершенно не упоминается. Как поэт, считал Краузе, Эберт заявил о себе в типичной для своей среды манере салонной, альманаховой поэзии. Превращение же в патриота Богемии и «долгожданного отечественного поэта» совершилось — довольно внезапно. Произошло это под влиянием дружбы с Ф. Палацким, ставшим знаменитым историком XIX в. и «сделавшим впоследствии историческую идеологию лейтмотивом чешской культуры вообще» [15, S. 200—201]. Вторым и противоположным по направленности поворотным моментом в писательской судьбе Эберта стал холодный прием пражской театральной публикой пьесы «Честмир». Под влиянием этого удара, утверждал В. Краузе, Эберт почти полностью прекратил писать и отошел от литературной жизни. Стала ли середина 30-х годов началом творческого кризиса Эберта (как считал В. Краузе)? Современный австрийский справочник (шестидесятых годов нашего века) лаконично сообщает: «Эберт чувствовал побуждение вновь и вновь воспевать красоты родины» [30]. Другое западное издание, в котором дается заслуживающая внимания сводка источников и литературы о творчестве Эберта, пишет о непонимании, с которым сталкивался Эберт из-за выбора сюжетного материала, но все же считает, что «до 1848 года (курсив мой. — О. Х.) Эберт все восторгался былым величием Богемии» [31]. Конечно, верно, что других — подобных «Власте» и «Бретиславу и Юте» — столь крупных и одновременно шумно известных произведений Эберт уже не создал. Подтверждаются также сведения Краузе о провале трагедии «Честмир». «Прием „Честмира“

публикой не отвечал ожиданиям автора, как деликатно выразился один из сотрудников д-ра Вурцбаха» [27]. Были у Эберта и другие огорчения. Так, в том же году вышла в свет книга «Прага в ее сегодняшнем облике» [32], где в главе «Литература» неоднократно упоминался Эберт. Автор признавал, что публикацией героической поэмы «Власта» Эберт заявил о себе как о значительном таланте и что представления пьесы «Бретислав и Ютта» постоянно активно посещаются публикой [32, S. 219, 215]. Однако он упоминал о соперничестве между Эбертом и неким Шислером, а также усилиях «возрастающей партии Эберта» негодными средствами превратить «еще очень молодого поэта „Власты“ в гения» [32, S. 219]. Мода на головные уборы в стиле «Власты» была, по его мнению, блефом. Просто пражские фрапты, очевидно, дружки поэта, требовали во всех шляпных мастерских головные уборы такого образца, создавая впечатление, что мода уже распространилась в городе. Автор изданной в Мейсене брошюры делал вывод, что немецкая литература Чехии не имеет серьезных имен. Но все же произведения Эберта ставились на австрийских сценах, его имя и стихи мелькали на страницах журнала «Ost und West» и альманаха «Libussa», в 1845 г. вышел сводный поэтический сборник, в конце жизни — семитомник сочинений.

Чешский историк, наоборот, связывал художественно-тематическое развитие Эберта не с субъективными влияниями, а с давней литературной традицией активного использования чешского историко-легендарного материала как в немецкой (с XVII в.), так и чешской литературе [10; 33]. На рубеже XIX—XX вв. А. Краус собрал и исследовал в упоминавшейся монографии массу сочинений такого рода; на их фоне «Власта» Эберта представлялась «вершиной (курсив мой.— О. Х.) целого ряда поэтических изображений девичьей войны».

В решении спорных вопросов творчества Эберта может, как думается, помочь документ, дающий представление о личности поэта, — автобиографическая записка «Сообщение о годах моего становления для одного друга»⁶. Молодой Эберт предстает здесь как глубоко чувствующий, погруженный в свой внутренний мир и религиозный человек. Из событий своей юности он называет, в качестве заслуживающих особого внимания, два потрясения. Первое было вызвано любовными переживаниями, а второе — «грубым материалистическим» представлением о несуществовании загробной жизни.

Эберт эмоционально писал об увлечении в молодые годы красотой столичных пригородов. «Почти ежедневно бродил я по прекрасным ближним и дальним окрестностям родного города... И на довольно большой территории мне была знакома каждая скала, каждая лощина, каждый ручей... Любовь, которую я с того времени почувствовал к окрестностям Праги и которая еще живет во мне, была, пожалуй, в итоге причиной попытки художественно вообразить эту местность в связи с историей или сказанием и сделать ее привлекательной также для других, что я намеревался осуществить во „Власте“, где играют роль все мои любимые места...». Эберт рассказывал об увлечении в те же годы творчеством Шиллера и создании нескольких ученических пьес на темы европейской истории («Густав Ваза», «Анна Болейн», «Святая Людмила», «Мария, королева шотландская» и др.) [34].

Дружба молодых Эберта и Палацкокого упоминается в разных научных справочниках, но только у В. Краузе этот факт превращается в тезис о «сворачивании» чехом Палацким немца Эберта. Тема этих отношений и возможного влияния одной стороны на другую нуждается в кропотливом исследовании⁷. Пока же не найдены источники, которые позволяют исчерпывающе раскрыть внутренние интеллектуальные мотивы истори-

⁶ Документ, а также изложение истории его находки см. [34]. Опубликованный еще в 1917 г., он не использовался, однако, двумя названными авторами.

⁷ И. И. Юнгман сообщал в частном письме 1824 г. о Палацком, что тот «паведывается к доктору Эберту, у которого как бы место сбора местных немцев; да и сын его, молодой незаурядный поэт Эберт, с Палацким — или Палацкий с ним — завязал довольно тесную дружбу» [14].

ческой темы в творчестве Эберта, есть смысл обратить особое внимание на такие важные и сегодня хорошо известные элементы общественного сознания в Чешских землях того времени, как различные формы исторического знания.

На рубеже XVII—XIX вв. определяющее значение для исторического сознания общества в Чешских землях имела историография. Было велико значение переизданий отечественных исторических хроник, обобщающих исторических трудов. В период с 1774 по 1817 гг. четырежды выходила «Краткая история Чехии» Ф. М. Пельцеля [35]. Историографии в Чешских землях имела в то время идеалистический характер. Например, периодизация в труде Пельцеля строилась исключительно по князьям и императорам. Однако патриотическая тенденция и использование большого круга источников — бесспорные достоинства этой школы.

Не угасая в XVIII в. традиция использования в чешской и немецкой литературе чешского историко-легендарного материала в совокупности с достижениями исторической науки рубежа XVIII—XIX вв. создавали условия для нового бурного развития в 30—40-е годы исторической беллетристики. В произведениях этого жанра на первом плане очень часто были исторические фигуры государственных деятелей Чехии, особенно тех, при которых феодальное государство переживало подъем. Из королей особой популярностью пользовался Отакар Пржемысл II [36].

Бытовали образы и мотивы из легенд, содержащихся в хрониках. Вот, например, сюжет «девичьей войны», тесно сопряженный с образом древней княгини Либуше. Его исток — в легенде об основателях первой княжеской династии в Чехии из Хроники Козьмы Пражского. Эта легенда излагалась, в частности, в упомянутом выше популярном труде Ф. М. Пельцеля [35, S. 27—29]. Фигурам Либуше и ее супруга Пржемысла нашлось место в сборнике Й. Г. Гердера «Голоса народов в песнях» [37; 38]. В двухтомнике пражского немецкого писателя В. А. Герле «Народные сказки богемцев» (1819) находим новеллу «Женское владычество». В ней повествовалось о войне амазонок против мужчин, вызванной теми обидами, которые наносились свите княгини после смерти Либуше [39].

Можно привести немало примеров «Либушаны» 30—40-х годов. Например, в начале 30-х годов над оперой «Либушин брак» работали композитор Шкруп и поэт Хмеленский [40]. В первой половине 40-х годов над масштабной художественной обработкой сюжета о Либуше и Пржемысле трудился Ф. Грильпарцер [41]⁸. Статуя Либуше должна была — среди прочих скульптурных изображений исторических деятелей Чехии — украшать пантеон Славин в упоминавшемся имении Либехов, который задумал создать меценат А. Вейт [43]. Писатель Колар в рассказе «Либуше на Миссисипи» вообразил героиню, занятую претворением в жизнь идеи возрождения Чехии на почве Нового Света [11]. С 1842 г. это имя, в его немецком варианте, стояло на обложке ежегодного альманаха, выходившего в Праге под редакцией П. Клара [11; 12]⁹.

Среди других бродячих сюжетов того времени, имевших первоисточником хроники, можно назвать Бланицких рыцарей, Далибора. На стыке историографии и литературы находилась тема княжича Бретислава, обработанная Эбертом. Популярностью на рубеже веков пользовался сопряженный с парой «Бретислав — Ютта» мотив Ольдржиха и Божены, родителей Бретислава. Со ссылками на хроники (в частности, Козьмы Пражского) и другие источники его излагал в своей «Истории» Ф. М. Пельцель¹⁰. В использовании темы похищения из монастыря Эберт стоит между В. Тамом, с его пьесой «Бретислав и Итка»¹¹ и М. Алешем (име-

⁸ Грильпарцер вообще считал, что «северная и богемская история имеют еще много никак не обработанных (в искусстве.— О. Х.) фигур» [42].

⁹ Энциклопедия Мейера (1874) давала особую рубрику «Девичья война в Чехии». О других немецких обработках сюжета см. также [33; 44].

¹⁰ Интересно сравнить трактовку этого сюжета у Пельцеля и немецкого историка конца XIX в. А. Бахмана [45]; в предисловии автор противопоставлял свою книгу известному труду Ф. Палацкого.

¹¹ «Первой оригинальной национальной драмой» [5, с. 60], поставленной в 1786 г.

ется в виду картина 1878 г.) [46]. Самый «чешский», исполненный яркого местного колорита пример близости в те годы истории и литературы — Краледворская и Зеленогорская рукописи-фальсификаты, они же — выдающиеся произведения чешской литературы эпохи национального возрождения. Хотя приведенные сведения носят фрагментарный характер, в целом складывается впечатление, что творчество Эберта органично входило в сюжетно-образную парадигму чешско-немецкой культуры Богемии 30—40-х годов XIX в.

Представитель позднего романтизма, пражский немецкий поэт К. Э. Эберг происхождением был связан с местными немецкими чиновничьими кругами, службой — с высшим дворянством, творческими интересами — с некоторыми будителями. Создавший немало произведений разных жанров, он прославился, говоря современным языком, как мастер исторической темы.

Поэтическое творчество было для Эберта основной или единственной формой участия в общественной жизни, но в условиях полицейского гнета, царившего в Австрийской империи, литератор его масштаба был довольно заметной фигурой. Основные произведения Эберта, создавшие ему имя в Чехии и за границей, — это эпическая поэма «Власта» (опубл. в 1829 г.) и драма в стихах «Бретислав и Ютта» (опубл. в 1835 г.). Их сюжетно-хронологические рамки — Чехия в языческие и раннехристианские времена. В истории этих сочинений, на первый взгляд очень далеких от современности, преломились некоторые актуальные аспекты общественного бытия в данной провинции Австрийской империи, позднее Австро-Венгрии.

Обращение к темам далекой истории края лежало в русле местной литературной традиции (как на чешском, так и на немецком языках) и отвечало популярности названных сюжетов также в немецко-язычной литературной продукции в течение XVII—XVIII вв. Но в условиях Праги 20-х годов XIX в. романтическая разработка чешских исторических сюжетов приобретала иной смысл, нежели раньше: она оказывалась необычайно созвучной активизации процесса формирования чешской национальной культуры нового времени. В идейном плане создания Эберта не выходили за рамки земского патриотизма. Призыв к национальному согласию двух народов и прославление Чехии как их общего владения — вот национально-политический вывод из двух его главных публикаций.

Произведения Эберта на национальные чешские историко-легендарные сюжеты имели бурный, но непродолжительный успех. После ранней славы и лет признания произошел спад общественного интереса к его творчеству, а также изменилась читательская аудитория. И дело здесь было не только в степени художественной одаренности автора или в том, что с середины 40-х годов романтическая драма с ее декламационностью и простым внешним действием все больше изживала себя, но и в общественной ситуации конкретно в Чешских землях: как по содержательным, так и по языковым мотивам произведения Эберта постепенно, но неуклонно теряли завоеванную чешскую мелкобуржуазную аудиторию и утрачивали способность приобретать ее в дальнейшем. Часть книг Эберта сгорала, образно говоря, в пламени отличных, по сравнению с провозглашенными им, национально-политических устремлений.

Всплеск общественного интереса к Эберту в его 80-летний юбилей продемонстрировал размежевание двух буржуазных национально-политических движений в рамках Чехии. Теперь «активные» поклонники Эберта представляли собой однородную в национальном отношении, немецкую, аудиторию.

В творческом отношении Эберг находился как бы в центре развядомого временем моста межформационной двунациональной культуры. Эта недостаточность земского патриотизма как базы успешного творчества в середине XIX в. привела с годами к художественной и личной, в плане мироощущения, неудовлетворенности поэта.

Включение творчества Эберта (и подобных ему пражских немецких литераторов) в целостный процесс развития культуры в Чешских землях

XIX в. позволяет поставить вопрос об исторической функции такого рода, неунаследованных, составляющих культурного процесса. Ясно, что национально-политические рецепты Эберта не отвечали тенденциям развития буржуазных национальных движений, возникших в стране, но вполне могли служить им, в том числе и чешскому национальному движению, на определенном этапе. Судя по приведенным материалам, Эберт дал также достаточно серьезные — для своей среды и своего времени — образцы почти всех романтических жанров (историческая драма, национально-героическая поэма, баллада), «выполненные» на национальном материале.

Успех этих произведений дома, признание вовне (или хотя бы выход за пределы Чехии) могли, думается, увеличивать притягательность национальных исторических сюжетов, были не лишним в ту эпоху доказательством «полноценности» такого рода основы художественного произведения. Подобная «моральная поддержка» была важна и для деятелей национального возрождения, и для рядовых его участников. Укажем и на информационно-просветительное значение произведений Эберта на чешские сюжеты в периоды выхода их на «мировую арену». В первой половине XIX в. и такие «антикварные» напоминания европейскому читателю о малом народе играли определенную положительную роль.

В творческом развитии Эберта еще много неясного. Причина этого заключается отчасти в недостаточности источниковой базы. Некоторые справочники называют, например, Эберта автором вышедших под псевдонимами прозаических сочинений, которые или никак не вяжутся с его именем, или остались нам недоступны. Большой интерес представляло бы знакомство с историей перевода в 60-е годы XIX в. пьесы Эберта «Бретислав и Ютта» на чешский язык, с отзывами о творчестве Эберта из более широких чешских будительских кругов и в более значительном временном диапазоне, с личным архивом самого поэта. А пока, используя бытующее сравнение, можно сказать, что Эберт относился не к тому роду писателей, которые живут после смерти, а к тому, которые начинают умирать при жизни¹². И все же судьба его книг представляет интерес и сегодня как памятник нескольким мгновениям трудного, даже мучительного процесса формирования буржуазной культуры в условиях двунациональной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Československý časopis historický*, 1983, № 4, s. 584; *Цигенгайт Р.* Германославянские культурные связи в европейском контексте. — В кн.: Славянские культуры и мировой культурный процесс. Минск, 1985, с. 153—157.
2. Литературные связи и литературный процесс. Из опыта славянских литератур. М., 1986, с. 69.
3. *Николевский С. В.* Две эпохи чешской литературы. М., 1981, с. 21.
4. *Шалауберская С. Е.* Н. Ленау и судьбы романтизма в Австрии. — В кн.: Незученные страницы европейского романтизма. М., 1975, с. 178.
5. *Мылеников А. С.* Культура чешского Возрождения. Л., 1982.
6. *Hofman A.* Die Prager Zeitschrift «Ost und West». Berlin, 1957, S. 31.
7. *Ebert C. E.* Gedichte. Prag, 1824, S. 103.
8. *Ebert K. E.* Wlasta. Böhmisches nationales Heldengedicht in drei Büchern. Prag, 1829.
9. *Эккерман И. П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.—Л., 1934, с. 461—462.
10. *Kraus A.* Stará historie česká v německé literatuře. Praha, 1902, s. 147.
11. Libussa. Jahrbuch für 1849. Jg. 8. Prag, o. J.
12. Libussa. Jahrbuch für 1842. Prag, o. J.
13. *Ebert C. E.* Břetislav und Jutta. Dramatisches Gedicht. Prag, 1835.
14. *Jungmann J. J.* Korespondence. Praha. 1956.
15. *Krause W. K. E.* Ebert und das böhmische Biedermeier. Dichtung und Volkstum. Neue Folge des Euphorion.— Zeitschrift für Literaturgeschichte. Bd. 36. Stuttgart, 1935, S. 197—209.
16. Рукопись краловдерская, собрание лирико-эпических народных песен. СПб., 1820.
17. *Ebert K. E.* Gedichte. Stuttgart und Tübingen, 1845.
18. *Маха К. Г.* Избранное. М., 1960, с. 102.

¹² Из посмертных изданий сочинений Эберта нам известны лишь сборник «Из наследия Эберта», вышедший в составе «Библиотеки немецких писателей Богемии» и переиздавшие поэмы «Монастырь».

19. Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в.— 1849 г. М., 1980, с. 224.
20. *Wenzig J., Krejčí J.* Die Umgebungen Prags. Prag, 1859, S. 7, 47, 52, 108, 137.
21. *Feyl O.* Unveröffentlichte Bohemica der Vormärzzeit un verwandte Briefe aus der Universitätsbibliothek Jena.— Jahrbuch für Geschichte der deutsch-slawischen Beziehungen und Geschichte Ost- und Mitteleuropas. Band II. Halle, 1958, S. 389.
22. *Hejdl J. A.* Springer a česká politika výletech 1848—1850. Praha, 1914, s. 31.
23. *Cerný J.* (vyd.) Boj za právo. (Sbornik aktů politických ve věcech státu a národa českého od roku 1848 s vyklady historickými.) D. 1. Praha, 1893.
24. Korespondence P. J. Safaříka s F. Palackým. Praha, 1961.
25. *Klíma A.* Revoluce 1848 v českých zemích. Praha, 1974, s. 160.
26. *Ebert K. E.* Fromme Gedanken eines weltlichen Mannes. Dichtungen. Leipzig, 1859, S. 175—180.
27. *Wurzbach C.* Biographisches Lexikon des Kaiserthums Österreich. Th. 3. Wien, 1858, S. 414—416.
28. Die deutschen Dichter an K. E. Ebert. Eine Ehrengabe überreicht am 5. Juni 1881 an des Dichters 80. Geburtstage von der «Concordia», dem Verein deutscher Schriftsteller und Künstler in Böhmen. O. O. u J.
29. *Ebert K. E.* An die deutschen Dichter, die mich zu meinem achtzigsten Geburtstage begrüßten. Prag—Smichow, 1881, 15 VI.
30. *Partisch H.* Österreicher aus sudetendeutschem Stamme. Herausgegeben von der Forschungs- und kulturstelle der Österreicher aus dem Donau-, Sudeten- und Karpatenraum. Bd. 1. Wien, 1961, S. 102.
31. *Kosch W.* Deutsches Literaturlexikon (biographisches und bibliographisches Handbuch). Bd. 1. Bern, 1949, S. 398.
32. Prag in seiner jetzigen Gestalt. Meissen, 1835.
33. *Kraus A.* Die sogenannte tschechische Renaissance und Heimatdeutschen. Prag, 1928.
34. *Langhammer J.* Karl Egon von Eberts Selbstbiographie.— Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen. Jg. 55, 2/3 Heft. Prag, 1917.
35. *Pelzel F.* Geschichte der Böhmen. Th. 1. Prag, 1817.
36. *Zitko M.* Obraz české minulosti v kulturních časopisech doby předbřeznové.— In: Úloha historického povědomí. Praha, 1976, s. 41.
37. *Herder J. G.* Stimmen der Völker in Liedern. Berlin, 1924, S. 338.
38. *Krejčí K.* Praha legend a skutečností. Praha, 1967, s. 39—41.
39. *Gerle W. A.* (Bearb.). Volksmärchen der Böhmen. Prag, 1819.
40. *Балза И. Ф.* Очерки развития чешской музыкальной классики. М.— Л., 1951, с. 149.
41. *Грильпарцер Ф.* Пьесы. М., 1960.
42. *Foglar A.* Grillparzer's Ansichten über Literatur, Bühne und Leben. Aus Unterredungen mit A. Foglar, k. k. Landesgerichtsrath. Wien, 1872, S. 8.
43. *Winter E.* Der böhmische Vormärz in Briefen B. Bolzanos an F. Prigonsky. Beiträge zur deutsch-slawischen Wechselseitigkeit. Berlin, 1956, S. 287.
44. *Vrentano C.* Sämtliche Werke. Bd. 10. München und Leipzig, 1910.
45. *Vachman A.* Geschichte Böhmens. Bd. 1. Gotha, 1899, S. 198—199.
46. *Кишкин Л. С.* Миколаш Алем и чешская культура. М., 1978, с. 34.

ТАРАСОВ О. Ю.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ НАРОДНОЙ ЖИВОПИСИ РОССИИ, ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ И ТРАНСИЛЬВАНИИ XVII — XIX ВЕКОВ

В последнее время в мировой исторической науке явно возрос интерес к внутренним механизмам историко-культурных процессов. Все чаще ученые разных стран предпринимают попытки найти решения сложнейших социально-психологических проблем, связанных с особенностями народного мировосприятия, религиозного сознания, опыта и поведения. На подступах к проникновению в тайны внутреннего мира человека уже обследован и проанализирован огромный корпус памятников народной письменности и искусства: народные духовные легенды и стихи, лубок, пародийная и юмористическая литература, исповедные книги и Библии бедных, произведения прикладного искусства, творчество Рабле.

Между тем, народную религиозную живопись XVII—XIX вв., включавшую в себя как в России, так и в других странах необыкновенно широкий и разнообразный по сравнению со средневековым искусством круг произведений, в этот ряд пока отнести нельзя. Еще недавно ей уделялось не так много внимания, хотя среди не столь многочисленных источников по исследованию народного религиозного сознания нового времени (в котором ученые неизменно обнаруживают теснейшую переплетенность со средневековой моделью мира) именно ей, пожалуй, принадлежит особое место.

По сравнению с другими источниками народная икона, как нам кажется, может не только дублировать их данные, но и выявлять особо значимые и глубинные смыслы. Византийские мыслители, построив свою теорию иконы как отображения, отделенного от своего первообраза некоторым важным различием, но позволяющего «энергиям» первообраза реально в нем, этом отображении, присутствовать (по классической формуле Псевдо-Дионисия Ареопагита, «вещи явленные суть воистину иконы вещей незримых», цит. по [1, с. 47]) и соединив ее на понятийном уровне с развернутой системой теологических антиномий, важнейшей чертой своей гносеологии сделали обращение именно к внесознательной сфере субъекта, к области «сверхчувственного» и «сверхразумного» опыта. Ограничив дальнейшее развитие логического понимания, они активно способствовали переключению всей познавательной энергии человеческого разума в сферу мышления эмоционально-эстетического и художественного. И, возможно, поэтому народная икона обладает способностью к наиболее точному захвату сферы идеального, к наиболее глубокому про-

---

Тарасов Олег Юрьевич — канд. ист. наук, научн. сотр. Института славяноведения и балканистики АН СССР.

никновению в тайны профанического религиозного сознания; другими словами, в ту сферу бессознательного со всеми присущими ей противоречиями и парадоксами, которая позволила бы указать исследователю более или менее ясный выход к обнаружению и выявлению симптомов своеобразия коллективного сознания, особенностей той или иной национальной духовной традиции.

Задачей настоящей статьи является первая и, конечно, пока самая общая попытка приблизить памятники народной религиозной живописи XVII—XIX вв. к сфере реальных источников по исследованию проблем исторической психологии и культурологии, найти по возможности на этом пути наиболее интересные направления дальнейшей работы. С этой целью предполагается выделить и сопоставить на имеющемся материале типологические особенности народной иконы России и тех политико-географических зон, где при всем присутствии только им национальным своеобразии православная традиция могла испытывать меньшее (например, Дунайские княжества — Валахия и Молдавия) или большее (православное владшское население Трансильвании) влияние западной римско-католической культуры, т. е. стран, входивших в прошлом в так называемую «контактную зону» с ее сложными процессами этногенеза и славяно-волошского культурного синтеза; наконец, на основании этой типологически исходной ситуации попытаться обнаружить место и роль иконы в художественной системе народной культуры этих стран, ее связь с определенной духовной традицией.

Начало изучения в России народной иконы было положено еще такими известными русскими учеными, как Н. П. Кондаков [2], Ф. И. Буславев [3], А. И. Кирпичников [4] и другими, а в Румынии к этому вопросу первым обратился уже видный румынский историк Н. Йорга [5]. Отдельные вопросы русской народной иконы затрагивались в монографиях по искусству Палеха советскими искусствоведами А. В. Бакушинским [6] и М. А. Некрасовой [7], русским крестьянским иконам были посвящены статьи Е. Каменской [8] и Н. Г. Велижаниной [9; 10] интересные результаты анализа памятников поздней русской иконописи на территории Латвийской ССР опубликованы М. М. Красиным [11].

Острые и важные проблемы изучения русской народной религиозной живописи одним из первых поставил известный советский славист В. Д. Королук. Им была, например, отмечена связь русского народного иконописания с церковным расколом, приблизительные ареалы распространения крестьянской иконы, влияние на нее древнерусских иконописных традиций, необходимость параллельного сравнительно-исторического изучения народной религиозной живописи славянских и неславянских народов [12]. Более конкретному исследованию идейного мира русской иконы (правда, в основном более раннего периода) и включению ее в круг вторичных источников по реконструкции восточнославянской мифологии посвящена работа Вяч. Вс. Иванова [13], семиотический анализ русской иконы проведен Б. А. Успенским [14], а тесные средневековые культурные связи России с Дунайскими княжествами в области изобразительного искусства раскрыты А. И. Роговым [15]. Самая общая и первая попытка подхода к культурологическому осмыслению места народной иконы в русской художественной культуре XVIII — начала XX вв. предпринималась и в публикации автора данной статьи [16].

Румынские историки и искусствоведы в большинстве случаев идут по пути углубления фактологического и эстетического анализа народной иконы Дунайских княжеств и Трансильвании: выявляются центры иконописного производства и мастера, определяется внутренняя география миграции икон, внешние и внутренние факторы, обуславливавшие различного рода влияния и т. д. Так, трансильванской иконе на дереве посвящены интересные работы М. Порумба [17; 18], а молдавской — М. Сабадос [19], народная икона на стекле весьма подробно исследована Ю. и Д. Данку [20], О. Перничек [21] и др. Бытовые элементы в молдавских фресках XV—XVII вв. анализируются в публикациях и диссертации профессора Ясского университета И. Солкану, который рассматривает

их главным образом как источник по реконструкции деталей народного быта и военных атрибутов [22]. Отдельные проблемы поздней народной религиозной живописи разрабатывали также Н. Картожан [23], А. Палеолог [24], А. Поп-Брату [25] и др.

К объекту исследования, соответственно поставленным целям (опуская теоретическую сторону проблемы) можно, на наш взгляд, отнести в первую очередь те произведения иконописи XVII—XIX вв., которые создавались не иконописцами-профессионалами высокого уровня, работавшими в больших столичных мастерских и мастерских крупных городов, а народными провинциальными и сельскими ремесленниками. Причем последние могли писать как иконы довольно высокого художественного уровня по индивидуальному заказу, так и целые партии икон в промышленных масштабах, наполняя рынок колоссальной по своему объему группой «серийных» или, как их называли в свое время в России, «расхожих» икон «для народа».

Хотя научная классификация требует сбора и систематизации громадного материала и является результатом большой и многолетней исследовательской работы, тем не менее уже на данной стадии исследования в русской народной иконописи можно условно отметить несколько типов. Так, по уровню и манере исполнения и вне географии распространения в народном иконном производстве России XVII—XIX вв. выделяются: 1) иконы отдельных мастеров или крупных центров народной иконописи, развивавших традиции «больших» стилей древнерусского искусства; 2) иконы с традиционной иконографией городских, сельских и монастырских мастерских среднего уровня исполнения, так называемое «монастырское письмо»; 3) крестьянские иконы — «примитивы»; 4) иконы в живописной манере со светотеневой моделировкой объема.

Главными ареалами производства и распространения народной иконы в России, по-видимому, надо считать русский Север, включавший три большие области — Обонежье, «Двинскую землю» и Вологодский край, а также Поволжье и Владимирскую область с тремя крупнейшими центрами-селами Мстерой, Холумем и Палехом, в котором наряду с изысканными и дорогими выпускались иконы и более низкого уровня. Именно здесь с давних времен сосредотачивались основные силы народного иконописания и производились все условно выделенные нами типы икон.

Иконописные памятники первого типа можно рассматривать как подлинные произведения искусства, создававшиеся индивидуальными мастерами. И если на Севере народные иконописцы тесно были связаны с традицией новгородской школы XV—XVI вв., которую они развивали в соответствии с местными художественными вкусами [26], то в произведениях мастеров Владимирской области — особенно Палеха и Мстеры — обнаруживается прямая связь со строгановской школой конца XVI — начала XVII в., а также с живописью XVII в. верхневолжских городов.

Иконы этого типа выделялись прежде всего своим высоким профессиональным уровнем. В них можно встретить и изысканность формы, и органическое взаимодействие колорита, композиции и рисунка [26]. Несмотря на то, что по сравнению с лучшими иконами Палеха XVIII—XIX вв. [6, илл. 3—8] их отличал менее аристократический художественный язык, но своему техническому уровню они иногда были к ним близки. Граница здесь была весьма размыта (рис. 1).

Чтобы ее более или менее четко представить, приведем в качестве примера те определения типов икон, которые были приняты у самих иконописцев и которые встречаются в письменных документах.

В книге заказов палехской мастерской Сафонова за 1877—1883 гг. можно найти заказы на иконы — «на кипарисе самой лучшей византийской работы» (т. е. выполненные в традиционной манере), «работы хорошей», «платье обыкновенно, а лицо написать получше», «на кипарисе с чеканкой фряжской работы» (т. е. со светотеневой моделировкой объемов) и т. д. [27, с. 2, 4, 20, 87].

В указах и делах Суздальской духовной консистории середины XVIII в., касающихся строгой регламентации и цензуры народного ико-

Рис. 1. Иоанн Предтеча. Конец XVIII — начало XIX в.
Центральная Россия.

нописания во Владимирской области, также постоянно встречается вполне установившаяся (хотя, естественно, и расплывчатая) классификация: иконы «самого доброго мастерства», «работы хорошей», «средней работы», «мастерства неискusного» и т. п. [28, ф. 560, оп. 1, ех. 109, л. 1—2, 31—32]. Таким образом, выделенный нами первый тип памятников скорее попадает под определения — «работы хорошей» и «хорошего письма»; иконы же «самой лучшей византийской работы» или «самого доброго мастерства» предназначались, надо думать, для дворянства, высших слоев купечества, государственных учреждений и т. п., но «в народ» попадали редко.

Основной расцвет русской народной религиозной живописи относится на Севере — к XVII—XVIII вв. [29], а в Палехе, Мстере и Холуе — к XVIII—XIX вв. Хотя время появления народной иконы в России (как, видимо, и в Дунайских княжествах и Трансильвании) установить довольно сложно. Можно только предположить, что она в течение многих веков развивалась параллельно с центральными иконописными школами. Так, о распространении в России народных икон можно судить уже по «Стоглаву» — сборнику постановлений церковного собора 1551 г., запрещавшего отступление от канона в народной иконописи и требовавшего «писати иконописцам иконы с древних переводов» [30]. В трактате об искусстве Иосифа Владимирова, датированном серединой XVII в., уже содержатся не только точные указания на центры народной иконописи — Палех, Холуй и Шую, но и приводятся интересные сведения об организации труда в народном иконописании [31]. Из архивных же документов середины

и второй половины XVIII в. следует, что основным центром народного иконописания в России являлось в то время село Холуй [28, ф. 560, оп. 1, ех. 109, л. 43—50], а сопоставление целого ряда статистических данных показывает, что в XIX в. Холуй, Мстера и Палех становятся крупнейшими иконописными промыслами не только в России, но, по всей вероятности, и во всем православном мире (подробнее об этом см. [32]).

Подобных центров народной иконописи, в которых бы столь интенсивно продолжали развиваться традиции «школьного» средневекового искусства, в Дунайских княжествах и Трансильвании не было, на что были свои исторические причины. Если в России главным потребителем данного типа икон являлись многочисленные слои русского духовенства, купечества и мещанства, разветвленная сеть государственных и церковных учреждений, то в Дунайских княжествах с их менее развитой социально-политической структурой этот круг был несравнимо уже, а в Трансильвании венгерская правящая элита была к тому же преимущественно католического и протестантского вероисповеданий. Узость рынка и распыление художественных сил в народной среде обусловили то, что связь с высокой традицией валашского и молдавского иконописных стилей развивалась здесь на качественно ином уровне. Примером могут служить две своеобразные валашские иконы XVIII в. из собрания румынского коллекционера Г. Авакяна, находящиеся в экспозиции Музея частных коллекций в Бухаресте — Девять праздников и Введение во храм. Будучи явно заказными и, видимо, предназначавшимися для церкви, эти памятники с первого же взгляда обнаруживают весьма сильное провинциальное влияние — в несколько примитивной постановке фигур, упрощенной моделировке одежд и ликов, пестром колорите, грубоватой линейности композиции. Касааясь вопроса о типологии иконы Дунайских княжеств, еще Н. Йорга проницательно отметил отсутствие в них четкого разделения на цеховое профессиональное иконописание и народное [5, с. 18]. К этому можно добавить, что данное смещение (во многом характерное для «поствизантийского» искусства балканского региона в целом) явно прогрессировало в течение XVIII и XIX вв., а отсюда и не позволяло оторваться некогда высоко профессиональному искусству княжеств от уровня народного ремесла [19, с. 245]. Как нам кажется, уровень этот (в историко-сравнительном плане) сопоставим с выделенным нами вторым типом русской народной иконы, и именно на нем происходили, надо думать, наиболее интересные трансформации и взаимопроникновения отдельных стилистических и идейных черт народной религиозной живописи России и, главным образом, Молдавии.

Русские иконы с традиционной иконографией второго типа, писавшиеся в городских, монастырских и сельских мастерских, по сравнению с первым были прежде всего менее технически совершенны (рис. 2). Исполнялись они, как правило, на более дешевых досках и менее дорогими красками, фон на них часто делался из сусального серебра, которое имитировало золото после покрытия его отваром из лесной ягоды крушины; иногда серебро обрабатывали копотью, достигая эффекта «золотого» мерцания [33, № 3, с. 10]. Разделка одежд также производилась более упрощенно — по большей части не золотом, а серебром и краской; «отборка» ликов была не такой тщательной. В целом такие иконы претерпевали значительно меньший ряд постепенных превращений, чем памятники первого типа, хотя производство одной такой иконы от подготовки доски до покрытия ее олифой могло требовать в среднем около 40 операций [34] и в нем принимало участие сразу несколько человек. Поскольку эти памятники представляли продукцию иконных ремесленных цехов с большим или меньшим разделением труда, то их качество могло еще зависеть как от уровня мастерской в целом, так и от выучки отдельных мастеров.

Основой для сравнительного изучения русской иконы данного типа с валашской, молдавской и трансильванской может стать ремесленный профессионализм. При самом общем сопоставлении, особенно икон XVIII—XIX вв., сразу бросается в глаза, что структура ремесленной религиозной живописи в Дунайских княжествах и Трансильвании в целом отличалась большей стилистической нестабильностью. Отсутствие здесь

Рис. 2 Собор Архангела Михаила. XIX в. Центральная Россия.

в XVIII—XIX вв. крупных народных иконописных школ и мастерских определило больший, чем в России, диапазон художественных уровней и характера произведений, более сильное ослабление традиционных иконографических и стилистических форм и их свободное переложение. Однако все это не означало, что икона данных регионов после XVII в. потеряла свое ярко выраженное своеобразие. Валашские, молдавские и трансильванские мастера продолжали следовать традиции. Только при этом они создавали качественно иные формы, выводили эту традицию к другому художественному языку. Характерным примером может служить икона начала XVIII в., посвященная чисто русскому православному празднику Покрова из соиенного скита монастыря Нямц (рис. 3). Хотя выполнена она была известным и много до этого работавшим при дворе Брынковяну в Валахии мастером Урсолом [19, с. 242], сложно не заметить, что типично русская иконография выражена здесь несколько стилистически ослабленным, архаизирующим языком; причем, видимо, далеком от соответствия тому образцу, которым пользовался мастер.

Русские крестьянские иконы-«примитивы» (третий выделенный нами тип) — безусловно самый многочисленный в России слой памятников народной иконописи. В плане стилистики для них характерны тяготение к примитиву, высокая причастность к степени знаковости, графичность, яркость и локальность колорита, симметрия и статичность построения, обобщенность и символика образов (рис. 4—5). Стоявшие почти в каждой

Рис. 3 Мастер Урсул. Покров. Начало XVIII в. Молдавия.

русской избе, они могли представлять собой произведения не только иконописных промыслов, но и самих крестьян, в семьях которых иконописное мастерство переходило из поколения в поколение и было развито довольно широко.

В Дунайских же княжествах и Трансильвании иконы на дереве писались в крестьянской среде сравнительно редко. Как и в других балканских странах, для крестьян и сельских церквей чаще их писали бродячие иконописцы, переходившие из села в село. Не производились здесь и «расхожие» иконы на дереве «для народа», которые выпускались в России в XVIII и особенно в XIX в. в промышленных масштабах в тех же крупных центрах народной иконописи — прежде всего в селах Мстера и Холуй [16, с. 82—86]. Именно эти «расхожие» иконы «суздальских писем» нередко попадали на Балканы и в том числе в Дунайские княжества через русских офеней — странствующих торговцев из владимирских сел (подробнее см. [32, 35]).

С известными оговорками можно допустить, что в Дунайских княжествах и особенно в Трансильвании «расхожей» крестьянской иконой (в нашем ее понимании) считалась икона на стекле (рис. 6). В XVIII—XIX вв. крупнейшими центрами ее производства были селения Никула и Шкей, районы Фэгэраша и Цары Олтулуй, долина Себеша и другие, в которых местные иконописцы заимствовали ее внешнюю технику главным образом из Верхней Австрии, Богемии и Словакии [20, с. 15].

Рис. 4. Чудо Георгия о змие. Вторая половина XIX в. Центральная Россия.

Рис. 5 Никола. Вторая половина XIX в. Владимирская область.

Рис. 6 Троица Ветхозаветная. Первая половина XIX в.
Трансильвания

Наконец, особую группу представляли собой иконы, писавшиеся маслом (или смешанной техникой) со светотеневой моделировкой объема. Как в России, так и в Дунайских княжествах их распространение относилось в основном к XVIII—XIX вв. По сравнению с предыдущими, эта группа самая мобильная и динамичная, с наиболее зыбкими и текучими границами. Уже с XVII в. в общераспространенной религиозной живописи как России, так и Дунайских княжеств шаг за шагом уменьшается расстояние между каноническим иконописным стилем и господствующими стилями в светском искусстве: сначала барокко и рококо, позднее — классицизм. Создаются переходные формы, наглядно показывающие ломку и взаимопроникновение стилей. Примером могут служить иконы XVIII в. из пронаоса церкви Голия в Яссах — Спас Вседержитель и Богоматерь с младенцем. Типаж ликов, их мягкость и изысканность выдают, кстати, здесь наряду с влиянием эстетики барокко и влияние русской академической религиозной живописи, которая в то время была хорошо известна в храмах Валахии и Молдавии. Две иконы, находящиеся в церкви Св. Ильи в Сучаве с аналогичными сюжетами, подтверждают это. Согласно имеющейся надписи, они вместе с резными напольными киотами были специально заказаны в Москве и выполнены там в 1783 г.

В русской крестьянской среде иконы в живописной манере, по-видимому, не получили большого распространения, хотя В. Илларионов и указывает, что в конце XIX в. особенно много их писали в селе Холуй [32, № 4, с. 734—735]. В то же самое время, не на крестьянском и академическом уровнях, а на уровне посадского и городского ремесла именно в этой группе памятников России, Дунайских княжеств и Трансильвании могут встретиться весьма парадоксальные явления. Примером может служить опубликованная Б. В. Сапуновым икона-картина конца XVIII в. Образ благоверного царевича Дмитрия из собрания Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа [36]. Присутствующие здесь элементы иконы, парсуны, лубка и портрета обнаруживаются и в иконе-картине Страшный суд, находящейся в притворе Церкви св. Дмитрия в Сучаве. Это — обратная перспектива, почти «светский» типаж фигур и ликов, частичная светотеневая моделировка объемов, жанровый характер отдельных повествовательных эпизодов и т. д.

Как же соотносилась икона условно выделенных нами типов (опять же, в своих наиболее контрастных стилистических и психологических оттенках) с народной духовной традицией и народной художественной культурой? Одним из диагностически ведущих аспектов комплексного и сравнительного подхода к этому сложнейшему вопросу может стать, как нам кажется, выявление характера взаимодействия и взаимосозвучия народной иконы с фольклором. Образы новозаветных повествований, трансформированные и опосредованные мифологизацией в народных верованиях, оказали, как известно, универсальное влияние на народную иконопись. Высказанные по этому поводу идеи (влияние, например, на икону пережитков язычества, объясняемое двоеверием [13, с. 268—287] или воздействие иконы на народную духовную поэзию [4, с. 226]) подводят к той важной мысли, что видение народного иконописца-ремесленника оставалось по преимуществу в рамках народного религиозного и эстетического сознания, а активное взаимодействие народной иконы с фольклорной художественной системой могло обуславливаться, как нам кажется, во-первых, синкретической основой поэтики фольклора. Ведь для последней издавна было присуще смешение планов земного и сверхъестественного, материального и духовного. И именно здесь, на этой глубине, надо полагать, кроются корни духовного и стилистического своеобразия народной иконы: теплота чувства, характерные для фольклора простодушие и непосредственность, «земная» передача божественного, т. е. то специфически народное мироощущение, в котором православие могло ужиться с остатками языческих воззрений и которое в народной иконе было поддержано ее соответствующей структурой. И во-вторых, символизм художественного языка восточнохристианского искусства оказывался достаточно близок как особенностям народного мировосприятия, так и специфике народного искусства. Исследователи не раз подчеркивали космологический образный строй произведений народных мастеров. Причем именно в широких слоях народа символизм как важнейший элемент средневековой картины мира продолжал жить и в новое время, он обнаруживал устойчивость несмотря на все перевероты в социально-экономической и культурной областях.

Учитывая эти отдельные стороны большого вопроса, попытаемся в данном конкретном случае сосредоточить главное внимание на выявлении в народной иконе России, Дунайских княжеств и Трансильвании характера бытовых элементов (в румынском языке — *elemente laice*), которые устойчиво ассоциировались с предметом реальной действительности.

При самом общем взгляде несложно заметить, что в народной иконе Дунайских княжеств и Трансильвании по сравнению с русскими памятниками эти элементы присутствуют не только значительно в большей степени, но и придают ей ту особую и неповторимо своеобразную эмоциональную тональность, которая могла сближать их со сферой фольклора. Они даже не столько более разнообразны (хотя и это существенно), сколько более эмоционально и концептуально выражены. Это — пейзаж, элементы народного орнамента, костюм, предметные атрибуты крестьянского

быта и т. д. Причем (что очень важно), в отличие от русской народной религиозной живописи здесь ими проникнута в большей или меньшей степени структура всех выделенных нами типов народной иконы, откуда и вытекала отмеченная выше ее общеструктурная ослабленность. На основании первых наблюдений эту избыточность и перенасыщенность бытовыми реалиями и орнаментальными мотивами чаще можно зафиксировать в тех зонах, где наряду с безусловно сложным и многообразно влиявшим на народную икону комплексом факторов (в частности, связанным со специфически этнопсихологическими проблемами — воздействием на психику народов географической среды, влиянием языковых форм на особенности мышления этнических групп и т. п.) больше ощущалось воздействие (по тем или иным историческим причинам, которых мы здесь не касаемся) западной римско-католической культуры. Это относилось, в первую очередь, к зонам Трансильвании, Подкарпатской Руси, Восточной Словакии и Галиции, но уже в меньшей степени — к Валахии и Молдавии, хотя и там эти мотивы были не редкость. В упоминавшейся, например, храмовой иконе Покрова мастера Урсула император Лев представлен в красном молдавском кафтане конца XVII — начала XVIII в., что, во-первых, безусловно не могло быть в русском образце XVII в., которым, видимо, пользовался мастер и, во-вторых, сам факт введения подобной детали практически исключался для русских народных икон аналогичного (второго) типа.

Надо полагать, что при расширении данного аспекта исследования в бытовом православии Дунайских княжеств и Трансильвании может выявиться несколько более глубокое фольклорное переосмысление христианской доктрины. Притом подчеркнутая натуралистичность здесь народной иконы, ее, так сказать, «заземленность» может говорить не только о западном влиянии. Допустимо и предположение, что религиозное сознание населения Дунайских княжеств и Трансильвании, веками борющегося с чужеземным гнетом, воспринимало и переживало христианские образы и мотивы новозаветных повествований близко соотносенными с собственной судьбой, а новозаветную трагедию — с собственной исторической трагедией, т. е. оно постоянно обострялось и восплалялось социально-политическими условиями жизни. Надо полагать, что именно этот момент (наряду со складыванием национального самосознания и др.) в немалой степени обусловил резкое насыщение балканской иконописи элементами реального мира в период национальных возрождений на Балканах (особенно в Болгарии, Сербии и Греции).

В русской же народной иконе бытовые элементы можно иногда найти в крестьянских иконах — «примитивах», да и то главным образом на русском Севере. В крестьянской же иконописи Центральной России, а тем более в иконописи старообрядцев и в памятниках первого и второго типов они почти не попадаются. Во всяком случае данные о них количественно очень невелики. Нельзя здесь не отметить и особенность типологически исходной ситуации этих мотивов. Она могла вытекать из того, что орнаментальные и бытовые реалии русской иконы всегда были менее выражены, и особенно по сравнению с памятниками «поствизантийской» балканской иконописи, ветвью которой являлось искусство Дунайских княжеств XVI—XVIII вв. Тем более это могло относиться к Трансильвании с примыкающим к ней регионом Восточной Словакии [37], или, например, Галиции. Ведь еще в XIV—XV вв. в новгородские житийные иконы стали проникать элементы реальной архитектуры и реального быта [38], но они никогда не затрагивали главного семантического нерва и особой знаковой системы самой иконы¹.

И здесь исследователь вынужден остановиться и обратить внимание на некую глубинную и органическую связь идейных и психологических качеств древнерусской живописи и русских народных икон XVII—XIX вв.,

¹ Здесь интересно отметить, что, видимо, одним из первых, кто почувствовал связь бытовых реалий новгородских икон XV в. с тенденциями кристаллизации русского национального самосознания и «выражением нового духовного настроения народа» был еще Е. Грубейкой [39].

связь, в которой присутствует не только известный народному искусству консерватизм, но настойчиво приоткрываются признаки некоего духовного механизма, способного на протяжении веков обеспечивать преемственность течения в нем внутренних процессов.

Характер и роль бытовых элементов (а в подавляющем случае их отсутствие) вряд ли позволяют приблизить позднюю русскую икону в целом к фольклорно-художественной сфере (что является вполне допустимым для памятников Дунайских княжеств и Трансильвании). И именно это подчеркнутое различие может, надо думать, стать обязательным и безусловным при выяснении характера связи самой структуры народной иконы с наиболее важными и глубокими смыслами той или иной культурно-исторической и религиозной традиции. Если попытаться абстрагироваться от тянущихся к этой ситуации всевозможных причин и следствий, то допустим, что на один из полярно противоположных ее полюсов можно поместить не раз отмечавшуюся исследователями русского религиозного опыта восточную тенденцию к самоуглублению и обретению абсолюта внутри себя, категорию «возвращения внутрь»; а на другом — западную духовную традицию, в которой «светоносное» начало всегда стеснялось страстным волнением и усилием, напряженным стремлением приблизить к богу не только самого себя, но и окружающий мир, что, в свою очередь, неизменно влекло к обнаружению религиозного чувства именно зримым, «пространственным» движением, ориентировало его как бы на овладение окружающим миром, на сообщение и на диалог. И здесь интересно увидеть еще один из аспектов сравнительного изучения религиозной народной живописи России, Дунайских княжеств и Трансильвании — развитие этих противоположных идей на уровне структуры или, иначе говоря, вероятностный спектр их воздействия на композицию, цвет, общий колорит, эмоциональную тональность, наконец, на особенности изображения самого облика народных святых.

Наблюдаемая сравнительно бо́льшая строгость русской народной иконы XVII—XIX вв., скупость и лаконичность ее почти всегда канонически обусловленного языка, пожалуй, именно на глубине подсознания (а не только на внешнем уровне использования народными мастерами старых прорисей) идут от тех интимнейших для русского религиозного опыта мотивов смирения и самоотвержения, от тех волевых усилий к самоконцентрации и сосредоточения духовной энергии, которые всегда позволяли древнерусской иконе создать особое внутреннее пространство, энергию внутреннего движения [38, илл. № 28, 29, 43]. Облики русских крестьянских святых даже на «расхожих» иконах XVIII—XIX вв. чаще всего написаны так, что создается иллюзия их «неотмирности» и бестелесности, внутреннего напряженного состояния: их фигуры вытянуты [10, с. 90, илл. иконы Архангел Михаил, святые Флор и Лавр], хотя порой крепкие и приземистые, плечи скошенные, головы с мелкими чертами сосредоточенных лиц; их взгляд всегда обращен как бы внутрь, и порой кажется, что они обладают некоей тайной, которую не хотят сказать.

На «подризных» же и «подфолежных» крестьянских иконах, на которых более или менее тщательно писались только открытые части тела («личное»), а сама фигура святого, закрывавшаяся потом окладом, набрасывалась лишь черным стремительным контуром по золотисто-охристому фону (рис. 5), этот мотив бестелесности (за вполне понятным автоматизмом и заученностью приемов, коммерческим подходом мастера и т. п.) как бы получал ту знаковость, которая если не граничила, то во всяком случае начинала приближаться к «парадоксальности» художественного мышления и абстракции, к прорыву в подсознательные сферы усвоения и передачи определенного духовного настроения.

Внешнее же пространство (фон и поля) на русских иконах, как правило, не заполнено и уменьшено создающей все ту же внутреннюю напряженность шириной полей; фон и поля часто гладкие (иногда на полях патрональные святые и надписи), сделанные в два или даже один (на «подризных» иконах) цвет, без ярких растительных орнаментальных мотивов. Правда, западное влияние, а также влияние Афона привели к распростра-

нению во второй половине XIX в. в русской народной среде памятников с имитацией на полях и фоне чеканки «под оклад». Оставляя этот вопрос для особой работы, сейчас только подчеркнем, что даже этим народным иконам сложно отказать в «построенной» разреженности композиции, в сдержанности и продуманности колорита.

Их цветовая гамма, будучи одной из форм проявления соответствующей идеи, всегда строго подчинена (за исключением, пожалуй, очень сложной четвертой группы памятников) все тому же специфическому пониманию в них соотношения внутреннего и внешнего пространства, наиболее ясному выражению в них идеи святости и духовной энергии. В большинстве культурно-религиозных традиций цвета святости, как известно, располагались в весьма четкой зависимости от интенсивности света и длины световых волн — это пурпурный цвет, красный, оранжевый и желтый [40, с. 216]. Характерно, что, как и в древнерусской живописи, в народных иконах XVII—XIX вв. эта визуально-оптическая форма святости чаще всего не нарушалась: художественное пространство иконы разрабатывалось таким образом, что «свет» и сияние соотносились, как правило, только с высшим началом и на этой своей стадии обращали свое тепло как бы внутрь, в сердце человека. На иконе XIX в. Собор Архангела Михаила (рис. 2) пурпурный и красный цвета положены только на одежды Эммануила и его небесного воинства, в то время как фон и нимбы сделаны желтым, а позем в виде небес — зеленым, то есть цветом, стоящим в ряду спектра непосредственно перед цветами, передающими идею святости [40, с. 216]. Примеры, подтверждающие надежность этих данных, легко можно умножить.

В народной же иконе Дунайских княжеств и Трансильвании пространственные и цветовые построения несколько иные. Во-первых, иконы с гладкими, не орнаментированными полями и фоном встречаются здесь намного реже (а в Трансильвании — в исключительных случаях). Поля, как правило, трактуются в виде узкой профилированной и украшенной фольклорно-орнаментальными мотивами резной рамы [24, илл. № 94, 95], а фон заполнен или давленным по левкасу густым растительным орнаментом, или же цветами и звездами². И, во-вторых, в отличие от относительно «разреженных» композиций русских народных икон все композиционные элементы икон Дунайских княжеств и, в особенности, Трансильвании, в большинстве случаев сориентированы на максимальное овладение «внешним» художественным пространством, на его заполнение и подчинение (рис. 6). Поэтому так часто оно обретает черты как бы прекрасного, дивно устроенного космоса, иллюзия которого дополнительно разрабатывается и соответствующими цветовыми решениями. Цвета святости могли располагаться здесь уже без той более строгой соотнесенности с божественным началом и активно проникали в архитектурные кулисы, растительный орнамент, позем и т. д., что сразу же делало «образный мир» иконы одновременно заземленным и сказочным, высвечивало несколько иные семантические нюансы, легшие в основу народных духовных ценностей. Если мы обратим более пристальное внимание на облики святых этих зон, то неожиданно можем ощутить на себе их взгляд, который зачастую обращен не «вовнутрь», а «вовне», сориентирован не на внутренний монолог, как в русских иконах, а на диалог; иначе говоря, их «поведение» выглядит несколько другим.

Степень обнаружения отмеченных противоположных религиозно-психологических тенденций может возрасти еще в одном, не менее важном аспекте сравнительного изучения — при анализе бытовых реалий, так сказать, на смысловом уровне, с точки зрения их соотнесенности с игровым поведением и смеховым началом.

Пока самые общие наблюдения показывают, что там, где воздействие западной культуры было наиболее ощутимым, бытовые реалии в иконах явно или скрыто начинали разрушать ту знаковую систему, которая была

² Эти особенности характерны также для иконописи Украины и Белоруссии XVII—XIX вв.

создана православной традицией, начинали ее спутывать. Например, ситуация так называемого «перевернутого мира» чаще всего встречается в испытывавших сильное влияние западной гравюры трансильванских и молдавских иконах на стекле. Так, на популярных среди трансильванских влахов иконах — пророк Илья — вороны, кормившие Илью, могли нести ему «всякие вкусные яства, а иногда и кружку вина» [20, с. 34], что было совершенно недопустимым для русской народной религиозной живописи. Подобные «бытовые» детали сразу же разрушали «серьезный» смысл православной иконы и моментально переориентировали верующего (зрителя) с пассивного на «динамическое» восприятие ее содержания, они выступали как некие исходные точки, способные переключить участника молитвенного акта в известное состояние «игровой активности», смешанное с религиозным чувством. Иными словами, ситуация «перевернутого мира» целого ряда памятников Дунайских княжеств и Трансильвании явно в той или иной степени могла одновременно смыкаться, с одной стороны, с фольклорно-карнавальная традицией и характерной для нее, по наблюдениям Ю. Лотмана, именно «игровой художественностью» [41, с. 249], с другой — народной католической духовной традицией, допускавшей слияние игры и культа и обнаруживавшей в случае формально-внешнего сопричастия с религиозными началами амбивалентное, серьезно-смеховое отношение к высшему плану бытия [42, с. 300].

В народных иконах на стекле из Баната с выгравированными узорами и росписью на зеркальном фоне [20, с. 154—156] эти мотивы смешения реального и сверхъестественного, «смешного» и «серьезного», видимо доведены уже до той, приближенной к парадоксу ситуации, на противоположный аксиологический полюс которой можно было бы с известной осторожностью отнести отмеченную выше графику русских «подризных» и «подфолжных» икон. Причем, в степени напряженности этих полярных центров «парадокса» отнюдь не исключен, на наш взгляд, и момент устойчивости (как формальный, так и концептуальный) тех или иных духовных тенденций, о которых шла речь.

Отношение же к смеху в русской народной православной традиции было совсем иным, чем на западе. То, что русская народная икона всех выделенных нами типов явно сопротивляется сближению с фольклорной художественностью, в известном отношении перекликается с концепцией древнерусской «смеховой культуры» Ю. Лотмана и Б. Успенского, резко разграничивающих в пределах этой традиции народно-художественную «игровую» сферу и торжественно-серьезную область религии ([43]; другую точку зрения см. [44, с. 7—8]). Будучи организована противопоставлением святости и сатанинства [43, с. 154], русская православная культура отводила игре и смеху четко очерченную и сравнительно узкую сферу. Мир «серьезных», религиозных ценностей был из сферы игры изъят, и русская святость исключала смех. И хотя уже XVII в. неуклонно стал вносить новые, западные культурные феномены в верхние этажи русской культуры (ср. с появлением бытовых реалий в высоко профессиональном искусстве верхневолжских городов XVII в.) это мало затронуло основы народного религиозного сознания, подтверждением чему может служить развитие на протяжении последующих двух столетий преимущественных структурных признаков крестьянских икон «примитивов». Бытовой атрибут вроде кружки вина для Ильи-пророка в клюве ворона трактовался бы скорее всего в русской крестьянской среде как своего рода кощунство, посягающее на вторжение в сферу божественного. Ситуация «перевернутого», вывороченного, «левого» мира выступала здесь, как правило, именно «святостью наизнанку», т. е. присущей дьяволу и всему дьявольскому, природа которого почти повсеместно у восточных славян была связана со смехом, гомерическим хохотом [45].

Ряд этих общих рассуждений только подводит, но, конечно, еще не решает вопрос о роли иконы в народной культуре. Между тем, уже сейчас вряд ли будет преувеличением констатировать, что если в Дунайских княжествах и Трансильвании изобразительная система народной иконы была главным образом объектом фольклорных и светских влияний (фоль-

клорные орнаментальные мотивы и типажи, гравюра и т. п.), то в России скорее было наоборот. Икона в русской народной художественной культуре выступала главным образом в качестве субъекта. Она оказывала самое непосредственное влияние как на фольклорные произведения народного изобразительного искусства, так и на целый пласт народной ремесленной культуры русского города и посада, который представлял собой как бы «средний» («третий») культурный слой между «высоким» искусством и фольклором и включал, например, такие художественные явления, как русский лубок, провинциальный портрет, вывеску, городские росписи и т. п. (подробнее см. [16, с. 88—89]). И хотя во многих русских фольклорных и ремесленных памятниках стилистика иконы безусловно переосмысливалась в соответствии с земным представлением о красоте, но передача пространства и времени и связанные с этим обратная перспектива, симметрия («предстояния»), статика, фантастичный цвет, наконец, умозрительность — все это было взято от иконы. Характерно, что упоминавшийся выше Образ благоверного царевича Дмитрия, являясь по типу одним из явлений «третьей культуры», отличается от аналогичной ему сучавской иконы — картины Страшного суда именно наличием ярких выраженных элементов иконописи, их особой ролью в организации сюжета. Отсюда напрашивается предположение, что по сравнению с народной культурой Дунайских княжеств и Трансильвании канон являлся в России как бы знаком архетипа, носителем предания, а изобразительная программа иконы и преодоление канона стали поэтому одним из важных факторов стилиобразования художественной системы русской народной культуры в целом.

В заключение хотелось бы только допустить, что намеченные нами лишь вскользь принципы отбора памятников и некоторые аспекты их сравнительного изучения при дальнейшей их разработке и более строгом увязывании с вопросами исторической психологии могли бы иметь самое непосредственное отношение ко многим тайнам истории России и Балкан, их взаимных влияний в области культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Золото в системе символов ранневизантийской культуры. — В кн.: Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973.
2. *Кондаков П. П.* Современное положение русской народной иконописи. СПб., 1901.
3. *Буслаев Ф. И.* Изображение Страшного суда по русским подлинникам. — В кн.: Древняя русская литература и искусство. СПб., 1861.
4. *Кирпичников А. И.* Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной. — Труды восьмого археологического съезда в Москве. Т. 2. М., 1895.
5. *Iorga N.* Isoana romanasca. (Dupa niste conferinte). Bucuresti, 1933.
6. *Бакушинский А. В.* Искусство Палеха. М. — Л., 1934.
7. *Некрасова М. А.* Искусство Палеха. М., 1966.
8. *Каменская Е.* Иконы — «краснушки». — В кн.: Вопросы русского и советского искусства: Материалы научных конференций 1972—1973 гг. М., 1973.
9. *Велижанина Н. Г.* Новые документы о регламентации иконописания в Западной Сибири (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). — В кн.: Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986.
10. *Велижанина Н. Г.* Народные иконы Новосибирской области из Новосибирской картинной галереи. — Музей. Художественные собрания СССР. М., 1983, № 4.
11. *Красилин М. М.* Обследование памятников изобразительного искусства на территории Латвийской ССР (древнерусская живопись и ее традиции в XVIII—XX вв.). — Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация. М., 1985, № 10.
12. *Королюк В. Д.* К вопросу об изучении русского народного изобразительного искусства. (Крестьянские образа-«примитивы»). — Советская этнография, 1971, № 3.
13. *Иванов Вяч. Вс.* Мотивы восточнославянского язычества и их трансформация в русских иконах. — В кн.: Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. М., 1976.
14. *Uspensky V.* The semiotics of the russian icon. Lisse, 1976.
15. *Рогов А. И.* Связи Руси с балканскими странами в области изобразительного искусства в XVI—XVII веках. — Советское славяноведение, 1976, № 3.
16. *Гарасов О. Ю.* «Расхожая» икона в русской художественной культуре XVIII — начала XX веков. — В кн.: Культура средних веков и нового времени. Сб. статей. МГУ, 1987.

17. *Porumb M.* Pictura Românească din Transilvania (sec. XIV—XVII). Cluj — Napoca, 1981.
18. *Porumb M.* Zugravi și centre românești de pictura din Transilvania secolului al XVIII-lea.— In: Anuarul institutului de istorie și arheologie Cluj — Napoca. Cluj, 1979, № 19.
19. *Sabados M.* Zugravi moldoveni din secolul al XVIII-lea. Pictura pe lemn din județul Neamț.— In: Memoria antiquitatis (1980—1982). Piatra — Neamț, 1986.
20. *Данку Ю., Данку Д.* Румынская народная живопись по стеклу. Бухарест, 1982.
21. *Pernicek O.* Icoane din maierii Alba Julieu aflate in colecția muzeului unirii Alba Julia.— In: Apulum. Arheologie, istorie, etnografie. Alba Julia, 1979, № 17.
22. *Solcanu J.* Elemente laice in pictura murala religioasa din Moldova — secolele al XV-lea — al XVII-lea. Rezumat tezei de doctorat. Cluj — Napoca, 1983.
23. *Cartoian N.* Cărțile populare in literatura românească, v. 1—2. București, 1974.
24. *Paleolog A.* Pictura exterioară din Țara Românească. București, 1984.
25. *Pop-Bratu A.* Pictura murala maramureseana. București, 1982.
26. *Брюсова В. Г.* Русская живопись XVII века. М., 1984, с. 159—166, илл. № 81, 83, 84, 87.
27. Архив Государственного музея палехского искусства, пос. Палех. д. 28.
28. Государственный архив Владимирской области. г. Владимир.
29. Кяжи. Древняя живопись Карелии. Петрозаводск, 1979.
30. Стоглав. СПб., 1863, с. 128.
31. *Иосиф Владимиров.* Трактат об искусстве.— В кн.: Древнерусское искусство XVII в. М., 1964, с. 33.
32. *Тарасов О. Ю.* Русские иконы XVIII — начала XX в. на Балканах.— Советское славяноведение (в печати).
33. *Илларионов В.* Иконописцы-«суздальцы».— Русское обозрение, 1895.
34. *Гольшес И.* Богоявленская слобода Мстера. Владимир, 1865, с. 94—97.
35. *Тихонравов Т.* Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857, с. 23—28; *Гольшес И.* Лубочные старинные народные картинки: Происхождение, гравирование и распространение их. Владимир, 1870, с. 9—10.
36. *Сапунов Б. В.* Неопубликованный памятник станковой живописи с изображением Угличской драмы 1591 г. (Этюд по истории парсуного письма) — От средневековья к новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX в. М., 1984, с. 149—163.
37. *Tkáč Št.* Ikonu zo 16—19 storočia na Severovýchodnom Slovensku. Tatran, 1982.
38. *Лазарев В. Н.* Новгородская иконопись. М., 1976, с. 15—16.
39. *Трубецкой Е.* Умозрение в красках. Три очерка о русской иконе. Париж, 1965, с. 123.
40. *Топоров В. Н.* Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре — *svet.— В кн.: Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
41. *Лотман Ю. М.* Художественная природа русских народных картинок.— В кн. Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. Материалы научной конференции (1975). М., 1976.
42. *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
43. *Лотман Ю., Успенский Е.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси.— Вопросы литературы, 1977, № 3.
44. *Лизачев Д. С., Папченко Н. В., Поньрко П. В.* Смех в Древней Руси. М., 1984.
45. *Толстой П. И.* Из заметок по славянской демонологии. 2. Каков облик дьявольский? — В кн.: Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. М., 1976.

КАТЕГОРИЯ ПЕРЕСКАЗЫВАНИЯ БОЛГАРСКОГО
ГЛАГОЛА (ОБЗОР)

Болгарский язык отличается от всех славянских и почти от всех европейских языков наличием серии особых грамматических форм глагола — так называемых пересказывательных форм, которые противопоставляются пересказывательным. Пересказывательные формы сигнализируют, что говорящий делает сообщение о действии на основании вторичной (непрямой, чужой) информации; пересказывательные формы сигнализируют о первичной (прямой, в том числе личной) информации или не содержат указаний на источник информации о действии¹. В других языках значение пересказывательности также выражается, но не морфологическими, а лексическими средствами — с помощью ряда частиц и некоторых лексических групп глаголов, чаще всего глаголов *dicendi*. Сравним в этом отношении болгарский с русским²: *Изгорил се с бакър* (Д. Талев) — русск. *Говорят, он обжегся медью*; *Тая същата жена пушила тютюн в хана заедно с нашия даскал Райко Вардарски* (Д. Талев) — русск. *Как говорят в городе, эта самая женщина курила табак на постоялом дворе вместе с нашим учителем Р. В.*; *Нямали сте работна ръка, тежало ви* (Е. Станев) — русск. *Тяжело, мол, вам, рабочих рук нет*.

В русских примерах вторичность информации о действии выражается описательно — частицей *мол*, неопределенно-личной формой глагола *говорят*, придаточным предложением, содержащим глагол *говорить*, как *говорят в городе*. Сами по себе русские глагольные формы не содержат указания на источник информации о действии, не указывают ни на ее первичность, ни на ее вторичность, в то время как соответствующие формы болгарских глаголов *изгорил*, *пушила*, *тежало* сигнализируют, что говорящий сообщает о действии не на основании своего опыта, а с чьих-то чужих слов, по слухам и т. п.

Как известно, все пересказывательные формы в болгарском языке являются аналитическими, они состоят из спрягаемой формы вспомогательного глагола *съм*, которая в 3 л. ед. и мн. ч. последовательно опускается, и причастия, характеризующегося морфемой *-л*. (Опущение вспомогательного глагола *съм* в 3 л. ед. и мн. ч. является обязательной формальной особенностью пересказывания.) Как показали подсчеты Ив. Куцарова [2, с. 7], пересказывательные формы 3 л. гораздо более частотны, чем 2-о и 1-о. Так, в его материале, извлеченном из художественной литературы, 88% всех встретившихся пересказывательных форм относятся к 3 л. При этом 74% из них — это формы аориста (*писал*) и имперфекта (*пишел*).

Молошная Татьяна Николаевна — канд. филол. наук, ст. научн. сотр. Института славяноведения и балканистики АН СССР.

¹ Впервые такая формулировка значения пересказывательных форм была предложена Е. И. Демипой [1, с. 34С, 35В и др.], в настоящее время она стала широко распространенной.

² Приводимые здесь и далее примеры заимствованы у Ив. Куцарова [2, с. 5 и др.].

Некоторые пересказывательные формы имеют крайне ограниченное употребление, так что ряд авторов их вообще не рассматривает. Например, Е. И. Демина [1, с. 328—332] и Ю. С. Маслов [3, с. 312] не включают в систему пересказывания редкие формы типа *щял да е писал, щял бил да е писал*, выражающие, соответственно, будущее предварительное изъявительного и умозаключительного наклонений³. Представляется, однако, что с грамматической точки зрения прав Ив. Куцаров, который учитывает все возможные, согласно логике данной системы, пересказывательные формы. Пересказывание пронизывает оба залога (активный и пассивный), все наклонения (изъявительное, повелительное, условное, а по мнению некоторых ученых, и умозаключительное), все времена, оба глагольных вида. Соответственно предложенная Ив. Куцаровым схема включает 18 теоретически возможных форм, относительно некоторых из них следует указать, что они употребляются очень редко [4].

Воспроизведем данные Ив. Куцарова относительно возможных пересказывательных форм в современном болгарском литературном языке, для экономии места указывая лишь 1 л. ед. ч. и 3 л. ед. ч.

1. *Пишел съм, пишел*. Это наст. или имперфект изъяв. накл. акт. залога. Образуются от причастия имперфекта акт. залога спрягаемого глагола и наст. глагола *съм*: *Съветваха майка ѝ и баща ѝ да я венчаят за Рачка Лилов, бакърджийчето, което лудеело за нея* (Ив. Вазов).

2. *Писал съм, писал*. Это аорист изъяв. накл. акт. залога. Образуются от причастия аориста акт. залога спрягаемого глагола и наст. глагола *съм*: *Казала му и му повториха, че дядо Стоян се качил и на едно конче и отишъл някъде по работа* (Д. Талев).

3. *Бил съм писал, бил писал*. Это перфект и плюсквамперфект изъяв. накл. акт. залога. Образуются от причастия аориста акт. залога спрягаемого глагола и пересказ. формы аориста глагола *съм*: *Следователят го обвинява в опит за убийство на длъжностно лице, понеже бил стрелял по полицията* (Е. Станев).

Эти же формы могут выражать аорист умозакл. накл. акт. залога, так что, очевидно, здесь следовало бы говорить об омонимии, т. е. в нашем перечне повторить эти формы после форм наст. и имперфекта умозакл. накл. акт. залога (после пункта 10).

4. *Щял съм да пиша, щял да пиша*. Это буд. или буд. в прош. изъяв. накл. акт. залога. Образуются от пересказ. формы вспомогат. глагола *ща* + частица *да* + форма наст. вр. спрягаемого глагола: *Към това решение го подтикнаха и думите на Георгиев, че щял да му каже защо го пита* (Е. Станев).

5. *Щял съм да съм (бъда) писал, щял да е(бъде) писал*. Это буд. предварит. и буд. предварит. в прош. изъяв. накл. акт. залога. Образуются от пересказ. формы буд. и буд. в прош. глагола *съм (бъда)* и причастия аориста акт. залога спрягаемого глагола. Данные формы встречаются чрезвычайно редко, поэтому некоторые исследователи не включают их в систему пересказывательных форм. Однако Ив. Куцаров приводит пример употребления такой формы с очень сложным темпоральным значением: *От казаното стана ясно, че те щели да се записали преди крайния срок* (Д. Попов).

6. *Нека (да) съм пишел, нека (да) пишел*. Это повелит. накл. акт. залога. Образуются с помощью частиц *да* и *нека* (или *нека* + *да*) + пересказ. форма наст. и имперфекта спрягаемого глагола: *Да научел някой европейски език! Нека научел някой европейски език, нека станел културен и образован!* (Е. Станев).

7. *Да съм бил пишел, да бил пишел*. Это так называемый усиленный пересказ повелит. накл. акт. залога. Образуются от вышеуказанных (пункт 6) пересказ. форм. + причастие *бил*. Частица *нека* в них встречается очень редко: *«Да били биели барабана!» — басово рече той и засмя* (Е. Станев).

³ Об умозаключительном наклонении см. ниже.

8. *Писвал съм, писвал*. Это наст. и имперфект услов. накл. акт. залога. Образуются от глагола *съм* в наст. вр. и причастия имперфекта акт. залога от синтетической формы условного наклонения: *Щийвал едно кафе, ако имало* (А. Теодоров-Балан).

9. *Писвал съм бил, писвал бил*. Это усиленный пересказ услов. накл. акт. залога. Упоминание об этих формах встречается у А. Теодорова-Балана, Л. Андрейчина, К. Попова и др. Но в материале Ив. Куцарова они не обнаружены.

10. *Бил съм пишел, бил пишел*. Это наст. и имперфект умозакл. накл. акт. залога. Образуются от пересказ. форм наст. и имперфекта глагола *съм* + причастие имперфекта акт. залога спрягаемого глагола: *Искали сме били да го убиваме* (Й. Йовков).

11. *Щял съм бил да пиша, щял болгарских да пише*. Это буд. и буд. в прош. умозакл. накл. акт. залога. Образуются с помощью пересказ. формы глагола *съм* в непересказ. умозакл. наклонении *щял съм да пиша, щял е да пише*: *Щял съм бил да го убивам! Какво ще го убивам, казах му, че видях пчелите му при моите, меда ми крадат, туй му казах!* (Й. Йовков).

12. *Щял съм бил да съм (бъда) писал (пишел), щял бил да е (бъде) писал (пишел)*. Это буд. предварит. и буд. предварит. в прош. умозакл. накл. акт. залога. Образуются с помощью пересказа форм глагола *съм* в непересказ. акт. залоге умозакл. наклонения *щял съм да съм (бъда) писал (пишел), щял е да е (бъде) писал (пишел)*. Эти формы употребляются очень редко: *Преди петелът да пропее, той бил щял да се бъде трижды отрекъл от него* (Л. Андрейчин).

13. *Ще съм пишел, ще пишел*. Эти формы иногда встречаются у старых писателей. По значению они совпадают с формами *щял съм да пиша, щял да пише* (пункт 4): *Та колко ще им вземел за защитата?* (Ст. Ц. Даскалов).

14. *Бил съм писан, бил писан*. Это наст., аорист, перфект, плюсквамперфект изъяв. накл. пас. залога. Образуются от пересказ. форм аориста глагола *съм* + прош. пас. причастие спрягаемого глагола. Употребляются очень широко: *Когато се заселвало селото, очите на хората били замъглени от сълзи и не гледали къде слагат основите на къщите си* (А. Дончев).

15. *Бъдел съм писан, бъдел писан*. Это имперфект изъяв. накл. пас. залога. Образуются от пересказ. форм имперфекта глагола *бъда* + прош. пас. причастие спрягаемого глагола: *Ако градът бъдел нападнат, защитниците си знаели работата* (Д. Попов).

16. *Щял съм да съм (бъда) писан, щял да е (бъде) писан*. Это буд., буд. в прош., буд. предварит. и буд. предварит. в прош. изъяв. накл. пас. залога. Образуются от пересказ. формы буд. и буд. в прош. глагола *съм (бъда)* + прош. пас. причастие спрягаемого глагола: *Казват, че съборът щял да бъде окървено* (Е. Станев).

17. *Нека (да) съм бъдел писан, нека (да) бъдел писан*. Это повелит. накл. пас. залога. Образуются от пересказ. аналитических форм глагола *съм (бъда)* + прош. пас. причастие спрягаемого глагола. Из-за сложной комбинации передаваемых значений употребляются исключительно редко: *Да бъдело всичко написано на чисто!*

18. *Щял съм бил да съм (бъда) писан, щял бил да е (бъде) писан*. Это буд., буд. в прош., буд. предварит., буд. предварит. в прош. умозакл. накл. пас. залога. Образуются с помощью пересказа форм глагола *съм* в непересказывательном пассиве умозакл. наклонения *щял съм да съм (бъда) писан, щял е да е (бъде) писан*. Употребляются очень редко: *Щял бил да бъде обезглавен! Не му вярвайте*⁴.

Такая схема пересказывательных форм может быть принята, если различать четыре упомянутые категориальные формы категории наклонения: прямое (объективное) — изъявительное и косвенные (субъективные) — повелительное, условное и умозаклительное. Существование изъяви-

⁴ Надо заметить, что в последней книге Ив. Куцарова формы, названные в пунктах 7 и 9, не упоминаются. Очевидно, он считал все же возможным исключить их из рассмотрения как очень редкие.

тельного, повелительного и условного наклонений в болгарском языке ни у кого не вызывает сомнения. Умозаключительное же наклонение (конклюдив) усматривают далеко не все. Ив. Куцаров [2, с. 19—21] и Ю. С. Маслов [5, с. 193] определяют это наклонение как выражающее констатацию говорящим действия на основе его умозаключения и предположения, например: *Той е пишел сега нов роман* 'Он (как можно заключить) пишет сейчас новый роман'. Формы умозаключительного наклонения имеют такую же структуру, как и пересказывание, с тем лишь отличием, что они последовательно сохраняют вспомогательный глагол *съм* в 3 л. наст. времени.

Г. Герджиков видит систему грамматических наклонений болгарского глагола иначе [6—8]. Подробно его концепция будет рассмотрена ниже. Здесь укажем лишь, что, по Г. Герджикову, формы типа *четял бил* не являются пересказывательными (это формы так называемого недоверительного модуса), в то время как по Ив. Куцарову, они относятся к пересказывательным формам умозаключительного наклонения.

Вообще относительно состава и грамматического статуса пересказывательных форм высказано очень много различных мнений. Не ставя цели дать сколько-нибудь полный обзор литературы по данному вопросу, отметим лишь некоторые точки зрения на это своеобразное явление болгарской грамматики⁵. История вопроса о пересказывании ведет свое начало от братьев Цанковых, которые впервые указали на наличие особых глагольных форм, получивших позднее название пересказывательных, в выпущенной в 1852 г. на немецком языке грамматике болгарского языка [11]. Пионерскую роль Цанковых в этой области установил Хр. Пырлев [12]. Обособить пересказывательные формы в отдельное наклонение, названное им подчинительным, первым предложил Т. Шишков [13]. Важное место в истории исследования пересказывательных форм занимает А. Теодоров-Балан, также видевший в этих формах одно из наклонений [14—16]. Исключительное значение в изучении пересказывания имеют труды Ю. Трифонова, который научно обоснованно выделил парадигму пересказывательных форм, противопоставленную непересказывательным, в особую морфологическую категорию болгарского языка, не совпадающую с наклонением [17]. Вслед за Ю. Трифоновым отдельную глагольную категорию, конституируемую пересказывательными формами, — способ высказывания (начин на изказване) — в современном болгарском языке утверждал в своей ранней работе Л. Андрейчин [18]. В последующей книге «Основна българска граматика» [19] он систематически рассмотрел все пересказывательные формы, их образование и употребление. Им отмечены и пересказывательные синтетические формы условного наклонения. Заслуга Л. Андрейчина состоит также в том, что он впервые — в 1942 г. — в школьном учебнике ввел в лингвистику термин «пересказывательные формы» и «пересказывание» [20]. Однако позднее Л. Андрейчин принимает идею А. Теодорова-Балана о четвертом — пересказывательном — наклонении, что нашло отражение, в частности, и в написанном им разделе для недавно опубликованной Академической грамматики болгарского языка [21, с. 351—366]. Такую же позицию занимает Ю. С. Маслов [3; 22; 5, с. 192—193, 270—288]. Кроме изъявительного, повелительного, условного, предположительного (умозаключительного) и пересказывательного наклонений Ю. С. Маслов допускает существование еще одного наклонения — конъюнктива, но не настаивает на этом, справедливо замечая, что пересечение конъюнктива с «пересказывательным наклонением» (например, в формах типа *да правел, да сме били пишели*) «ставит конъюнктив в особое положение», ибо категориальные формы одной грамматической категории не могут пересекаться [5, с. 193, 288].

В советской болгаристике фундаментальные исследования болгарских пересказывательных форм принадлежат Е. И. Деминой [1; 23—28]. Центральное место в ее работах занимает обстоятельный анализ употреб-

⁵ Детальный обзор истории изучения пересказывательных форм болгарского глагола см. в [1; 8—10].

ления пересказывательных форм в различных контекстах. На основе этого анализа определяется их категориальное значение — вторичность информации о действии, по которому они противопоставляются непересказывательным формам. Е. И. Демина справедливо замечает несостоятельность определения пересказывательных форм как форм пересказывательного наклонения. Так, она указывает, что повелительное и условное наклонения, с одной стороны, и пересказывательное — с другой, противопоставляются изъявительному по разным основаниям. Кроме того, пересказывательные формы могут иметь как изъявительное, так и повелительное и условное значения. Но вопреки очень многим справедливым заключениям и тонким наблюдениям, в своей первой работе Е. И. Демина еще не делает определенного вывода о том, что пересказывание представляет собой особую грамматическую категорию; она говорит лишь о противопоставлении системы первичных (непересказывательных) наклонений системе вторичных (пересказывательных) наклонений. Однако, в сущности, из анализа, проделанного Е. И. Деминой, следует, что пересказывание — это отдельная грамматическая категория. Члены данной категории противопоставляются по «принципиально новому признаку значения» — это «указание на первичный или вторичный характер оценки говорящим лицом отношения действия к действительности» [1, с. 359].

Труды Е. И. Деминой оказались очень плодотворными, под их влиянием, а также с учетом идей Р. Якобсона [29] и В. Георгиева [30] в последнее время ряд болгарских лингвистов делает попытки прояснить явление пересказывания в болгарском и других языках. Особого внимания заслуживают работы Св. Иванчева [31], И. Пенчева [32], В. Станкова [33—35], Г. Герджикова [6—8; 36; 37], Ив. Кударова [2; 9; 38—40]. Наиболее интересными представляются исследования Г. Герджикова и Ив. Кударова.

Г. Герджиков предложил оригинальную концепцию грамматических категорий болгарского глагола, согласно которой существует четырехчленная модальная категория «модус высказывания о действии» (не тождественная категория наклонения), которая выражает отношение говорящего к высказыванию о действии и к связи между высказыванием о действии и действительностью, в то время как категория наклонения (также модальная категория) выражает отношение говорящего к действию и действию к действительности (категория наклонения может быть названа «модусом действия»). Как уже сказано, категория модус высказывания о действии состоит из четырех членов (категориальных форм): 1) удостоверительный модус (например, в рамках имперфекта *четеше*), 2) умозаключительный модус (*четял е*), 3) пересказывательный модус (*четял*) и 4) недоверительный модус (*четял бил*). Эта категория образуется противопоставлениями по признакам непересказывательность / пересказывательность и несубъективность / субъективность. Соответственно удостоверительная форма *четеше* выражает непересказывательность и несубъективность, пересказывательная форма *четял* — пересказывательность и несубъективность, умозаключительная *четял е* — субъективность и непересказывательность, недоверительная *четял бил* — субъективность и пересказывательность. Категория же наклонения, по Г. Герджикову, состоит из трех категориальных форм: 1) изъявительное, 2) повелительное и 3) условное наклонения. Г. Герджиков также не исключает существования еще одного, четвертого, наклонения — конъюнктива (сослагательного) (ср. [5, с. 193, 288]). Категории модус высказывания о действии и модус действия пересекаются. Так, в удостоверительном модусе возможны все наклонения, в пересказывательном модусе — изъявительное, аналитическое повелительное, простое условное и конъюнктив, в недоверительном — изъявительное и конъюнктив. В вопросе о темпоральных парадигмах членов категории модус высказывания о действии Г. Герджиков первый научно объяснил причину отсутствия некоторых временных форм в пересказывательном и умозаключительном модусах. Он показал, что маркированные члены противопоставлений (например, пересказывательные формы маркированы по отношению к непересказывательным, а субъективные — маркированы по отношению к несубъективным) имеют редуцированную

темпоральную парадигму, так как в них, согласно принципу компенсации, снимается оппозиция по относительности / неотносительности (предшествованию / непередшествованию). Этот существующий в языках принцип требует устранения избыточности семантических противопоставлений — там, где есть признак пересказывательности (пересказывательный и недоверительный модусы), устраняется противопоставление по признаку временной относительности. Так, в удостоверительном (непересказывательном) модусе различаются формы наст. и имперфекта (*пише и пишеше*), а пересказывательные формы не знают такого различия; там двум названным временным формам соответствует лишь одна (*пишел*); перфект и плюсквамперфект имеют одно пересказывательное соответствие — *бил писал, буд. и буд. в прош.* — одно пересказывательное соответствие — *щял да пише* и пр.

Несмотря на очевидную серьезность и оригинальность работ Г. Герджикова, его идея о существовании некоторой особой четырехчленной категории модус высказывания о действии (включающей наряду с удостоверительным и пересказывательным, умозаключительным и недоверительным модусы) и трехчленной категории наклонения (без умозаключительного) представляется менее убедительной, чем та, которой придерживается Ив. Кударов. Ив. Кударов также не считает, что пересказывательные формы относятся к грамматической категории наклонения, т. е. отрицает наличие пересказывательного наклонения, ибо при пересказе речь не идет об отношении действия к действительности, о его реальности или нереальности. Пересказывательные формы могут выражать как реальные, так и нереальные действия, информация о которых не является прямой. Кроме изъявительных форм есть повелительные и условные пересказывательные формы. Это показывает абсурдность трактовки их как форм пересказывательного наклонения — тогда оказалось бы, что в одной и той же морфологической форме пересекаются два разных члена одной и той же категории (пересказывательное и условное наклонения, пересказывательное и повелительное наклонения), что, как уже давно было доказано в лингвистике, невозможно [41].

Суммируя выводы ряда исследователей, Ив. Кударов пишет, что значени сомнения, недоверия или сдержанности в отношении к действию не присущи пересказывательным формам в изъявительном наклонении. Эти значения передаются другими языковыми средствами, они появляются в глагольных формах в определенном контексте и под влиянием интонации. Например, в высказываниях *Нямал пари!* и *Няма пари!*, произнесенных с интонацией сомнения и недоверия, одинаково ощущается значение сомнения и недоверия, несмотря на различие глагольных форм (*нямал* — пересказывательная и *няма* — непересказывательная). Как известно, значение морфологической категории не может зависеть от контекста и интонации. Очевидно, прав Ив. Кударов и в том, что содержащееся в пересказывательных формах косвенных наклонений субъективно-модальное значение сомнения, недоверия по отношению к действию входит в семантику самих наклонений, а не пересказывания. Так, например, умозаключительные пересказывательные формы (которые нередко называют усиленными пересказывательными формами) типа *бил пишел, щял бил да пише* и т. п. действительно выражают субъективное отношение говорящего к реальности называемого действия (нет убеждения в его реальности), но не потому, что это пересказывательные формы, а потому, что это формы косвенного умозаключительного наклонения, для которого названное значение является категориальным.

Обсуждаемую морфологическую категорию болгарского языка Ив. Кударов называет «вид высказывания о действии». Название категории может быть и иным, это вопрос второстепенный. Эта категория выражает отношение говорящего к высказыванию о действии, которое может быть двух видов — пересказывательным и непересказывательным.

Ив. Кударов отличается от других авторов трактовкой категории наклонения. Как уже упоминалось, среди косвенных наклонений, кроме повелительного и условного, он различает умозаключительное — выра-

жающее действие, устанавливаемое говорящим на основании умозаключения и предположения. Формы умозаключительного наклонения очень близки к пересказывательным формам изъявительного наклонения, они отличаются лишь обязательным наличием в их составе вспомогательного глагола *съм* во всех лицах, в том числе и в 3-м: *пишел е*. К формам умозаключительного наклонения Ив. Кударов относит также и формы так называемого усиленного или эмфатического пересказа, утверждая, что бессмысленно говорить о более сильной или менее сильной степени пересказывательности. Так называемые формы усиленного пересказа — это формы, выражающие значение пересказывательности и субъективности, характерной для умозаключительного наклонения. (Вспомним о существовании пересказывательных форм повелительного и условного наклонений.) Ив. Кударов усматривает следующие пересказывательные формы умозаключительного наклонения: *пишел бил* — наст. и имперфект, *писал бил* — аорист, *щял бил да пише* — буд. и буд. в прош., *щял бил да е (бъде) писал (пишел)* — буд. предварит. и буд. предварит. в прош. в активном залоге и *щял бил да е писан* — буд., буд. предварит., буд. в прош., буд. предварит. в прош. в пассивном залоге. Из-за практической невозможности двукратного употребления причастия *бил* в рамках одной и той же формы нет пересказывательных форм, которые соответствовали бы пересказывательным формам умозаключительного наклонения *бил е писал* — перфект и плюсквамперфект акт. залога и *бил е писан* — наст., имперфект, аорист, перфект и плюсквамперфект пассивного залога.

Ив. Кударов занимает особую позицию и в трактовке так называемых адмиратива и дубитатива. Категориальная сущность адмиратива в современном болгарском языке с давних пор и по сей день вызывает споры. Речь идет о глагольных формах, совпадающих с пересказывательными и употребляемых в предложениях типа «*Ах, то валяло!*» для выражения удивления при назывании неожиданного для говорящего действия. Л. Андрейчин не видит здесь особого наклонения, он считает эти формы пересказывательными, но без значения пересказывательности [19, с. 310—311]. Ю. С. Маслов же относит адмиративное значение к одному из значений пересказывательных форм, т. е. говорит о грамматической полисемии в данном случае [3, с. 312—313]. Много внимания адмиративу уделяет Е. И. Демина [1]. Она отграничивает «адмиративные формы» как от умозаключительных, так и от пересказывательных и предлагает рассматривать адмиратив как особую по своему значению и некоторым формальным признакам (имея в виду последовательное отсутствие вспомогательного глагола в ед. и мн. ч. 3-го лица) группу форм, относящихся к изъявительному наклонению. Е. И. Демина подчеркивает, что в случае употребления «адмиративных форм» говорящему безразлично, узнал ли он о действии с чужих слов, из собственного опыта или в результате умозаключения; с помощью адмиратива он передает только свое эмоциональное отношение к неожиданному для него факту. Г. Герджиков [6—8] определяет адмиративное значение как одно из значений непересказывательных субъективных форм.

Ив. Кударов справедливо замечает, что адмиратив не имеет собственных формальных признаков, ибо особенности, указанные Е. И. Деминой, характерны и для пересказывательных форм. Следовательно, формально адмиратив не отличается от пересказывания, но у них нет общей семантики. Ив. Кударов [2] считает, что в случае адмиратива имеет место использование пересказывательных форм в несвойственной этой категории функции. Пересказывательные формы здесь не выражают пересказывательности, они употребляются для выражения особого модального значения — удивления, при этом всегда сочетаются с другим модальным средством — адмиративной интонацией. Чаще всего в адмиративной функции используется глагол *съм*. По подсчетам Ив. Кударова в 88% случаев наличия адмиративного значения обнаруживаются формы этого глагола, например, *Та ти си бил жив!* (Ив. Вазов); *Господи, колко жалък съм бил!* (Е. Станев); *Виж каква била пустата му работа!* (Г. Караславов) и т. д. В адмиративной функции часто употребляются также пересказывательные

формы глагола *имам* (11% в материале Ив. Кударова): *Боже мой, какви нязости имало на света!* (Ив. Вазов); *Ех, че пари имал!* (Г. Караславов). На остальные глаголы приходится всего 1 оставшийся процент.

Много споров вызывает также проблема выражения так называемой дубитативности в болгарском языке. Уже упоминалось, что грамматисты отмечают в значении пересказывательных форм такие оттенки, как сомнения, недоверие, сдержанность — дубитативность — в отношении к называемому действию. Особо часто в этой связи обсуждаются формы усиленного пересказа. Например, Л. Андрейчин пишет, что такие формы обыкновенно употребляются, когда говорящий относится с сильным недоверием, неодобрением или иронией к чужим словам, которые передает [19, с. 267]. Противопоставление дубитативность — недубитативность, передаваемое усиленными и обычными пересказывательными формами, обсуждает Г. Аронсон [42].

Ив. Кударов [2] объясняет присутствие дубитативного нюанса в формах усиленного пересказа тем, что это формы косвенного, субъективного (умозаключительного) наклонения, поэтому в них к значению пересказывательности примешивается значение субъективности, в данном случае — дубитативности. Этот нюанс привносится также особой — дубитативной — интонацией, а также дополнительным использованием особых лексических единиц. Интонация и лексические единицы употребляются с указанным эффектом при любых пересказывательных формах, усиленных и обычных. Ив. Кударов приводит большое количество примеров использования дубитативной интонации при 1) пересказывательных формах изъявительного наклонения (обычных): *Не можел, че не можел!* (Е. Станев) и 2) пересказывательных форм умозаключительного наклонения (усиленных): *Нямало било война!* (И. Йовков) и пр. [2, с. 72—73]. Наиболее типичными лексическими единицами с дубитативным значением, которые Ив. Кударов называет дубитативными модификаторами, являются частицы *уж* и *май*: *Ето на и с него — уж не искал, а детето мъртво* (Г. Караславов) — пересказывательная форма в изъявительном наклонении; *Че уж бил паднал вече, а?* (И. Йовков) — пересказывательная форма в умозаключительном наклонении; *Тя май била нещо болна* (Д. Талев) — пересказывательная форма в умозаключительном наклонении. Частица *уж* может употребляться и при пересказывательной форме, придавая ей значение сомнения, неодобрения, что еще раз подчеркивает, что дубитативность не есть категориальное значение пересказывательных форм: *Той често тъй искаше пари, само да за покаже, че уж няма* (И. Йовков).

Не только дубитативная семантика, но и собственно пересказывательное значение (вторичность информации о действии) в болгарском языке может выражаться с помощью не грамматических, а некоторых лексических и интонационных средств. Как уже говорилось выше, во всех славянских, кроме болгарского, и в большинстве европейских языков значение пересказывательности манифестируется только последним способом. В болгарском же возможны грамматический (морфологический), интонационный, лексический и смешанный (грамматическая форма + интонация и/или лексема) типы реализации категориальной семантики пересказывания. К числу лексических средств относятся: 1) частицы (*кай*, *каже*), которые могут сочетаться с пересказывательными и с непересказывательными формами глагола, например, *Андрей, кай, ще намери пари* (И. Йовков) (*ще намери* — непересказывательная форма); *Обичал, кай, българите* (Ал. Константинов) (*обичал* — пересказывательная форма); 2) формы глаголов *dicendi*, например, *Инак, казват, нямало никакъе колай* (М. Георгиев) (*нямало* — пересказывательная форма); *Всички, дума, са приготвили и те чакат* (Чудомир) (*са приготвили* и *чакат* — непересказывательные формы); 3) некоторые предложные сочетания, например, *Песента, според Дамянча изразавала сърдечната любов на графа към графинята* (Ив. Вазов) (*изразавала* — пересказывательная форма); *Едно беше лошо, според Рахни, ядеше много* (*ядеше* — непересказывательная форма). Неграмматические средства, используемые для выражения зна-

чения пересказываемости в разных языках, подробно описаны в работах Ив. Куцарова [2, с. 55—63; 43—45; 40].

Для проблематики категории пересказывания в современном болгарском языке чрезвычайно важным является вопрос о ее происхождении. Этот вопрос был и остается дискуссионным. Более того, мало вероятно, что он будет окончательно решен в ближайшее время. Первым заговорил о происхождении пересказывания Ю. Трифонов. Он считал, что это чисто болгарское явление. Б. Цонев высказал предположение, что пересказывательные формы появились под влиянием турецкого языка [46]. Разногласия по вопросу о происхождении пересказывательных форм в болгарском языке особенно ярко проявились на научной сессии «История языка в связи с историей народа», организованной Институтом болгарского языка и Софийским университетом в 1952 г. [47]. Л. Андрейчин настаивал на гипотезе о турецком влиянии, ему возражал Г. Гылыбов, утверждавший, что пересказывание возникло в результате развития болгарского языка по его внутренним законам. К. Мирчев был убежденным сторонником турецкого влияния [48]. Того же мнения придерживался В. Георгиев [30]. Специальную работу, имеющую целью доказать турецкое влияние на происхождение болгарских пересказывательных форм, позднее опубликовал Р. Леч [49].

Все перечисленные выше лингвисты оперировали преимущественно гипотезами, во всяком случае, они не привели убедительных доводов, основанных на исследованиях достаточно большого языкового материала. Опыт анализа обширных текстов, именно, влахоболгарских грамот XIV—XVI вв., предпринял К. Попов. Это исследование дало ему возможность сделать вывод, что обсуждаемые формы возникли в болгарском языке еще до турецкого нашествия, но турецкий язык при этом косвенно помогал развитию пересказывательных форм, выступая в роли катализатора [50]. Серьезные работы, посвященные истории становления и развития пересказывательных форм в болгарском языке, принадлежат Е. И. Деминой. Исследуя тексты новоболгарских дамаскинов XVII—XVIII вв., она обнаружила, что оппозиция пересказывательности — непересказывательности в это время ограничивалась сферой прошедшего. Эти основанные на фактическом языковом материале свидетельства существования категории пересказывания в XVII в., хотя и лишь в рамках прошедших времен, позволяют говорить о ее появлении значительно раньше XVII в. Е. И. Демина считает разумным искать происхождение специфической системы модальных категорий современного болгарского глагола (категорий пересказывания, конклюдива и адмиратива) во всей сложной ситуации многовековых языковых контактов на Балканском полуострове [23—28]. Г. Герджиков, давая собственное толкование известным фактам староболгарских памятников, утверждает, что категория пересказывания возникла в XII—XIII вв., и исключает влияние турецкого языка [37]. Таким образом, из этого беглого обзора видно, что существует по крайней мере три основные гипотезы происхождения пересказывательных форм — турецкая, собственно болгарская и балканская, которые имеют своих приверженцев и противников. В самое последнее время в Болгарии начинает преобладать компромиссная точка зрения (ее, в частности, придерживается Ив. Куцаров), согласно которой явление пересказывания развилось в болгарском языке самостоятельно, но тюркское (и турецкое и протоболгарское) влияние сыграло роль катализатора в его развитии.

Интерес к пересказывательным формам и их грамматическому статусу в болгарском языке характерен не только для болгарских и советских лингвистов. Большое количество интересных работ по этим проблемам опубликовано также в других странах [51—58; 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Демина Е. И. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке. — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
2. Куцаров Ив. Препознавателство в българския език. София, 1984.

3. *Маслов Ю. С.* К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения.— В кн.: Сборник в чест на Александър Теодоров-Балан. София, 1956.
4. *Куцаров Ив.* За мястото на т. нар. перфектоподобни форми в морфологичната система на съвременния български език.— Годишник на Софийския ун-т, ф-т по славянски филологии, 1985, т. LXXIV, № 1. София, 1986, с. 7—17.
5. *Маслов Ю. С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
6. *Герджиков Г.* Една специфична глаголна категория в съвременния български книжовен език (категорията «антажираност на говорещия с изказването на действието»).— Годишник на Софийския ун-т, ф-т по славянски филологии, 1976, т. LXIX, № 2. София, 1977.
7. *Герджиков Г.* Тъй парчето преизказване и въпросът за модалните категории, които глаголет може да притежава.— Съпоставително езикознание, 1982, № 4.
8. *Герджиков Г.* Преизказването на глаголното действие в българския език. София, 1984.
9. *Куцаров Ив.* Граматичната категория преизказност/непреизказност в съвременния български език.— Годишник на Софийския ун-т, ф-т по славянски филологии, 1977, т. LXX, № 1. София, 1979.
10. *Roth J.* Die indirekten Erlebnisformen im Bulgarischen. Ein Untersuchung zu ihrem Gebrauch in der Umgangssprache. München, 1979.
11. *Sankoff A. und D.* Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852.
12. *Първев Хр.* Из «предисторията» на проблемата за преизказното наклонение.— Български език, 1958, № 4—5.
13. *Шишков Т.* Начална българска граматика. Търново — Цариград, 1872.
14. *Теодоров-Балан А.* Неуспехът по българския език в пашите училища.— Периодическо списание на Българско книжовно дружество, кн. 21—22. Средец, 1886—1887.
15. *Теодоров-Балан А.* Нова българска граматика. София, 1940.
16. *Теодоров-Балан А.* Четвърто наклонение.— Български език, 1957, № 4.
17. *Трифонов Й.* Синтактични белажки за съединенето на минало действително причастие с глагола съм в новобългарския език.— Периодическо списание на Българско книжовно дружество. София, 1905, кн. 66.
18. *Andrejczin L.* Kategorie znaczeniowe konjugacji bułgarskiej.— Prace Komisji Językowej, PAN. Kraków, 1938.
19. *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София, 1944.
20. *Андрейчин Л.* Българска граматика за VI клас на общообразователните училища. София, 1942.
21. Граматика на съвременния български език. Т. 2. Морфология. София, 1983.
22. *Маслов Ю. С.* Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
23. *Демина Е. И.* Система прошедших времен в новоболгарских текстах XVII—XVIII вв.— Уч. зап. Ин-та славяноведения, 1960, т. XIX.
24. *Дьомина Е.* Към историята на модалните категории на българския глагол.— Български език, 1970, № 5.
25. *Демина Е. И.* К вопросу о генезисе модальных категорий болгарского индикатива.— Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. Предварительные материалы. М., 1973.
26. *Демина Е. И.* Место прошедших времен в системе модальных оппозиций болгарского индикатива.— В кн.: В памет на проф. Стойко Стойков. Езиковедски изследвания. София, 1974.
27. *Демина Е. И.* Опыт диахронического подхода к одному из явлений языковой интерференции на грамматическом уровне.— Linguistische Studien. Reihe A, Arbeitsberichte, 1976, № 29/1.
28. *Demina J.* Theoretische Aspekte des Problems der vergleichenden Sprachuntersuchung.— Linguistische Arbeitsberichte, 1978, № 20.
29. *Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb. Harvard, 1957.
30. *Георгиев В.* Възникване на нови сложни глаголни форми със спомогателен глагол «имам». — Известия на Института за български език, 1957, № 5.
31. *Иванчев Св.* Проблеми на развитието и функционирането на модалните категории в българския език.— В кн.: Приноси в българското и славянското езикознание. София, 1978.
32. *Пенчев Й.* Към въпроса за времната в съвременния български език.— Български език, 1967, № 2.
33. *Станков В.* Категории на индикатива в съвременния български език.— Български език, 1967, № 4.
34. *Станков В.* Българските глаголни времена. София, 1969.
35. *Станков В.* Стилистични особености на българския глагол. София, 1981.
36. *Герджиков Г.* За системно обусловлените значения на граматическите категории.— Славистични изследвания. Т. IV. София, 1978.
37. *Герджиков Г.* Хронология на преизказването на глаголното действие в българския език.— В кн.: Първи международен конгрес по българистика. Доклади. Исторически развой на българския език. Т. I. София, 1983.
38. *Куцаров Ив.* Функционално-семантични полета на категорията преизказност в славянските езици.— В кн.: Славянска филология. Т. 15. София, 1978.
39. *Куцаров Ив.* По въпроса за дефинирането на глаголните морфологични категории в съвременния български език.— Български език, 1983, № 2.
40. *Куцаров Ив.* Очерк по функционално-семантична граматика на българския език. Пловдив, 1985.

41. *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1959, с. 8—9.
42. *Аронсон Г.* Морфонология болгарского словоизменения. М., 1974, с. 87.
43. *Куцаров Ив.* Преизказни модификатори в южните славянски езици.— Съоставително езиковедие, 1978, № 5.
44. *Куцаров Ив.* Преизказни модификатори в източните славянски езици.— Съоставително езиковедие, 1978, № 5.
45. *Куцаров Ив.* Преизказни модификатори в западните славянски езици.— Съоставително езиковедие, 1978, № 6.
46. *Цонев Б.* История на български език. Т. III. София, 1937.
47. Известия на Института за български език. Т. II. София, 1952.
48. *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1958, с. 210—219.
49. *Лев Р.* О специфическом характере грамматической интерференции, связанной с происхождением так называемых пересказывательных форм болгарского языка.— В кн.: Исследования по славянскому языковедению. М., 1971.
50. *Попов К.* Нови данни за произхода на преизказните глаголни форми в българския език.— Език и литература, 1976, № 6.
51. *Stawski Fr.* Gramatyka języka bułgarskiego. Warszawa, 1954.
52. *Aronson H.* The grammatical categories of the indicative in contemporary Bulgarian literary language.— In: To Honor R. Jakobson. The Hague — Paris, 1967.
53. *Aronson H.* On «naturalness» and structure in the contemporary Bulgarian literary language.— International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1982, v. XXV—XXVI.
54. *Валтер Х.* Към проблемата за темпоралната и модалната семантика на така наречените «преизказни форми» в българския книжовен език.— Езиковедската българистика в ГДР. София, 1982.
55. *Валтер Х.* За отношението между адмиративно и ренаративно значение при т. нар. «преизказни форми» в съвременния български език.— Езиковедската българистика в ГДР. София, 1982.
56. *Weigand G.* Der Admirativ im Bulgarischen.— In: Balkan — Archiv. I. Leipzig, 1925.
57. *Debraekeleer R.* Une catégorie verbale complexe et originale du bulgare moderne: Le mode de la «Narration indirecte».— In: Extrait de L'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. T. XVII. Bruxelles, 1966.
58. *Friedman V.* Reportedness in Bulgarian: Category or stylistic variant.— International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1982, v. XXV—XXVI.

О СТАРОСЛАВЯНСКИХ НАРЕЧИЯХ, МОТИВИРОВАННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ

В настоящей статье рассматривается небольшая, но мало исследованная часть лексики старославянских рукописей (далее — СР) — наречия, образованные путем адвербиализации падежных и предложно-падежных форм косвенных падежей существительных. В данном аспекте анализируется язык 11-и глаголических рукописей (евангелия Зографское, Мариинское, Ассеманиево, Охридское, Зографский палимпсест, Боянский палимпсест, Синайская псалтырь, Синайский ехлогий, Синайский служебник, Клоцов сборник, Рыльские листки) и 6-и кириллических (Савина книга, Листки Ундольского, Енинский апостол, Супрасльская рукопись, Хиландарские листки, Зографские листки).

В словарях старославянского языка (далее — СЯ) наречия, образованные от форм косвенных падежей существительных, представлены различно. Иногда такие наречия поданы в самостоятельной словарной статье, например: *вьрхоу* (S—A, S. 154; СЯС I, с. 225), *горѣ* (S — A, S. 30; СЯС I, с. 422), *поустошь* (СЯС III, с. 511, в S—A наречное значение отмечено только у предложно-падежной формы *въ поустошь*). В некоторых случаях помета «наречие» дана в словарной статье на мотивирующее существительное, например, *вечерь* (СЯС I, с. 185), *нѣждеж* (СЯС II, с. 454). Иногда в словарной статье на существительное даются пометы «адвербиальное», «наречное выражение», например: *волежъ* (СЯС I, с. 214), *днь и ношь* (СЯС I, с. 541). Чаще же такие наречия представлены как особые значения определенных форм существительных, например: *зимѣ* (S — A, S. 166; СЯС I, с. 672), *рѣками* (СЯС III, с. 660, в S — A это наречие не отмечено вообще), *ноштинѣ* (S — A, S. 70; СЯС II, с. 441). Такой способ подачи наречий особенно характерен для S—A, однако встречаются и «обратные случаи», например, наречие *крѣгомъ* в S — A представлено как наречие (S — A, S. 48), а в СЯС как особое значение творительного падежа (СЯС II, с. 81).

Как видно даже из приведенных примеров, классификация таких наречий в словарях СЯ является достаточно произвольной, что из-за недостатка специальных исследований по данному вопросу стало уже своего рода традицией. Так, А. Леский считал возможным квалифицировать лексемы типа *днь - съ*, *зимѣ*, *оутрѣ* одновременно и наречиями, и употреблениями аккузатива и локатива во временном значении [1]. Как известно, при адвербиализации падежная или предложно-падежная форма существительного приобретает в определенных синтаксических условиях специфическую наречную семантику. Будучи неизменяемой, такая форма уже не является членом словоизменительной парадигмы соответствующего существительного. При этом в языке возможна омо-

Ефимова Валерия Сергеевна — аспирантка Института славяноведения и балканистики АН СССР.

нимия наречия и падежной или предложно-падежной формы существительного. Ср. употребление соответственно наречия *ноштиж* и существительного *ношти* в твор. ед. в следующих примерах: *бѣ же въ дѣне оуча въ цркве. а ноштиж въдварѣаше сѧ исхода въ горѣ...* (Ἦν δὲ τὰς ἡμέρας ἐν τῷ ἱερῷ διδάσκων, τὰς δὲ νύκτας ἐξερχόμενος ἠλάϊστο εἰς τὸ ὄρος¹... Л 21, 37 Мар, Зогр; *како и оубо прозовѣ. слыныце нъ ноштиж не остьнакѣтъ. сѧ звѣздѣ нъ дънѣ сѧ не покрѣтъ.* (Πῶς οὖν αὐτὸν ὀνομάσω; 'Ἦλιον; Ἄλλ' ὑπὸ νυκτός οὐκ ἐλέγχεται. Ἄστéρα; Ἄλλ' ἡμέρα τοῦτον οὐ χρέπεται.) Супр 509,3.

Способ образования наречий путем адвербиализации падежных и предложно-падежных форм существительных был унаследован СЯ из праславянского языка. Об этом свидетельствует прежде всего ряд обстоятельственных наречий, имеющих форму винительного и местного падежа: *низъ* (Мар 2, Зогр 1, Супр 3, Евх 2)², *низоу* (Мар 1, Зогр 1, Ас 1), *вънъ* (Мар, Зогр, Ас, Сав, Син, Евх, Супр), *вънѣ* (Мар 11, Зогр, Ас, Сав 4, Евх 1, Супр 2, кроме того, употребляется в Супр 13 раз в функции предлога), *долу* (Зогр, Сав 1, Супр 5), *долѣ* (Супр 2), *зади* (Мар 1, Зогр 1, Супр 4), *жтръ* (Супр 9). Например: *аще снѣ еси блжи. врьзи сѧ долу* εἰ νόος εἶ τοῦ θεοῦ, βάλε σαωτὸν κάτω...) Мф 4, 6 Сав, Зогр; *в Ас — низоу; и кюже аште кто видитъ вѣдро злато. имѣшите жтръ каменише чьстьноу...* (Καὶ ὡσπερ ὁπίσταν ἴδῃ τις στάνων χρυσῶν ἐχούσων ἐνδοθεν λίθους τιμίους...) Супр 344, 4. В СР соответствующие существительные не употреблялись, но в праславянском эти наречия, вероятно, образовались путем адвербиализации падежных форм [3]. Формы творительного падежа от несохранившихся существительных представлены в наречиях *бъшиж* (Супр 7, 'совсем, безусловно, вообще' ὅλως, ὅλον, παντελῶς), *бъхъмъ* (Супр 1, 'совсем' πάντῃ), *бъхъма* (Супр 6, Зогр лл 1, 'совсем, безусловно, вообще', πάντῃ, παντελῶς, τὸ σύνολον) (ЭССЯ 3, с. 139, 140). Наречия *въчера* (Мар 1, Зогр 1, Ас 1, Клоц 7, Супр 9, Ен 1, γθές), *дома* (Мар 1, Зогр 1, Ас 1, Сав 1, Супр 2, ἐκ τῷ οἴκῳ, οἴκοθεν) являются по происхождению древними падежными формами (Фасмер 1, с. 366, 527; ЭССЯ 5, с. 66—67).

Предложно-падежные сочетания, употребляющиеся в СР как наречия и соотносительные на уровне СЯ с прилагательными и существительными, соответствуют одному и тому же набору форм: *до* + род., *из* + род., *отъ* + род., *съ* + род., *по* + дат., *въ* + вин., *на* + вин., *въ* + мест., *на* + мест. Ср.: *до зѣла — до коньца, из лиха — изютра, отъпрѣва — отъ горы, съпроста — съ лѣпота, по сжѣдоу — по радю, въинѣ — въ коньць, на мъного — на вечерѣ, въ скорѣ — въ полоуношти, надльсѣ — на полоудьне.* По-видимому, такое соответствие является следствием того, что способ словообразования наречий путем адвербиализации предложно-падежных форм действовал еще в эпоху, когда имя не было расчленено на собственно существительное и прилагательное.

В СР количество наречий, мотивированных предложно-падежными формами существительных, как высокочастотных, так и малоупотребительных, значительно больше, чем количество наречий такого же формального строения, соотносительных с краткими прилагательными. Например, структуре *до* + род. соответствует всего одно наречие, соотносительное с прилагательным — *до зѣла* (Син 2), в то время как в СР употребляется целый ряд наречий, мотивированных формами родительного падежа существительных с предлогом *до*: *до врьха, до врьмене, до вѣка, до коньца, до сьмрѣти, до сыти, до сытости.*

В лингвистической литературе распространено представление, что адвербиализация падежных и предложно-падежных форм существительных, как и другие случаи перехода частей речи, представляют собой результат более или менее длительного употребления, что обуславливает диахронический подход к этому явлению (см., например, [4]). Если такой прием исследования и оправдывает себя при изучении современных

¹ Параллельный греческий текст к цитатам из старославянских евангельских кодексов приводится по изданию [2].

² Цифры при названиях СР обозначают количество употреблений и указаны в тех случаях, когда были произведены подсчеты.

славянских языков, то при анализе фактов СЯ, как нам кажется, не следует ограничиваться только диахроническим подходом к данному явлению. Важнейшей особенностью СР является то, что в них фиксируется не столько сложившийся литературный язык с устоявшейся нормой, сколько процесс становления этого языка и его нормы. Среди наречий, как и других категорий лексики СР, наряду с устоявшимися лексемами, взятыми из народной речи, встречается большое количество продуктов собственного словотворчества древних книжников, т. е. большое количество окказионализмов, создаваемых «по потребности» в процессе перевода греческих оригиналов или в процессе правки переводов. Часто наречия, мотивированные падежными и предложно-падежными формами существительных, создаются буквально «на наших глазах», и значение таких наречий еще очень близко к значению соответствующих падежных и предложно-падежных форм. Например, в Супр наречие *по обычаю* употребляется 9 раз и имеет разные греческие соответствия (например: *кононь же мнѣвъ яко кто сътъ отъ просжитиихъ. или отъ болши по обычаю приходитиихъ. отърѣзе имъ дъври.* (Κόνον νομίσας, ὅτι τινές τῶν προσδοκόμενων ἢ τῶν ἐν ἀσθενείᾳ κατὰ τὸ εἶωθός ἐρχομένων εἰσίν, ἤνοιξεν αὐτοῖς τὴν θύραν) Супр 38, 10). В евангельских же текстах адвербиальное значение ‘обычно, обыкновенно’, по-видимому, еще только складывается у этой предложно-падежной формы: *и шедъ иде по обычаю въ горѣ леонѣскѣ.* (Καὶ ἐξελθὼν ἐλεορέθη κατὰ τὸ ἔθος εἰς τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν) Л 22, 39 Мар. Замечательно, что добавление в Зогр определения *своемоу* (которое отсутствует в греческом оригинале) сразу превращает это наречие в предложно-падежную форму существительного, несколько изменяя смысл всего высказывания.

О том, что в СЯ адвербиализация предложно-падежных форм была живым процессом, говорят случаи употребления в Супр в функции наречия членных форм прилагательного: *испрѣваѣго* (Супр 1), *до дньнѣснѣкаѣго* (Супр 1), *до дньнѣснѣкаѣго* (Супр 2), *до пницъшнѣкаѣго* (Супр 6), *по прогорчскоумоу* (Супр 1), *по пльтьскоумоу* (Супр 1), *по оуаствнѣноумоу* (Супр 1), *въ правѣнѣ* (Супр 1). Например: *излѣзше съвѣтъ възашѣ. отъ кого. Ювѣ яко испрѣваѣго. чловѣкоубоица диквола.* (Παρά τίνος; Δῆλον, ὅτι παρὰ τοῦ ἐξ ἀρχῆς ἀνθρωποκτόνου διαβόλου) Супр 402, 2; *паницѣ великѣ ... сътвори въ монастыри. Юже и стоить до днешнѣкаѣго. Супр 552, 18* (греч. нет). (Ср.: *на нем же мѣстѣ до днешнѣкаѣго дъне цѣлбы многы творатъ сл.* (ἐν ᾧ τόλφ μέχρι τῆς σήμερον ἰάσεις πολλαὶ ἐπιτελοῦνται) Супр 532, 11).

Вследствие отхода от первоначального значения предложно-падежной формы в СЯ возможны полностью синонимичные наречия, образованные путем адвербиализации различных предложно-падежных форм одного и того же существительного: в значении *ἀληθῶς* — *въ истинѣ* (Мар 15, Зогр, Ас, Сав 9, Супр 8, Клоц 2, Ен 1) и *по истинѣ* (Супр 13); в значении *εἰκότως* — *въ лѣпотѣ* (Супр 1) и *съ лѣпоты* (Супр 2); в значении *εἰς τέλος* — *до коньца* (Мар, Зогр, Сав, Супр, Син, Клоц, Евх, Ен) и *въ коньць* (Син) и т. п. Это способствует возникновению синхронных словообразовательных связей уже не между наречием и отдельной предложно-падежной формой, а между наречием и существительным в целом, создавая предпосылки к развитию морфологического способа словообразования по существующим моделям. О возможности образования в СЯ наречий от существительных по модели свидетельствует, как кажется, наречие *дньнѣ* (Супр 2). Ср.: *влѣкъ ноштинѣ присѣдѣаше оу тѣла на съблюбеньѣ кмоу... дньнѣ же орлоу то жеде съконьчавашитоу дѣло.* Супр 537, 30 (греч. нет).

Для получения наиболее полного и целостного представления об адвербиализации падежных и предложно-падежных форм как способе образования наречий в СЯ необходимо, видимо, учитывать не только устоявшиеся, обладающие высокой частотностью лексемы, но и единичные, возможно, окказиональные употребления этих форм с наречным значением, так как именно окказионализмы наиболее наглядно демонстрируют механизм словообразования в языке и возможности системы и, следовательно, направления и тенденции развития данной категории слов.

Формы винительного падежа существительных служат в основном для образования обстоятельственных наречий времени: *вечерь* 'вечером' (Мар 1, Зогр 1, Супр 4, Син 2, Евх, ὄψε, ἑσπέρας, τὸ ἑσπέρας, περὶ τὰς ἑσπερινὰς... ὥρας), *ютро* 'утром' (Мар 5, Зогр 2, Син 9, πρωί, τὸ πρωί, ὄρθρου), *оутро* 'утром' (Мар 1, Зогр 2, Ас 1, Син 1, πρωί) и 'завтра' (Сав 1, Супр 2, αὔριον), *день и ноить* и *ноить и день* 'днем и ночью' (Мар 3, Зогр 3, Ас 2, Сав 2, Син, Евх 1, Супр 5), *день* 'в течение дня' (Супр 2, ἡμέραν), *коньць* 'наконец, после всего' (Супр 2, τέλος). Например: *вечерь и ютро и полоудьне повѣмъ. възвѣшѣ ѣко оуслыша гласъ мой* (ἑσπέρας καὶ πρωὶ καὶ μεσημβρίας διηγήσομαι· ἀπαγγελῶ, καὶ εἰσακούσεται) Пс 54, 18 Син; *аще трѣвѣ сельнѣмъ деньсь сѣишѣ. а оутро въ пещь вълагающѣмъ сѣ ...* (εἰ δὲ τὸν χρόνον τοῦ ἀγροῦ σήμερον ὄντα καὶ αὔριον εἰς κλίβανον βαλλόμενον) Мф 6, 30 Сав, в Мар, Зогр и Ас — *оутрѣ; симъ въсѣмъ сице бывшемъ. въскорѣ и съборъ епискоупьскыи. конецъ прил. на славъ господа нашего ꙗ̑ хса.* (Τούτοις πᾶσι συμπήρου γεγονότος τοῦ βασιλέως ἔσχεν ἡ σύνοδος τέλος εἰς δόξαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ) Супр 202, 29—203.1.

Видимо, только два наречия имеют значение образа действия, оба — гапаксы СР: *правѣдѣ* 'правильно, верно' (Супр 1, ὀρθῶς) и *поустошь* 'напрасно' (Супр 1, μάτην). Например: *саторникъ же много мѣдрѣство въсприимъ. оумисливъ правѣдѣ* *яко мѣжъ тѣ. мльчаливѣ жизнь ꙗ̑сто обыклъ.* (Ὁ οὖν Σατορνίνος, πολλῇ φρονήσει χρησάμενος, ἐλογίσαστο ὀρθῶς ὅτι ἀνὴρ εἰργονικῆ διαγωγῆν ἰσχυρότερος ἐστίν) Супр 204, 14; *да оубо поустошь не троши сѣишиихъ на кръмъ и тѣшмеславья* (Μὴ τοίνυν ἀνάλοκας μάτην τὰ ὄντα εἰς τροφὰς καὶ κενοδοξίας) Супр 373, 28.

Падежные формы местного падежа существительных также служат для образования обстоятельственных наречий. Большинство из них имеет временное значение: *зимѣ* 'зимой' (Мар 2, Зогр 2, Ас 1, χειμῶνος), *оутрѣ* 'завтра' (Мар 2, Зогр 2, Ас 1, Супр 4, αὔριον), *ютрѣ* 'завтра' (Мар 1, αὔριον), *полоудьне* 'в полдень' (Син 1, Евх 2, μεσημβρίας), *полоудьни* 'в полдень' (Син 1, μεσημβρίας), *полоуношти* 'в полночь' (Мар 2, Зогр 3, Ас 2, Сав 2; Син 1, Евх 1, Супр 1, μεσονύκτιον, μεσονυκτίου, μέσης δὲ νυκτός). Например: *молите же сѣ да не бѣде бѣство ваше зимѣ.* (προσεύχεσθε δὲ ἵνα μὴ γένηται χειμῶνος) Мк 13, 18, Мар, Зогр; *полоуношти же въплъ быстѣ.* (μέσης δὲ νυκτός κραυγὴ γέγονεν) Мф 25, 6 Мар, Зогр, Ас, Сав, так же и в Супр 369, 2. Наречие *полоуношти* употреблено в Супр только в этой цитате из евангелия. В остальных случаях употребляется наречие *въ* *полоуношти*, мотивированное предложно-падежной формой (Супр 182, 1, Супр, 187, 2, Супр 252, 24 и Супр 372, 14). *До полоудьни* (Евх 38а 23) и *до полоуношти* (Супр 70, 26) вопреки СЯС, где они представлены как наречия (СЯС III, с. 141 и СЯС III, с. 143), следует, по-видимому, считать сочетаниями существительного с предлогом, так как они имеют значение 'до определенного момента, периода суток' и, следовательно, здесь существительное сохраняет свой депотат. Например: *въставшиє пакы покляхъ до полоуношти* (καὶ ἀναστάντες πάλιν ἑφάλλον μέχρι μεσονυκτίου) Супр 70, 26.

Два наречия, мотивированные формами местного падежа существительных, имеют обстоятельственное значение места: *върхоу* 'вверху, наверху, сверху' (Мар 2, Зогр 1, Ас 2, Сав 1, Супр 1, ἐπάνω) и *горѣ* 'вверх' (Сав 1, Супр 5, ἄνω, ἄνωθεν) и 'наверху' (Супр 3, ἄνω). Например: *и члвци ходѣици върхоу не вѣдатъ* (...καὶ οἱ ἄνθρωποι οἱ περιπατοῦντες ἐπάνω οὐκ οἶδασιν) Л 11, 44 Мар, Зогр; *ѡ̑ же въведе очи свои горѣ и рече.* (ὁ δὲ Ἰησοῦς ἤρεν τοὺς ὀφθαλμοὺς ἄνω καὶ εἶπεν) И 11, 41 Сав, в Зогр *выспрь*, в Мар и Ас — *въ испрь*.

Падежные формы творительного падежа существительных служат в основном для образования наречий со значением образа действия. Как правило, это формы творительного падежа существительных с абстрактным значением: *бѣдомъ* 'насилно' (Супр 1, βία), *властимъ* 'властно' (Мар 1, Зогр 1, Ас 1, Супр 3, κατ' ἐξουσίαν, ἐν ἐξουσίᾳ, ὑπάρχῃ, αὐθεντίᾳ), *волемъ* 'добровольно, охотно, по собственному желанию' (Син 2, Клоц 2, Ен 1, Евх, Супр 14, Рыл 1, γνώμῃ, ἐκουσίως, ἐκόν, τῇ προαιρέσει, γνώμην,

τῷ θελήματι, αἰρέσεως), *льстижъ* 'обманом' (Мар 3, Зоґр 2, Ас 1, Сав 1, Син 1, Супр 1, δόλφ, ἐπὶ δόλφ, ἐν δόλφ), *неволежъ* 'невольно' (Супр 1, Евх 4, ἀπροαιρέτως, ἀβουλήτως, ἀκούσιον), 'по принуждению' (Супр 1, ἄκων) и 'против воли' (Супр 3, ἀκούσιως, ἄκων), *нжждѣжъ* 'насиленно, по принуждению' (Клоц 3, Супр 8, Евх 2, ἀνάγκη, βίωθάνους, βίωθάνης), *радостижъ* 'радостно, с радостью' (Мар 1, Ас 1, Син 3, Супр 1, Евх 3, χαρᾶ, χαράν, ἐν χαρᾶ, ἀγαλλιάσει, ἐν ἀγαλλιάσει), *каростижъ* 'гневно' (Супр 1, τῷ θυμῷ). Например: *и сице епискоупство неволежъ приимъ...* (καὶ οὕτως τὴν ἀρχιερωσύνην ἀκούσιως δεξιόμενος) Супр 280, 16; *волежъ пожьржъ тебѣ.* (ἐκούσιως θύσω σοι...) Пс 53, 8 Син, аналогично в Евх 776 13; *никътоже бо нжждежъ лouchи бываетъ.* (οὐδεὶς γὰρ ἀνάγκη γίνεται ζελτίων) Клоц 5а 36. В Супр в том же месте той же гомилии употреблено наречие того же корня, но другого словообразовательного типа — *ноудъма*: *никтоже ноудъма бываетъ добръ.* Супр 414, 2.

В некоторых случаях для образования наречия служат формы творительного падежа множественного числа: *лжками* 'обманом' (Супр 2), *рѣками* 'рекой' в переносном смысле (Супр 2, ποταμηδόν). Например: *лжками аноупатъ постъла да ведени бждете въ ефесеъ.* (Πέκομφεν ὁ ἀνθρώπος ἵνα εἰς Ἐφεσον ἀπαχθήτε) Супр 137, 5. Наречие *рѣками* мотивировано конкретным существительным, однако небольшой сдвиг значения, основанный на метафоре, обусловил образование этого наречия. Например: *кръвь течааше рѣками и съ плътижъ.* (τὸ δὲ αἷμα ἔρρεε ποταμηδόν σὺν αὐταῖς ταῖς σαρκί) Супр 103, 27 (т. е. 'кровь текла очень сильно').

Наречие *полъма* (Мар 1, Зоґр 1, Ас 1, Сав 1, Супр 1) мотивировано формой творительного падежа двойственного числа существительного *поль*.

Несколько наречий, мотивированных формой творительного падежа существительных, имеют обстоятельственное значение. Два наречия имеют значение времени: *дньмъ* 'за день, в течение дня' (Мар 2, Сав 1, Ас 1, τῆς ἡμέρας) и 'днем' (Син 1 τῆς ἡμέρας), *ноштижъ* 'ночью' (Мар 7, Зоґр, Ас, Сав, Син 8, Клоц 4, Супр 15, Рыл 1, νυκτί, νυκτός, ὑπὸ νύκτα, διὰ νυκτός, ἐν τῇ νυκτί, τὰς νύκτας, πρὸς νυκτός). Например: *слънце области дньмъ.* Ёко въ свѣкъ милость его, *лоунжъ и свѣзды области ноштижъ...* (τὸν ἥλιον εἰς ἐξουσίαν τῆς ἡμέρας, ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ, τὴν σελήνην καὶ τὰ ἄστρα εἰς ἐξουσίαν τῆς νυκτός) Пс 135, 8—9 Син. Наречие *кржгомъ* 'вокруг, кругом' (Супр 4, κύκλφ, περικύκλφ) имеет значение места. Например: *принесенно же бывшемъ дрвожъ. и кржгомъ гладше. пионии затвори очи.* (Προσενεγκάντων δὲ αὐτῶν... τὰ ξύλα κύκλφ περισφρασαντων ὁ μὲν Πιόνιας συνέλεισε τοὺς ὀφθαλμούς) Супр 141, 14.

Имеющие форму творительного падежа наречия *самохотижъ* и *радоштами* представлены в словарях СЯ как существительные (S — А, S. 117, СЯС IV, с. 13; S — А, S. 111, СЯС III, с. 550). Однако как существительные они не функционируют в СР, а встречаются только в адвербиальном значении и только в такой форме. Наречие *самохотижъ* является гапаксом СР, употреблено в Супр 273, 12 в значении 'по своему желанию, по доброй воле' [5, с. 261]. Наречие *радоштами* употребляется в евангельских текстах: *въизгра сѧ младѣништиъ радоштами въ чрѣвѣ моемъ* Л 1, 44, Зоґр, Мар, Ас, Сав, аналогично в Л 1, 41 в Зоґр, Ас и Сан.

Наречия, мотивированные предложно-падежными формами родительного падежа существительных, имеют разнообразные значения. Ряд наречий, мотивированных формами с предлогом *до*, имеет значение высшего предела интенсивности действия: *до врѣха* 'полностью' (Мар 2, Зоґр 2, Ас 2, Охр 1, εἰως ἄνω, греч. глагол τελεσφορεῖν передан в СР сочетанием наречия с глаголом), *до коньца* 'совершенно, полностью' (Мар, Зоґр, Ас, Сав, Син, Клоц, Евх, Супр, Ен, εἰς τέλος, τελείως, εἰς ἄκρον, παντελῶς), *до смърти* 'совсем, совершенно' (Мар 2, Супр 2, Евх, εἰως θανάτου), *до сыти* 'досыта' (Супр 1, εἰς κόρον), *до сытости* 'досыта' (Супр 1, εἰς κόρον) (Ср.: *до сѣла* 'чрезмерно'). Например: *и не до врѣха плода творятъ.* (καὶ οὐ τελεσφοροῦσιν) Л 8, 14 Мар, Зоґр, Ас; в Сав: *а не до коньца плода творятъ.*; *възлюбъ своѧ смъжъ во въсьемъ мирѣ. до коньца възлюби н.* (...εἰς τέλος ἠγάπησεν αὐτοῦς) И 13, 1 Мар, Зоґр,

Сав; *глаголющая имъ истинно прискрѣбна естъ душа моѣ до смърти.* (περίλυπός ἐστιν ἡ ψυχὴ μου ἕως θανάτου) Мф 26, 38, также Мк 14, 34, Евх 47а 4 и Супр 383, 9; *иже отъ пати хлѣбъ пать тыштитъ до сыти накрѣми.* (ὁ ἐκ πάντε ἄρτων πεντάκις χιλίους εἰς κόρον ἐκθρέψας) Супр 344, 19.

Адвербиальное значение имеют формы родительного падежа с предлогом *до* существительных с темпоральной семантикой, употребленные без определения: *до вѣрмене* 'временно' (Мар 1, ἄχρι καιροῦ), *до вѣка* 'вечно' (Мар 1, Зогр 1, Син 2, Супр 1, ἕως αἰῶνος). Например: *и съконьчавъ вѣсѣко искушение диѣволъ. отиде отъ него до вѣрмене.* (...ὁ διάβολος ἀπέστη ἀπ' αὐτοῦ ἄχρι καιροῦ) Л 4, 13 Мар; *...величиче чюдесъ. Аже стии творкаше вѣинѣхъ назнаменуишита до вѣка.* Супр 560, 27 (греч. нет).

Несколько наречий, мотивированных формами родительного падежа с предлогом *съ*, имеют локальное значение: *съ врьхоу* 'сверху' (Мар 1, Зогр 1, ἐκ τῶν ἄνωθεν), *съ зажда* 'сзади' (Супр 1, ἐκ τῶν ὀπίσω), *съ слѣда* 'сзади' (Мар 1, Зогр 1, Сав 1, ὀπισθεν). Например: *пристѣпшии съ слѣда коснѣ са вьскришии ризы его.* (προσελθούσα ὀπισθεν ἤψατο τοῦ κραπέδου τοῦ ἱματίου αὐτοῦ) Л 8, 44 Мар, Зогр, Сав; в Ас — *съ зади*. Наречие *съ горы* (Супр 1, ἄνωθεν) имеет темпоральное значение 'изначально': *съ горы прѣжде прат/а/а тебѣ. сьребролюбьствица съказаникѣ.* (ἄνωθεν προαναπέλλων σου τῆς φιλαργυρίας τὴν ὑπόθεσιν;) Супр 411, 6. Наречие *съ лѣноты* (Супр 5, ἀναγκαίως, καλῶς, εἰκότως, εὐλόγως) имеет значение образа действия 'с основанием, справедливо'. Например: *съ лѣноты може и навѣль глаголаше.* (Καὶ κορὴν ὅσῳ κέσθι сьребролюбьствицѣ. (Εἰκότως ὁ Παῦλος ἔλεγεν...) Супр 412, 2. В Клоц 46 24 в том же месте той же гомилии употреблено наречие другого словообразовательного типа *правы*.

Несколько наречий мотивированы формами родительного падежа существительных с предлогами *отъ* и *из*: *отъ вѣка* 'изначально' (Мар 2, Зогр 2, Ас 1, Син, Супр 12, Евх, ἀπ' αἰῶνος, ἐκ τοῦ αἰῶνος), *отъ горы* 'сверху' (Зогр 1, Ас 1, Супр 1, ἀπὸ ἄνωθεν), *ис корене* (Супр 4, греч. глаголы ἀνασκάπτειν и ἐκρίζουῖν переданы в СР сочетанием наречия с глаголом), *ис полоу* 'наполовину' (Супр 1), *из оутра* 'рано утром' (Мар 1, Зогр, греч. глагол ὀρθρίζειν передан в СР сочетанием наречия с глаголом). Например: *вѣрме ис корене ископати нечьстикѣ.* (Καίρος τοῦ ἐκρίζουσαι τὴν ἀσέβειαν) Супр 357, 8; *и вси людие из оутра прилождаахъ къ нему въ цркъвъ...* (καὶ πᾶς ὁ λαὸς ὀρθρίζεν πρὸς αὐτὸν ἐν τῷ ἱερῷ...) Л 21, 38 Мар, Зогр.

Наречие *искони* (Мар 6, Зогр, Ас, Сав 1, Супр 3, ἐξ ἀρχῆς, ἐν ἀρχῇ, ἀπ' ἀρχῆς), возможно, уже не являлось в СЯ мотивированным, так как в СР вообще не встречается существительное *конь*, предложно-падежная форма которого была когда-то мотивирующей для этого наречия. Однако, в данном СЯС, существительное *конь* в значении 'край' встречается в черковнославянском памятнике XIV в. сербской редакции (СЯС II, 46).

Наречие *за оутра* 'утром' (Зогр, Ас, Сав 3, Евх 3, Супр 14, πρωί, πρωίως, ὀρθροῦ, ἀπὸ πρωί) образовано путем адвербиализации редкого для СР сочетания формы родительного падежа существительного с предлогом *за*.

Довольно большое количество употребляющихся в СР наречий образа действия образуется путем адвербиализации форм дательного падежа существительных (как с абстрактным, так и с конкретным значением) с предлогом *по*: *по воли* 'добровольно' (Супр 2, ἐκόν), *не по воли* 'недобровольно' (Супр 2, ἄκων), *по истинѣ* 'точно' (Супр 1, ἠκριβομένως), *по лѣнотѣ* 'надлежащим образом' (Треб 1, греч. нет), *по ноужди* 'насилъно' (Супр 2, κατὰ ἀνάγκην), *по области* 'властно' (Мар 1, Зогр 1, Супр 1, κατ' ἐξουσίαν), *по обычаю* 'обычно, обыкновенно' (Мар 1, Супр 9, κατὰ τὸ ἔθος, συνήθως, ἐξ ἔθους, κατὰ τὸ εἶωθός, εἰώθει), *по правдѣ* 'справедливо' (Супр 2, δικαίως), *по приключоаю* 'случайно' (Мар 1, Зогр 1, Ас 1, Сав 1, κατὰ συγκυρίαν), *по прилоучаю* 'случайно' (Супр 1, κατὰ συντυχίαν), *по радюу* 'по порядку' (Мар 1, Зогр 1, Ас 1, Супр 5, Евх 1, καθ' ἑξῆς, ἐκ διαδοχῆς),

по силѣ 'насильно' (Мар 1, Зогр 1, греч. глагол ἀγγαρεύειν передан в СГ сочетанием наречия с глаголом) и 'в меру сил' (Супр 1, κατὰ δύναμιν), по оуставоу 'надлежащим образом' (Супр 2, συνήθως), по чиноу 'надлежащим образом' (Супр 1, Зогр пл 1 κατὰ λόγον), не по чиноу 'не надлежащим образом' (Супр 1, ἀτάκτως). Например: *отъ многыхъ съказано. Юкоже мнѣ са мьнитъ. нъ не по истинѣ.* (παρὰ πολλοῖς μὲν ἐρμηγευθεῖσα, ὡς ἔμοιγε δοκεῖ, οὐκ ἠκριβωμένος) Супр 345, 15; *по правдѣ нарече сѧ артемыды. Юкоже бо мнѣ то рабъ ꙗси богыня артемыды.* (Δικαίως ἐκλήθη Ἄρτέμωυ...) Супр 226, 27; *по приключоу же. иерфъ етеръ. съхождааше пѣтъмь тѣмь...* (κατὰ συγκυρίαν [κατὰ τόχα] δὲ ἱερεὺς τις κατέβαινεν ἐν τῷ ὁδοῦ ἐκεῖνη...) Л 10, 31 Зогр, Мар, Ас, Сав; *они же въ мнзѣ печали бьвѣше... по силѣ ꙗго оутѣшиша.* (Οἱ δὲ ἐν πολλῇ ἀθυμίᾳ γενόμενοι... κατὰ δύναμιν αὐτὸν παρεμυθήσαντο) Супр 524, 3; *изволи сѧ и мнѣ... въ истинѣ по радѣ писати тебѣ. славѣны теофиле.* (ἔδοξε κάμοι... ἀκριβῶς καθεξῆς σοι γράφαι, κράτιστε θεόφιλε) Л 1, 3 Мар, Зогр, Ас.

Наречие по истинѣ часто имеет значение 'поистине, действительно' (Супр 29, ἀληθῶς, ὄντως, ὡς ἀληθῶς, κατὰ ἀλήθειαν, τῇ ἀληθείᾳ, ἀληθεύουσα). Например: *по истинѣ бо чловѣчьска съмръть. сънъ оу господи мьнитъ са.* (Ἀληθῶς γὰρ ὁ τῶν ἀνθρώπων θάνατος ὄντος παρὰ τῷ κυρίῳ λελόγισται) Супр 313, 27.

Предложно-падежные формы винительного падежа с предлогами *въ* и *на* служат для образования наречий как с обстоятельственным (в основном темпоральным) значением, так и со значением образа действия. В СР употребляются следующие наречия с темпоральным значением: *въ вѣкъ* 'вечно' (Мар 7, Зогр, Ас, Сав, Син, Супр 1, Евх, εἰς αἰῶνα, εἰς τὸν αἰῶνα, εἰς αἰῶνας, εἰς τοὺς αἰῶνας) и в отрицательных предложениях 'никогда' (Мар 9, Зогр, Ас, Сав, Син, Супр 1, Евх), *въ врѣмѣ* 'во время' (Мар 2, Зогр 2, Ас 1, Сав 1, ἐν καιρῷ), *въ днь* 'днем' (Син 5, ἡμέρας), *на вечеръ* 'вечером' (Син 3, εἰς ἑσπέραν, τὸ ἑσπέρας), *въ началло* 'сначала' (Супр 3, ἐν ἀρχῇ), *въ началъкъ* 'сначала' (Ен 2, κατ' ἀρχάς), *на послѣдъкъ* 'впоследствии' (Евх 1, ἐπ' ἐσχάτων). Например: *въ днь сльньце не ожежетъ тебе. ни лоуна поштитъ.* (ἡμέρας ὁ ἥλιος οὐ συγκαθεῖ σε οὐδὲ ἡ σελήνη τὴν νύκτα) Пс 120, 6 Син; *егдаже постави ꙗго надъ домоу своимъ. да дастъ имъ въ врѣмѣ пиштъ ихъ.* (ὃν κατέστησεν ὁ κύριος ἐπὶ τῆς οἰκειείας αὐτοῦ τοῦ δοῦναι αὐτοῖς τὴν τροφήν ἐν καιρῷ) Мф 24, 45 Мар, Зогр, Ас, Сав; *възвратитъ сѧ на вечеръ и възачитъ ѣко пѣсѣ.* (ἐπιστρέψουσιν εἰς ἑσπέραν καὶ λιμώξουσιν ὡς κύων...) Пс 58, 15 Син; *заклинаѣтѧ б/о/гоу сътворышимъ вѣчьскаа... въплыщышимъ сѧ отъ Мариѣ дѣвицѣ на послѣдокъ...* (...τοῦ ἐπ' ἐσχάτων ἐκ παρθένου ἀγνῆς σαρκωθέντος...) Евх 526 19.

Наречия с темпоральным значением образовывались также от предложно-падежных форм винительного падежа множественного числа. Наречие *въ вѣкы* употребляется в соответствии с теми же греч. выражениями, что и *въ вѣкъ*, оба наречия встречаются в разных евангельских кодексах в одних и тех же чтениях, т. е. полностью синонимичны. Например: *и въцѣсаритъ сѧ въ домоу и ѣволи въ вѣкы.* (καὶ βασιλεύσει ἐπὶ τὸν οἶκον Ἰακώβ εἰς τοὺς αἰῶνας) Л 1, 33 Мар, Зогр, Ас; в Сав — *въ вѣкъ*. В Супр и Ен употребляется преимущественно наречие *въ вѣкы*. Оба случая употребления наречия *въ вѣкъ* в Супр приходятся на цитаты (из И 11, 26 и из книги «Исход» 15, 18). Адвербиализацией предложно-падежной формы множественного числа образовано также наречие на *оутрца* 'на следующее утро, рано утром' (Сав 3, Зогр, Ас, Син 2, Супр 13, ἐπὶ τὴν αὔριον, εἰς τὰς πρωίας, τῇ ἐπαύριον, τῇ ἐξῆς, εἰς τὴν αὔριον, τῇ ἑωθεν, в Зогр и Син пишется на *оутрѣ*). Например: *и прѣбывъ тоу на оутрца сѣдѣ. повелѣи привести ѣтаго мжченика кодрата.* (Καὶ μεῖνας ἐκεῖ, τῇ ἑωθεν καθίσας προσέταξεν ἀχθῆναι τὸν ἀγιώτατον μάρτυρα Κοδράτον) Супр 117, 12.

От форм винительного падежа существительных с предлогами *на* и, особенно, *въ* образуется также довольно большое количество наречий образа действия: *въ коньць* 'полностью, окончательно' (Син, εἰς τέλος), *въ коупѣ* 'вместе' (Мар 1, ἀπό μιᾶς), *въ лице* 'воочью, лицом к лицу' (Супр 1, αὐτοφεί) и 'в лицо, навстречу' (Супр 1, τὰς ὄψεις), *въ лѣпотѣ*

‘уместно’ (Супр 1, εἰκότως), *въ мѣрѣ* ‘в меру, расчетливо’ (Мар 1, Син 1, Супр 1, Евх 1, ἐκ μέτρου, ἐν μέτρῳ, μετὰ ἀκριβείας, σταθμῶ), *въ правдѣ* ‘справедливо’ (Мар 1, Зогр 1, Ас 1, Сав 1, Супр 8, Син, Евх 1, δικαίως, ἐν δικαιοσύνῃ, τὸ δίκαιον, δίκαια), *въ правынѣ* ‘справедливо’ (Син 1, ἐν εὐθύτητι), *въ правостѣ* ‘справедливо’ (Син 1, ἐν εὐθύτητι), *въ поустошѣ* ‘напрасно’ (Супр 2, ματαίως, εἰκῆ), *въ сласть* ‘с удовольствием’ (Мар 2, Зогр, Ас, Супр 2, ἡδέως, ἡδονῆς), *въ чинѣ* ‘в установленном порядке’ (Супр 1, εὐτάκτως), *на nouждѣ* ‘насильно’ (Супр 1, βίᾱ). Например: *и наказанье твое ...исправи мѧ въ конецъ.* (καὶ ἡ παιδεία σου ἀνῳρθῶσέν με εἰς τέλος) Пс 17, 36 Син; *иже естъ поставилъ горы въ мѣрѣ...* (τοὺ στήσαντος τὰ ὄρη σταθμῶ...) Евх 556 23; *оузыриши како въ правдѣ ꙗ̄ оусоуши.* (ὄψει πῶς δικαίως ταύτην ἐξήραυεν.) Супр 348, 1; *праздыньствоуимъ оубо въ сласть и цѣломудръствѣно.* (Ἐορτάσωμεν οὖν ἡδέως τὴ καὶ σωφρόνως) Супр 479, 10. Адвербиальное значение имеет, возможно, *въ радость: сѣвъшеи слъзми въ радость пожынкѣтъ.* (οἱ σπαίροντες ἐν δάκρυσιν ἐν ἀγγαλιάσει θεριοῦσιν) Пс 125, 5, аналогично Супр 364, 17 (Ср. Евх 846 8, где в том же самом контексте употреблено наречие другого словообразовательного типа, мотивированное прилагательным, — *радостно: вси бо сѣвъшеи слъзми, радостно жизнь пожынкѣтъ.*)

Формы винительного падежа существительных с темпоральной семантикой с предлогом *въ*, употребленные без определений, также могут развивать наречную семантику со значением образа действия: *въ врѣмѣ* ‘временно’ (Мар 1, Зогр 1, Ас 1, Супр 1, πρὸς καιρὸν). Например: *и сии корене не имѣтъ, иже въ врѣмѣ вѣрѣ емикѣтъ.* (οἱ τοὶ ρίζαν οὐκ ἔχουσιν, οἱ πρὸς καιρὸν πιστεύουσιν) Л 8, 13 Мар, Зогр, Ас; в Сав — *въ часѣ*.

Наречие *вънезапѣ* (в Зогр также *вънезапнѣ*) ‘внезапно, неожиданно’ (Мар 5, Зогр, Ас, Сав, Син 2, Супр 2, Евх 1, ἐξαίφνης, ἐξάπινα, ἄφνω), возможно, в СЯ уже не являлось мотивированным, так как существительное *незапа* не встречается в СР. Срезн. указывает существительное *незапа* памятниках это существительное встречается только в адвербиальном выражении *изъ незапы* ‘неожиданно, внезапно’ (Ип. л. 6675).

Иногда наречия образа действия мотивируются формами множественного числа: *на лѣхы* ‘рядами’ (Мар 2, Зогр 2, πρασιαί), *на полы* ‘пополам, на две половины’ (Супр 1, греч. глагол διχοτομεῖν передан в СР сочетанием наречия с глаголом). Например: *и възлегѣ на лѣхы на лѣхы, по сѣтоу и по пяти десѣтъ.* (καὶ ἀνέπεσαν πρασιαί πρασιαί κατὰ ἕκατὸν καὶ κατὰ πεντήκοντα) Мк 6, 40 Мар, Зогр; *кеоже господинъ пришедъ на полы прѣсѣчетъ.* (ὃν ὁ δεσπότης ἐλθὼν διχοτομήσει) Супр 107, 29.

Наречие *въ истинѣ* имеет в СР различные значения. Первоначальным значением было, по-видимому, значение образа действия ‘истинно, верно’, мотивированное исходной семантикой существительного *истина* ‘то, что было на самом деле, в действительности’ [5, с. 33—34]. В этом значении оно наиболее употребительно в евангельских текстах (Мар 11, Зогр, Ас, Сав, Супр 3, Евх, Ен 1). Например: *въ истинѣ глѣхъ вамъ...* (ἀληθῶς λέγω ὑμῖν...) Л 12, 44 Мар, Зогр. Это наречие употребляется также в СР со значением образа действия ‘точно, ясно’ (Мар 1, Зогр 1, Ас 1, Клоц 2, Супр 2, ἀκριβῶς, σαφῶς). Например: *и да оубѣси се въ истинѣ.* (Καὶ ἵνα μάθῃς τοῦτο σαφῶς...) Клоц 46 18. Кроме того, это наречие часто употребляется в СР в значении ‘поистине, действительно’ (Мар 13, Зогр, Сав, Ас, Охр 1, Клоц 7, Супр 23, Евх, ἀληθῶς, ὄντως, ἀληθῶς ὄντως, ὄλως, ἐπ’ ἀληθείας). Например: *въ истинѣ ли страдавшии възкръсиши тѣ же ꙗ̄ пришълъ.* (εἰ ἀληθῶς ὁ ἀποθανὼν ἀναστὰς αὐτὸς παρεγένετο) Супр 502, 26. Наконец, наиболее позднее значение наречия *въ истинѣ*, мотивированное наиболее поздним значением существительного *истина* ‘правда, справедливость’ [5, с. 34], ‘справедливо’, встречается в СР всего два раза (Супр 1, Син 1, εἰκότως, ἀληθείᾱ). Например: *познахъ гӣ ꙗ̄ко правѣда повелѣниѣ твоѣ. и въ истинѣ сѣмѣрилъ мѧ еси.* (ἔγνων, κύριε, ὅτι δικαιοσύνη τὰ κρίματά σου, καὶ ἀληθείᾱ ἐταπένωσάς με) Пс 118, 75 Син (Ср. значение существительного: *вѣрныи всѧхъ заповѣди его... твореныи въ истинѣ и правостѣ.* (...πεποιημένοι ἐν ἀληθείᾱ καὶ εὐθύτητι) Пс 110, 8 Син).

Наречие *въ рѣснотѣ* имеет значение 'поистине, действительно' (Син 2, ἀληθῶς, ἀληθείαν). Например: *ѣще въ рѣснотѣ оубо право глѣте* (Εἰ ἀληθῶς ἔρα δικαιούσῃν λαλεῖτε); Пс 57, 2 Син. По-видимому, значение 'поистине' следует предполагать также и у наречия *въ правѣдѣ* (Супр 2, ὄντως): *въ правѣдѣ дивно чюдо таинааго. въ правѣдѣ страшна таина.* (Ὅντως φοβερὸν τὸ μυστήριον) Супр 248, 29 и 30 (248, 29 без греч.). Это позднее значение появляется только в Супр. Как правило, *въ правѣдѣ* употребляется в СР со значением 'справедливо' (см. выше с. 81).

Наречия *об ношть* 'в течение всей ночи' (Мар 1, Зогр 1, греч. причастие διακονησάντων передано в СР сочетанием наречия и глагола) и *окръстъ* 'около, вокруг' (Зогр 3, Ас 2, Син 4, περι-, κύκλω, κυκλόθεν) образованы путем адвербиализации форм винительного падежа существительных с предлогами *об* и *о*. Наречие *окръстъ* употребляется в СР чаще в функции предлога (Зогр 2, Ас 2, Син 11). Только в функции предлога встречается в СР наречие *окръгъ* 'вокруг, около' (Супр 2, κύκλω), также образованное путем адвербиализации формы винительного падежа существительного с предлогом *о*.

Формами местного падежа с предлогами *на* и, чаще, *въ* мотивируются обстоятельственные наречия в основном с темпоральным значением: *въ дъне* 'днем' (Мар 2, Зогр 2, Ас 1, Сав 1, ἐν τῇ ἡμέρᾳ, τὰς ἡμέρας, ἐν ἡμέρᾳ), *въ ношти* 'ночью' (Син 2, Супр 5, ἐν νυκτί, διὰ νυκτός), *въ полоуношти* 'в полночь' (Мар 1, Супр 4, ἐν τῷ μεσονύκτιῳ, μέσης νυκτός, μέσας νύκτας, περὶ τὸ μεσονύκτιον), *въ прѣлѣднни* 'в полдень' (Супр 1, μεσημέριαι), *на полоудъне* 'в полдень' (Евх 1, μεσημέριον). Например: *бѣ же въ дъне оуча въ цркве. а ношти ѡбдварѣаше сѧ исхода въ горѣ...* (Ἦν δὲ τὰς ἡμέρας ἐν τῷ ἱερῷ διδάσκων, τὰς δὲ νύκτας ἐξερχόμενος ἠύλιζετο εἰς τὸ ὄρος...) Л 21, 37 Мар Зогр; *въ ношти же то творааше, начьнъ носити отъ вечера дожи и до зорь...* Супр 550, 9 (греч. нет); *въ полоуношти пришѣдѣшоу кнѣзю. изведенъ бысть пакы блаженны иринеи.* (μέσης νυκτός προκαθίσαντος τοῦ ἡγεμόνος προσήχθη πάλιν ὁ μακάριος Εἰρηναῖος) Супр 252, 24. Наречие *на връхоу* 'наверху' (Сав 1, ἐπάνω) имеет локальное значение: *и се зѣзда... идѣше прѣдъ ними. доньдеже пришѣдѣши ста на връхоу.* (καὶ ἰδοὺ ὁ ἀστὴρ... προήγεν αὐτοὺς ἕως ἐλθῶν ἐστάθη ἐπάνω) Мф 2, 9 Сав. В Ас — *връхоу*.

Формы местного падежа с предлогами *въ* и *на* иногда также служат для образования наречий образа действия: *въ таинѣ* 'тайно' (Мар 7, Зогр 7, Ас 7, Сав 6, ἐν κρυπτῷ, ἐν τῷ κρυπτῷ), *навласти* 'особо, по-своему' (Евх 1, ἰδιάζων), *въ мирѣ* 'спокойно' (Син 1, Супр 1, Евх, ἐν εἰρήνῃ). Например: *никтоже бо въ таинѣ ничесоже творитъ.* (οὐδεὶς γάρ τι ἐν κρυπτῷ ποιεῖ) И 7,4 Мар, Зогр, Ас.

Наречие *въ коупѣ* (Мар 6, Зогр 5, Ас 3, Син 22, Супр 31, Евх 3, ἐπὶ τὸ αὐτό, συν-, ὁμο-, ἅμα, ἡνωμένως) имеет в СР как значение образа действия ('вместе, совместно'), так и временное ('одновременно'). Например: *фарисеи же слышавше ѣко срами садоукѣ, събѣраша сѧ въ коупѣ.* (...συνήχθησαν ἐπὶ τὸ αὐτό [ἐπ' αὐτόν]) Мф 22, 34 Мар; *въ мирѣ въкоупѣ оусънѣ и почи* (ἐν εἰρήνῃ ἐπὶ τὸ αὐτὸ κοιμηθήσομαι καὶ ὕπνωσω) Пс 4, 9 Син, аналогично Евх 73а 23.

Не всегда при переводе наречий греческого оригинала предложно-падежными формами существительных эти предложно-падежные формы получают наречное (имеется в виду частеречное) значение. Большинство сочетаний существительных в родительном падеже с предлогом *без*, переводящих греческие наречия, не развивают частеречного наречного значения, существительное в них сохраняет свой денотат. Особенно много примеров этого явления встречается в Супр. Мы насчитываем более 20 сочетаний существительных в родительном падеже с предлогом *без*, употребляющихся в Супр в соответствии с наречиями на -ως греческого оригинала, которые не развивают наречного значения: *без болѣзни* (ἀπόνως), *без бѣды* (ἐπικινδύνως), *без врѣда* (ἀβλαβῶς), *без зълобы* (ἀκίως, ἀκαλοῦργως), *без лѣности* (ἀκόως), *без лжи* (ἀπειθήργως), *без милости* (ἀνεδοκῶς, ἀνγλωῶς, ἀφειδῶς), *без мѣтежа* (ἡσύχως), *без печали* (ἀπερίμνος), *без пырѣ* (ἀναισθηρήτως), *бе страсти* (ἀπχθῶς), *бе страха* (ἀθεῶς), *бе стюда* (ἀκιδῶς),

бе соуменьнѣника (ἀδελῶς), бе съблазна (ἀπλανῶς, ἀνεμπодίστως), бе съмжштеника (ἀπερισπάστως), бе сътжженика (ἀνολιγφῶς), бе сътости (ἀπλήστως), бес тѣруда (ἀκόπως), без оубожьства (ἀπτωχεύτως), без оудрѣжаника (ἀδιαφῶς). Например, акы отѣригал тихо и без болѣзни издѣхнѣ. (ὡς ἐρουργόμενος ἡσυχῶς καὶ ἀπόνως ἀπέπνευσε) Супр 141, 22; бижитиу же без милости биднѣж. (Οἱ δὲ τύπτοντες ἀνευδύως ἐτυπτον) Супр 47, 8.

Не равнивают также, как правило, адвербиального значения и формы творительного падежа существительных с предлогом *съ*, в ряде случаев соответствующие в СР греческим наречиям. Можно указать следующие существительные в форме творительного падежа с предлогом *съ*, употребляющиеся в Супр в соответствии с греческими наречиями на -ως: *съ радостинѣ* (πολυτελῶς, εὐθῦμῶς, φαιδρῶς), *съ оусрьдицѣ* (προθύμῳ), *съ чьстиѣ* (ἀσμένως), *съ любьвиѣ* (φιλοπόνως). Например: како съ радостинѣ къ страстемъ дрѣзнѣшнѣ. (πῶς εὐθῦμῶς τοῖς ἄθλοις κατετόλμησαν) Супр 55, 15; вѣдатъ извѣстнѣнѣ како идѣтѣ на веселиѣ. и съ оусрьдицѣ на нирѣ приходѣтѣ. (οἶδασιν ἀκριβῶς, ὅτι ἀπέρχονται εἰς εὐφρασίαν, καὶ προθύμῳ ἐπὶ τὸ ἄριστον παραγίγονται) Супр 267, 7. Все эти выражения ограничены узким кругом семантики и имеют значение сопровождающих глагольное действие различных обстоятельств, главным образом выражающих человеческие чувства. В других случаях, по-видимому, формы творительного падежа существительных с предлогом *съ* могли адвербиализовываться, однако такие случаи были довольно редки. Мы можем пока указать лишь один пример приобретения адвербиального значения формой творительного падежа существительного с предлогом *съ*: *съ миромъ*. В СР значение этого выражения было синонимично значению наречия *мирнѣ*, образованного от прилагательного с помощью суффикса -ѣ. О синонимичности этих выражений говорит их употребление в Супр, в житии Исакия (№ 16) в аналогичных контекстах. Ср.: и вѣзвратиши сѣ съ миромъ. (καὶ ἐν εἰρήνῃ ὑποστρέψεις) Супр 192, 10; и вѣзвратиши сѣ мирнѣ. (καὶ ὑποστρέψεις ἐν εἰρήνῃ) Супр 194, 17.

Анализ употребления форм косвенных падежей существительных в языке СР показывает, что адвербиализация ряда падежных и предложно-падежных форм существительных является одним из основных способов образования отыменных наречий в СЯ. Наречия, образованные путем адвербиализации падежных и предложно-падежных форм, следует, видимо, рассматривать как своего рода омонимы соответствующих форм существительных.

Принятые сокращения

- Ac — *Kurz J. Evangeliiŕ Assemanŕv. Praha, 1955.*
 Евх — *Nahtigal R. Euchologium Sinaiticum. D. II. Ljubljana, 1942; Frček J. Euchologium Sinaiticum. T. 1—2. Paris, 1933—1939.*
 Ен — *Мирчев К., Кодов Хр. Едински апостол. София, 1965.*
 Зогр — *Jagić V. Quattuor evangeliorum codex glagoliticum dim Zographensis nunc Petropolitani. Berolini, 1979.*
 Зогр лд — Зографские листки: *Минчева А. Старобългарски кирилски откъслци. София, 1978, с. 39—45.*
 Глоц — *Dostal A. Clozianus. Praha, 1959.*
 Мар — *Ягич И. В. Маринское четвероевангелие. Graz, 1960.*
 Охр — *Ильинский Г. А. Охридские глаголические листки (в сер. «Памятники старославянского языка»). Т. III, вып. 2). Пг., 1915.*
 Рыл — *Гошев И. Рилски глаголически листове. София, 1956.*
 S — A — *Sadnik L. und Aitzemüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.*
 Сав — *Щенкин В. Н. Саввина книга (в сер. «Памятники старославянского языка»). Т. II, вып. 2). СПб., 1903.*
 Син — *Северьянов С. Н. Синайская псалтырь. Пг, 1922; Rahlfs A. Septuaginta. T. 2. Stuttgart, 1952.*
 Срезн — *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1912.*
 Супр — *Займов Й., Капалдо М. Супрасълски или Ретков сборник. Т. 1—2. София, 1982—1983.*
 СЯС — *Slovník jazyka staroslověnského. T. I —. Praha, 1968 —.*
 Треб — *Синайский служебник: Nahtigal R. Euchologium Sinaiticum. D. II. Ljubljana, 1942, S. 339—345.*

- Унд — Листки Ундольского: *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслечи. София, 1978, с. 18—24.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964, —1973.
- Хил — Хиландарские листки: *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслечи. София, 1978, с. 24—39.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1. М., 1974—.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Leskin A.* Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, 1919, S. 160.
2. *Nestle E.* Novum Testamentum graece. Stuttgart, 1950.
3. *Топоров В. Н.* Локатив в славянских языках. М., 1961, с. 293.
4. *Тихомирова Т. С.* К вопросу о переходности частей речи. — ИДВШ. Филологические науки, 1973, № 5, с. 79.
5. *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. София, 1986.

ИВАН ПЕТРОВИЧ ЛИПРАНДИ (1790 — 1880)

В первой книжке журнала Общества истории и древностей российских при Московском университете (далее — ОИДР) «Чтения» за 1868 г. в разделе «Материалы славянские» была напечатана довольно большая, на 139 страниц, работа Ивана Петровича Липранди «Восточный вопрос и Болгария». Статья привлекла внимание известного болгарского революционера и писателя Любена Каравелова, который в 1869 г. в газете «Свобода» (Бухарест) опубликовал отзыв о ней, где среди прочего отмечал ее большую пользу для болгарского народа. Каравелов сообщал также о готовящемся переводе этой статьи на болгарский язык. В 1874 г. выдающийся болгарский революционный деятель Христо Ботев в газете «Независимость» поместил объявление о появлении перевода труда Липранди на болгарский язык и еще раз отметил важное «как политическое, так и этнографическое» значение этой работы для болгар. По различным причинам перевод вышел неполностью: в приложении к газете «Нова България» (Бухарест) в июне — августе 1876 г. напечатана примерно треть сочинения (до 45 страницы с примечанием 61 включительно) по публикации в «Чтениях» [1; 2].

Для отечественной славяноведческой историографии, где, насколько известно, этот сюжет не отражен, в изложенном эпизоде должен быть примечателен сам факт обращения болгарских революционеров-демократов к научно-публицистическому творчеству весьма далекого от революционных идеалов военного историка, генерал-майора в отставке, крупного чиновника Министерства внутренних дел И. П. Липранди, имя которого у советского читателя чаще всего вызывает ассоциация с историей политического сыска в николаевской России и предательством. Литература об этом человеке, хотя и не всегда «солидная», по все-таки достаточно обширная и разнообразная [3]¹; однако и она не позволяет окончательно прояснить вопрос о «загадочности» личности Липранди, что в нашей литературе отмечал еще полвека назад В. В. Вересаев.

К настоящему времени наиболее полный историко-психологический портрет героя этого сообщения сделан Н. Я. Эйдельманом в очерке «Где и что Липранди?», однако на интересующем нас аспекте опубликованного и архивного наследия, т. е. на славяноведческих сюжетах, писатель специально не останавливается. В связи с этим, думается, будет правильным считать М. С. Достяг первым советским историком-славистом, поставившим вопрос «о научной значимости, достоверности и хронологической соотно-

---

Ишутин Вадим Валериевич — ст. редактор Института научной информации по общественным наукам АН СССР.

¹ Я не ставил задачу собрать полную библиографию о Липранди, и потому здесь отражена главным образом литература, в разной степени использованная при работе над статьей. К этому можно добавить, что И. П. Липранди является персонажем ряда исторических художественных произведений, в частности, романа И. Новикова «Пушкин на юге» и повести Л. Кокина «Зову живых. Повесть о Михаиле Петрашевском».

симости» славяноведческих материалов Липранди [4, с. 206]. В дореволюционной историографии на деятельность Липранди как слависта обращал внимание еще В. Богишич в 1872 г. [5], однако это указание никак не заинтересовало специалистов. Небезынтересно будет отметить и тот факт, что статья Липранди, с упоминания о которой началось это сообщение, получила отклик в некоторых «толстых» журналах, в частности в журнале «Дело», где рецензентом выступал знаменитый в будущем народник П. Н. Ткачев [6]. Целесообразно также сказать и о том, что к личности Липранди и его архиву неоднократно обращались и до сих пор обращаются зарубежные, в частности, болгарские [7; 8; 9; 10]² и румынские ученые [12], что, на мой взгляд, является еще одним свидетельством в пользу необходимости научной работы с материалами «славянского архива» этого человека.

Прежде чем вплотную приступить к обзору деятельности Липранди на ниве русского славяноведения, необходимо хотя бы в самых общих чертах ознакомиться с его биографией, сознательно избегая каких-либо акцентов на ее «загадочности», так как это непременно уведет в сторону от скромной задачи данного сообщения.

Итак... Предки Липранди жили в Испании и Италии, он же родился в России в 1790 г. Боевой офицер, участник русско-шведской кампании 1808—1809 гг., Отечественной войны 1812 г., руководил русской военной разведкой в экспедиционном корпусе во Франции (здесь им составлено «пространное историческое и статистическое описание Арденского департамента на французском языке, заслужившее лестный отзыв от французских властей..., пожелавших иметь с онаго копию») [13, ф. 18, Н. П. Барсуков, к. 7, ед. 57, л. 4—4об.], это был первый опыт «научно-исследовательской работы» Липранди. Существуют недоказанные предположения об участии Липранди в Южном обществе декабристов: после 14 декабря 1825 г. был арестован, отсидел в Петропавловской крепости вместе с А. С. Грибоедовым и, также как последний, был выпущен с оправдательным аттестатом и денежной компенсацией; близкий приятель А. С. Пушкина в южной ссылке поэта, автор «мемуаров № 1» об этом периоде его жизни³; как военный разведчик участвует в подготовке русско-турецкой войны 1828—1829 гг.⁴, а затем командует большим партизанским отрядом из коренных жителей Балканского полуострова; после отставки — чиновник по особым поручениям в Министерстве внутренних дел, прославившийся как организатор полицейской слежки и ареста участников кружка М. В. Буташевича-Петрашевского, что позволило А. И. Герцену назвать его «доносящим по особым поручениям»; в том же ведомстве и с тем же полицейским уклоном занимался вопросами русского раскола, религиозных ересей и сектанства; причастен был и к аресту Н. П. Огарева в 1850 г. ...

² В упомянутой выше статье Н. Начова [2] отмечалась «полезность» для болгарской истории нескольких опубликованных работ Липранди. Издаваемая в настоящее время фундаментальная многотомная «История на България» [11] также упоминает И. П. Липранди, но путает его с единокровным братом Павлом Петровичем Липранди (1796—1864), также генералом, участником Крымской кампании, в которой Иван Петрович участия не принимал.

³ В нашем пушкиноведении принято считать, что Липранди был дружен с Пушкиным и даже «восторженно» его любил [14]. Однако переписка Липранди с А. Ф. Вельтманом может свидетельствовать если не об обратном, то, по крайней мере, о совершенно равнодушном отношении его к поэту. Так, в письме 7 сентября 1865 г. Липранди признается: «В последнем выпуске Русск(ого) Арх(ива) (8 и 9) тиснуты мои воспоминания о Пушкине, которого я бы и забыл, если бы не напомнили и не заставили порыться в старом хламе» [13, ф. 47 Вельтман/II, п. 4, ед. 19, л. 12 об.]. Речь идет о тех самых воспоминаниях, которые столь ценятся пушкинистами.

⁴ В связи с имеющимися в литературе о Липранди версиями о том, что он занимался внутриполитическим сыском уже в 1820-е годы и являлся чуть ли не осведомителем по делу декабристов, можно сказать следующее: во 2-й армии на Липранди были возложены функции военного разведчика, о чем, в частности, свидетельствует публикация Г. А. Александрова «К истории первой Турецкой войны при императоре Николае Павловиче: Из некогда секретных донесений полковника И. П. Липранди (23 сентября 1827 г. Скуляны)» [15, с. 470—473], в которой Липранди сообщает о засылке на территорию Османской империи «благонадежного человека, который служил прежде в турецких войсках, а последние семь лет (доставление 1827 г.!) являлся его агентом» [15, с. 474].

При Александре II не у дел, действительный статский советник и генерал-майор в отставке... Пишет, публикует... Умирает в весьма почтенном возрасте (90 лет!) в 1880 г.

В нашей историографии Липранди известен прежде всего как специалист по вопросам Отечественной войны 1812 г. и на этом поприще заслужил весьма лестные и авторитетные характеристики. Так, например, Н. Г. Чернышевский, назвавший Липранди «подлецом» в 1848 г. после ареста петрашевцев, в 1854 г. в «Современнике» положительно оценил его «Замечания» на книгу А. И. Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны 1812 г.», назвав их «полным, проникательным, беспристрастным исследованием», каких еще не было на русском языке [16]. Известно, что Л. Н. Толстой при работе над «Войной и миром» пользовался критическими замечаниями Липранди о войне с Наполеоном, и в знак признательности подарил ему экземпляр романа с дарственной надписью [17]. Небезынтересно и мнение выдающегося советского историка Е. В. Тарле, который, называя Липранди «сухим, деловым», считал его в то же время автором «замечательной критики военной литературы о 1812 г., с анализом которого очень считались всегда специалисты» [18].

По славянским сюжетам И. П. Липранди сделал около полутора десятков публикаций, различных и по характеру и по объему [19—21]. Можно предположить, что статья 1831 г. [19] была у Липранди первой, в которой он затронул чисто славяноведческую тему. В ней рассматриваются свидетельства о существовании на Дунае города Киевца во времена Нестора-летописца. Однако львиная доля его славистических работ появляется в конце 1860-х—1877 годов на страницах «Чтений» ОИДР [22]⁵, когда издательской деятельностью Общества руководил О. М. Бодянский. В 1866 г. Липранди становится действительным членом ОИДР, а «единственным виновником избрания» был А. Ф. Вельтман, о чем свидетельствует письмо Липранди к писателю от 8 ноября 1866 г. [13, ф. 47, Вельтман / II, п. 4, ед. 19, л. 14]. Через него же, вероятно, отставной генерал пополняет «славянский портфель» журнала ОИДР своими материалами. Так, в письме к Вельтману от 16 марта 1865 г. он недоумевает, каким образом на страницы «Чтений» попала его «конфиденциально по высочайшему повелению» составленная статья 1831 г. о Молдавии и Валахии, а затем предлагает следующее: «Так как подобные статьи находят место в книгах Вашего Общества (имеются в виду „Чтения“ — В. И.), то я бы мог Вам сообщить статьи несравненно интереснее, составленные по желанию ныне царствующего государя в 1853—1855 годах и покойного Паскевича, относительно политического и статистического положения: Болгарии, Сербии, Дунайских княжеств, Боснии и пр. каждой отдельно. Здесь Вы найдете много того, в политическом значении, чего не многие знают, ибо сверх того, что это составляло мою специальность с 1820 г., но мне по высочайшему повелению Я. И. Ростовцев сообщал современные сведения, и вообще от меня в то время ничего не скрывалось» [13, ф. 47, Вельтман / II, п. 4, ед. 18, л. 28—28 об.]. Вероятно, именно после этого письма в архиве ОИДР появились следующие материалы Липранди: «„Война с Портою с 1806—1812 гг. (из дипломатического и секретного архивов, хранившихся в м. Тульчине, главной квартире 2-й армии. Выписки, сделанные по распоряжению начальника главного штаба армии, генерал-адъютанта Киселева 1820—1824 гг., полковником Липранди.) (30—40-е годы XIX в.)“». Список белойой. — 324 л. [13, ф. 203, п. 220, ед. 3]; «„Историческое, географическое и военно-топографическое описание Адрианополя“». Список разными почерками (50-е годы XIX в.) — 47 с. [13, ф. 203, п. 222, ед. 5]; «„Историческое описание Сербии, извлеченное кратко из сборника И. П. Липранди, оконченного в 1833 году“». Список белойой. (1854 г.) ч. I—II, 148 л. и 302 л. [13, ф. 203, п. 223, ед. I, 2]; «„Краткий очерк этнографического, политическо-

⁵ «Краткое обозрение» опубликовано без указания автора. Авторство устанавливается на основании письма И. П. Липранди к А. Ф. Вельтману от 16 марта 1865 г. [13, ф. 47, Вельтман/II, п. 4, ед. 18, л. 28—28 об.]. Кроме того, в «Записке о службе» Липранди сообщает о некоторых своих публикациях в «Русском инвалиде» и «Северной пчеле» [13, ф. 18. Барсуков, к. 7, ед. 57, л. 108 об.—111].

го, нравственного и военного состояния христианских областей Турецкой империи»: Сербия—1854 г., 18 л.; Босния—1854 г., 8 л.; Албания—1854 г., 36 л.; Румелия, Фессалия и Македония—1854 г., 4 л. [13, ф. 203, п. 224, ед. 4—7]; „Краткое извлечение из составявшегося исторического, географического и статистического описания болгарского царства в Мизии“. Список Беловой. 1831 г., 123 л. [13, ф. 203, п. 225, ед. 1]. „Несколько слов об элементах, подготовляющих политические перевороты в государствах.— Составлено по приказанию графа Л. А. Перовского с указанием главных предметов“. Беловой список. 1856 г. 77 л.» [13, ф. 203, п. 225, ед. 7].

Это, конечно, далеко не полный перечень работ Липранди. В 1835 г. он сообщал А. Ф. Вельтману о своих занятиях проблемами «европейской Турции»: «Вы знаете, что еще с 1820 г. я начал копаться собиранием различных сведений об Оттоманской империи; до 1824 г. круг мой был ограничен; но потом сношения с различными фанариотами, проживавшими в Бессарабии и Одессе, — множество других этеристских выходцев, мало-помалу расширили первоначальный объем мой — и, наконец, события 1827, 1828, 1829 и 1830 гг. распространили оный вне даже пределов. В сей последний год, проживая в Бухаресте, я соединил все мною собранное, учредил постоянных корреспондентов ... и таким образом в продолжении почти шести лет здесь в Тульчине с помощью богатейших библиотек и получаемым мною по ним сведениям, я соорудил что-то огромное, разнообразное, многосложное, которому хотел дать вид систематический, приближающийся более к целому. Из всего этого я составил род словаря, связывающего все предметы вообще и в частности между собою — словом, массу, обнимающую или включающую в себя совершенно все, что относится до Оттоманской империи, ее областей, нравов, обычаев, суеверий, предрассудков, истории, географии, статистики, физики, богословия и пр. пр.

Бездна эта составила до 6000 предметов (занимающих около 8000 листов), размещенных в алфавитном порядке. Предприятие совершенно превосходило силы мои, но относительно к постоянному шестнадцатилетнему терпению» [13, ф. 47, Вельтман / II, п. 4, ед. 17, л. 5—5 об.].

Что же скрывается в этой «бездне» помогает определить пространная, но совершенно, на мой взгляд, необходимая выписка из «Записки о службе д. с. с. Липранди», составленной в 1860 г. самим Иваном Петровичем и являющейся по существу автобиографией, хотя документ и написан от третьего лица. Липранди перечисляет в ней «некоторые из главнейших предметов», которые он «приводил в порядок» после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Перечень этот, хотя и обширный, но весьма убедительный для характеристики интересующего нас аспекта деятельности И. П. Липранди. Итак...

1. Подробное описание климата Европейской Турции, с четырьмя главными делениями и многими подразделениями и особенными местностями... Толстый том in fol. Бухарест, 1830 г.

2. Народное врачевание в Европейской Турции разных болезней, с наименованием зелий, ими для сего в стране той употребляемых... Толстый том in fol. Бухарест. 1830 г. Примечание: для обеих этих статей, но в особенности для второй, главные материалы собраны были Липранди во время трехмесячного пребывания его в лагере, при Туртукае, где он, имея в отряде албанцев, македонцев и некоторых других, славящихся в стране врачеванием и имея случай лично убеждаться в том, как относительно излечения ран, и самых высших операций, так и излечением болезней...

3. О запасных магазинах в Турции; образцовое учреждение коих — устраняющее голод; образ продовольствия турецких армий и в случае нужды жителей. Бухарест. 1830. Толст. in fol.

4. Военно-топографическое и историческое описание Сербии. Краткое извлечение из сборника его Липранди. Бухарест. 1830. Три тома. in fol.

5. Краткое обозрение происшествий в Молдавии и Валахии, от заключения Бухарестского мира в 1812 г. до Адрианопольского в 1829. Бухарест. Толст. in fol.

6. Краткое извлечение из составлявшегося исторического, географического описания Болгарского царства. Тульчин. 1831.

7. Орывок из исторического описания Бессарабии; нашествие Филиппа и Александра Македонского на Бессарабию. — Из всех источников, с цитатами и критическим разбором. Тульчин. 1831.

8. Некоторые рассуждения о древнем Кеве и Киевце в Болгарии, с цитатами древних; поверкою на месте. Тульчин, 1831.

Примечание: статья эта была напечатана в Северном архиве ⁶.

9. Историческое, географическое, топографическое описание Сербии с политическими, характеристическими, военными и другими замечаниями, расположенное в азбучном порядке. Тульчин. 30 толстых тетрадей in fol.

10. Историческое исследование о болгарях с географическими примечаниями и приложениями. Тульчин. 1832. Толст. 21 тетр.

11. Краткое географическое и историческое исследование о Черногории. Тульчин. 1832. Толс. in fol.

12. Краткое историческое, географическое и статистическое описание Герцеговины. Тульчин. 1832. Толс. in fol.

13. Древняя и новая история Валахии. Тульчин. 1832. Толст. 6-ть тетрад. in fol.

14. Краткое географическое и историческое описание Боснии. Тульчин. 1832 in fol.

15. Краткое географическое и историческое описание Турецкой Кroatии. Тульчин. 1832 in fol.

16. Историческое и военное описание Дуная. Тульчин. 1833.

17. Историческое описание Черного моря. Тульчин. 1833.

18. Краткое обозрение Молдавии и Валахии в политическом отношении от образования этих княжеств до половины 1831. Тульчин. 1833.

19. Нравственное состояние Придунайских княжеств; различие в характере валагских и молдавских бояр. Тульчин. 1833.

20. Изложение предполагаемого порядка и правил для составления полных описаний, преимущественно о Турции. Тульчин. 1833.

21. О партизанской войне вообще, и в особенности в Швеции и Турции. Тульчин. 1833. Толст. 5 тетр. in fol.

22. Действия отряда волонтеров-партизан под начальством полковника Липранди в 1829 году. Тульчин. 1833. 6 тетрад. in fol.

23. Подробное историческое описание Адрианополя; его значение в военном, географическом, статистическом отношениях и пр. Тульчин, 1834. Толст. 3 тетр. in fol.

24. Краткий очерк движения правого фланга армии под начальством А. Киселева в 1829 г. чрез Балкапы на Софию. Тульчин. 1834.

25. Движение главной армии под непосредственным предводительством государя от Дуная к Шумле и сражения 8 и 14 июля 1828 года при сей последней. Тульчин, 1834.

26. Восстание Пандур под предводительством Тодора Владимирески, с множеством подлинных приложений. Тульчин, 1834. Толст. 20 тетрадей.

27. Константин Иоргаки (Георгий). Действия гетеристов в придунайских княжествах в 1821 году, со множеством подлинных приложений. Тульчин, 1834. 26 тетрадей.

И множество подобных описаний, составленных от окончания войны по 1840 год, когда Липранди поступил на службу в Министерство внутренних дел; из коих некоторые были напечатаны в разных журналах, другие, по желанию, представлялись разным высоким лицам. В заключение должно помянуть о громадном труде Липранди, приведенном в порядок только в 1836 г., а именно:

28. Оттоманская империя. Подробнейшее описание сего государства в военном, гражданском, политическом и религиозном отношениях, с историческим исследованием устройства придворного, обычаев, обрядов, суеверий, предрассудков, пословиц с приложением историографического обзора: Румелии, Македонии, Албании, Турецкой Кroatии, Сербии, Бол-

⁶ Статья действительно опубликована (см. [19]).

тарии, земель некрасовцев, запорожцев, добружских татар и Придупайских княжеств, с пояснением разных мест, носящих турецкие, греческие и древние наименования. Расположенное в азбучном порядке, связывающим по предметам все отделы, с шестью оглавлениями, для удобства отыскивать желаемые отделы вполне. Тульчин. 1836. 60 толстых тетрадей in fol. [13, ф. 18, Барсуков, к. 7, ед. 57, л. 83—86]⁷.

В большинстве своем перечисленная «бездна» — вероятно, часть архивного фонда И. П. Липранди в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде (ф. 683) [23], но несколько рукописей, как было видно, осела в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Если учитывать высокую оценку работ Липранди по вопросам военной истории, дававшуюся его современниками позднее, которая была приведена выше (Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, Е. В. Тарле), то можно не без оснований предположить, что и работы Липранди в области славяноведения и балканистики представляют значительный интерес, особенно для истории этой дисциплины. Впрочем, об этом имеются достаточно авторитетные свидетельства тоже. Прежде всего это уже называвшаяся работа В. Богишича. Сюда же можно отнести и мнение Вука Караджича, который, как известно, интересовался «записками» Липранди о «новейшей истории сербского народа» и считал, что «они чрезвычайно будут драгоценным пособием» для его работы над материалами по истории Сербии [24]⁸.

Да и среди отечественных славистов деятельность Липранди в этой области была известна уже в первой половине прошлого века, о чем может убедительно свидетельствовать письмо В. И. Григоровича к Липранди от 28 мая 1847 г. Оно невелико по объему, но весьма содержательно, что дает основания привести его целиком, опустив лишь формальные места.

«Ваше превосходительство, приняв снисходительнейшее участие в моих занятиях, дозволили мне обозначить некоторые предметы, которые, составляя материал к изучению народов румынского и болгарского, могли бы содействовать в сих занятиях. Поощренный Вами, позволю себе доложить, что приму с признательностью:

1. Всякое географическое известие о южной Фракии, об Албании и Доспатских горах.

2. Хотя слабое, но туземное, указание на прежние сношения сербов и особенно болгар с румунами.

3. Известие о церковном состоянии Молдавии и Валахии до половины XV столетия.

4. Наконец, всякий письменный памятник этих трех народов и притом, если он церковного содержания, до конца XV ст., если исторического, то всех веков. Эти памятники, если бы состояли даже в лоскутке, изорванном и испачканном, тем не менее приму с такою же признательностью, с какою принимал беспримерное для меня уделение драгоценнейших Ваших записок и глубоких исследований о крае, о котором и теперь еще осталось многому поучиться из материалов, собранных лет тому семнадцать...

Предметом исследований сделались теперь и песни какого-либо народа. Из них легче можно узнать различие наречий, народные обряды и воспоминания об его славных предках. Может быть, случай доставит хотя отрывки как тех, так и других, и я уверен, что Вам будет угодно удостоить меня их сообщением» [13, ф. 18, Барсуков, к. 5, ед. 45].

По-моему, большой пиитет к «запискам и исследованиям» Липранди

⁷ В приложении С к упомянутой работе В. Богишича [5] помещено «Извлечение из каталога рукописей И. П. Липранди, относящихся к истории русско-турецких войн» (с. 230—328), в котором дано 91 название работ Липранди, во многом повторяющих приведенный архивный перечень, но все-таки и отличающихся от него.

⁸ Здесь опубликовано письмо В. Караджича к И. П. Липранди от 1 октября 1851 г. (с. 201). Из текста письма следует, что Липранди познакомился и встретился с Караджичем в Вене в 1851 г. Вероятно, это произошло во время четырехмесячного отпуска Липранди, который он провел в Карлсбадене [13, ф. 18, Барсуков, к. 7, ед. 57, л. 49].

у 32-летнего профессора Казанского университета ни в коем случае нельзя посчитать за какое-то подобострашие перед «учеными занятиями» крупного сановника. Письмо воспринимается как совершенно реальная оценка специалистом материалов, с которыми ему пришлось ознакомиться. По поводу последнего абзаца письма ученого о народных песнях можно сказать, что Липранди сам занимался сбором фольклора во время пребывания в Болгарии [13, ф. 203 ОИДР, п. 225, ед. 1, л. 9 об.], а в архиве сохранились его записи болгарских колядных песен, вероятно, относящихся как раз к периоду русско-турецкой войны 1828—1829 гг. [13, ф. 47 Вельтман / III, п. 16, ед. 8].

В 1973 г. в печати появилось сообщение о том, что рукописи И. П. Липранди, в частности, его работы о Боснии, Албании, Сербии и Придунайских княжествах, обнаружены в архиве Нижнего Тагила на Урале [25]. Надо сказать, что поиски материалов Липранди, особенно дневника, который велся, судя по свидетельствам самого автора едва ли ни с юношеского возраста, осуществляются главным образом через призму пушкиноведения и «славяно-балканский» акцент присутствует здесь лишь постольку, поскольку биография автора «мемуаров № 1» о Пушкине была связана с балканским регионом. Тем более мне показалась любопытной статья Ю. Курочкина о «нижнетагильском» архиве Липранди. Да и гипотеза о том, каким образом попали эти материалы на Урал, мне представляется достаточно убедительной. Суть ее в следующем. Сын «российского историографа» Н. М. Карамзина полковник А. Н. Карамзин был женат на А. К. Демидовой, совладелице демидовских уральских заводов. Во время Крымской кампании он находился в Дунайской армии, командовал которой генерал П. П. Липранди (1796—1864), единокровный брат Ивана Петровича. Вероятно — предположение Ю. Курочкина — А. Н. Карамзин знакомился с рукописями Липранди о балканском регионе через посредство своего командира, и ознакомление это имело чисто практическое значение, тем более, что за четверть века до Крымской войны И. П. Липранди собирал материал об этих землях в первую очередь именно с той же практической целью. Здесь же можно сказать и о том, что и сам Иван Петрович также собирался принять участие в этой войне, но по различным обстоятельствам не смог этого сделать. После гибели полковника Карамзина в 1854 г. его вдова сделала все возможное для возвращения останков погибшего на Урал. Вместе с ними, вероятно, были привезены и бумаги Липранди, хранившиеся, как можно предположить, среди личных вещей офицера. Все это, повторяю, лишь гипотеза уральского исследователя, но она представляется вполне вероятной и убедительной, особенно с учетом предположения о практическом использовании трудов бывшего военного специалиста «по восточному вопросу», каким был И. П. Липранди в 1820—1830-х годах.

Говоря о славистических занятиях Липранди нельзя не сказать о его личной библиотеке с литературой «об Оттоманской империи», собиранием которой он стал заниматься едва ли ни со времен своего пребывания во Франции. По крайней мере, точно известно, что книжным собранием Липранди пользовался еще А. С. Пушкин во время южной ссылки. Впоследствии стала складываться легенда об уникальности этой библиотеки по полноте представленной литературы о Турции и объему, однако И. С. Достян полагает, что сохранившийся каталог библиотеки позволяет сделать вывод о преувеличении уникальности собрания [4, с. 207]. Правда, «библиотечным вопросом» Липранди вплотную специалисты также не занимались, за исключением Е. К. Бетгера, в 1923 г. подробно описавшего часть книг этой библиотеки, волею судьбы оказавшейся в Ташкенте. Он отмечает «выдающийся интерес, который представляют для библиографа эти по большей части старинные и редкие увражи...» [26]. Такой вывод исследователь делает на основании визуального осмотра лишь 189 томов (39 названий), имевших надписи: de Liprandi, в связи с чем можно предположить, что все-таки полная библиотека Липранди была отнюдь не рядовым явлением в истории отечественной тюркологии и отчасти славяноведения.

В «Записке о службе» Иван Петрович цитирует заметку из «Русского инвалида» от 6 декабря 1853 г. о том, что «собственная библиотека г. Липранди заключает в себе почти все, что было написано о Турции на каком-либо языке с XV столетия до 1853 г., и таким образом составляет самое полное собрание книг о Турецкой империи, каким когда-либо владел частный человек в Европе» («Русский инвалид» ссылается на берлинское издание *Zeitschrift für Allgemeine Erdkunde*). Эта информация нуждается в подтверждении, как и следующее сообщение хозяина собрания: «Все известные европейские книгопродавцы имели каталоги этой библиотеки, и едва открывали какое-либо сочинение, не означенное в каталоге, тотчас сообщали Липранди, и он немедленно приобретал оное». К этому можно добавить, что Липранди считал свое собрание — «исключая восточных рукописей» — полное знаменитого собрания тюрколога Йозефа фон Гаммера-Пургшталя, автора десятичной «Истории Османской империи» [13, ф. 18, Барсуков, к. 7, ед. 57, л. 87—89 об.].

Конечно, определять ценность какого-либо книжного собрания заочно — дело весьма и весьма сложное, требующее и специальной подготовки и самостоятельной работы, однако познакомить читателя с основными «параметрами» собрания считаю небесполезным. Каталог поделен на восемь больших отраслевых разделов (религия, история, путешествия, войны и т. д.), каждый из которых делится еще на несколько глав. Библиографическое описание достаточно полное и в целом соответствует библиографическим правилам середины XIX в.: название работы, автор (подчеркнут), место и год издания, формат, объем в томах (количество страниц не указывается). Некоторые позиции снабжены пометами «rare», «très rare», «extremement rare». По моим подсчетам в каталоге отмечено 2261 название (3747 томов). Хронология изданий — от инкунабул до книг 1855 г. Подавляющее большинство литературы, естественно, на западноевропейских языках; русские издания (в том числе и переводы) представлены 249 названиями. Согласно сообщению на обложке «Каталога», коллекция книг Липранди «по высочайшему повелению приобретена в библиотеку Генерального штаба в 1856 г. [13, ф. 203 ОИДР, к. 223, ед. 4. Каталог библиотеки И. П. Липранди. Полное собрание книг на всех языках относительно до Турции; с самого пачала книгопечатания до 1853 г.]».

В работе У. Г. Иваска «Частные библиотеки в России», включающей информацию о собрании Липранди, отмечается, что кроме книг по восточному вопросу в библиотеке были издания по расколу и его истории. Как сообщает библиограф, около трех тысяч книг о Турции из собрания Липранди поступило в библиотеку Генерального штаба, а остальные в императорскую Публичную библиотеку и Московский публичный и Румянцевский музей [27].

Подвести итог всему сказанному нетрудно, так как выводы, как говорится, лежат на поверхности, и главный из них в том, что работа И. П. Липранди в области славяноведения и балканистики достойна широкого и разнообразного изучения, причем в первую очередь следует исследовать архивное наследие, особенно ту его часть, которая относится к первой трети XIX в., поскольку именно по этому периоду отечественной славистики если не слабая, то, по крайней мере, недостаточная источниковая база. Даже сейчас, при столь беглом и далеко не полном обзоре материалов, достаточно отчетливо вычлняется военно-политическое, или, можно сказать, практическое значение изучения зарубежного славянства, а на этом аспекте, насколько известно, советское славяноведение особого внимания не концентрировало. Деятельность Липранди в области балканистики и славяноведения была, на мой взгляд, именно примером практического славяноведения.

1. *Унджиев И., Унджиева Ц.* Христо Ботев — живот и дело. София, 1975, с. 640—642.
2. *Пачов Н.* Преведените от Хр. Ботев книги (Принос към българската библиография). — Училищен преглед, XXVIII, 1929, кн. 10, с. 1399—1414.
3. *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, вып. IV. СПб., 1888, с. 16—17; *Еленицкий А.* Липранди Иван Петрович. — В кн.: Русский биографический словарь. Т. 10. СПб., 1914, с. 450—453; *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей и ученых. Т. III, с. 480—481; *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. I, кн. 2. Киев, 1891, с. 1213; *Ливанов Ф. В.* Действительный статский советник Липранди и скопцы. — В кн.: *Ливанов Ф. В.* Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. Т. II. СПб., 1870, с. 660—671; *Арсеньев И.* Иван Петрович Липранди (Из памятной книжки). — Колосья, СПб., 1885, № 5, с. 199—202; *Гроссман Л. П.* Исторический фон «Выстрела»: к истории политических обществ и тайной полиции 20-х годов. — Новый мир, 1929, кн. 5, с. 203—223; *Штрайх С.* Знакомец Пушкина — И. П. Липранди. — Красная новь, 1935, № 2, с. 212—218; *Цыоловский М.* Из воспоминаний И. П. Липранди о Пушкине. — Летопись Гос. литературного музея. Кн. I. Пушкин. М., 1936, с. 548—558; *Вересаев В. В.* Спутники Пушкина. Т. I. М., 1937, с. 273—276; *Садиков П. А. И. П.* Липранди в Бессарабии 1820-х годов. — Пушкин А. С. Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.—Л., 1941, с. 266—295; *Двойченко-Маркова Е. М.* Пушкин и народное творчество Молдавии и Валахии. — В кн.: Из истории литературных связей XIX века. М., 1962, с. 65—88; *Двойченко-Маркова Е. М.* Пушкин и румынская народная песня о Тулоре Владимиреску. — В кн.: Пушкин, Исследования и материалы. Т. III. М.—Л., 1960, с. 402—417; *Богач Г. Ф.* Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1967; *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, с. 212—220; *Эйдельман Н. Я.* Где и что Липранди? — В кн.: Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке. Сб. 9. М., 1972, с. 125—158; *Курочкин Ю.* Дело Липранди. — Урал, Свердловск, 1973, № 6, с. 141—151; *Эйдельман Н. Я.* Но там, где ранее весна...: Пушкин и южные декабристы (По новым материалам). — Литературная газета, 1973, 30 V, с. 6; *Ануэтин О.* Из библиотеки Липранди. — Литературная Россия. М., 1979, 13 IV, с. 24; *Трубецкой Б. А. И. П.* Липранди — кто же он? — В кн.: *Трубецкой Б. А.* Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1983, с. 87—95; *Тихомирова С.* Книга о войне 1812 года из библиотеки Липранди. — Альманах библиофила. Вып. XVII. М., 1985, с. 231—238; *Возный А. Ф.* Допосыдчий по особым поручениям — Липранди. — В кн.: *Возный А. Ф.* Петрашевский и царская полиция. Киев, 1985, с. 114—138.
4. *Достан И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.
5. *Богшищ В.* Выписки из пензенского сочинения И. П. Липранди «Сербия». Т. I, л. 33 в.—38 в.—В кн.: *Богшищ В.* Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872.
6. Дело, 1868, № 8, раздел «Современное обозрение», с. 63—70.
7. *Куюмджиев Б. М.* Участие на българите в руско-турската война от 1828 година. — Известия на Военноисторическото дружество. София, 1967, № 4, с. 96—112.
8. *Боев Р.* Българският доброволчески корпус в руската армия от 1829 г.— Военноисторически сборник. София, 1978, № 4, с. 84—90.
9. *Дойнов С.* Руско-турските войни през XVIII—XIX в. и формирането на българската нация. — Военноисторически сборник. София, 1983, № 2, с. 98—123.
10. *Германов Г.* Сведенията на Иван Петрович Липранди за България и българите. — В кн.: *Германов Г.* Окървачено навечерие: България и българите в руската литература. 2-е изд. София, 1983, с. 43—47.
11. История на България. Т. 5. Българско възраждане XVIII — средната на XIX в. София, 1985, с. 192, 201.
12. *Dokumente privind istoria României: Răscoala din 1821.* București, 1962, v. V, f. 165—263, 363—408, 457—477.
13. ГБЛ, отдел рукописей.
14. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 223—224.
15. Русский архив, 1877, № 8, с. 470—473.
16. *Чернышевский П. Г.* Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, с. 490.
17. *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980, с. 81.
18. *Тарле Е. В.* Сочинения. Т. VII. М., 1959, с. 494, 538.
19. *Липранди И. П.* Рассуждение о древних городах Кеве и Кшевце. — Сын отечества и Северный архив. Т. XXI. СПб., 1831, с. 226—241.
20. *Липранди И. П.* //Критические замечания на статьи «Военно-исторического лексикона» // — Маяк, СПб., 1841, ч. 21, с. 218—234.
21. *Липранди И. П.* Сербский вопрос. — Северная пчела, 1859, № 54, 56; *Липранди И. П.* Битва и занятые позиции при Шумле 8-го июля 1828 года. — Русский инвалид, 1860, № 84—85.
22. Краткое обозрение княжеств Молдавии и Валахии в политическом отношении от образования оных в княжества до половины 1831 года. — Чтения ОИДР, кн. 4, разд. V, 1861, с. 125—156; *Липранди И. П.* Восточный вопрос и Болгария. — Чтения ОИДР, кн. 1, разд. III, 1868, с. 1—139; *Липранди И. П.* Политическая почва Западного края в настоящее время. — Чтения ОИДР, кн. 4, разд. V, 1868,

- с. 152—167; *Липранди И. П.* О природных границах и стремлении немцев на Восток.— Чтения ОИДР, кн. 1, разд. I, 1870, с. 197—234; *Липранди И. П.* Общие сведения об Европейской Турции.— Чтения ОИДР, кн. 4, разд. III, 1876, с. 15—44; *Липранди И. П.* Придунайские княжества.— Чтения ОИДР, кн. 4, разд. III, 1876, с. 1—61; *Липранди И. П.* Народное врачевание славян в Европейской Турции.— Чтения ОИДР, кн. 2, разд. III, 1877, с. 1—47; *Липранди И. П.* Климат Европейской Турции.— Чтения ОИДР, кн. 2, разд. I, 1877, с. 1—32; *Липранди И. П.* Взгляд на настоящий театр военных действий на Дунае и на содействие, которое мы можем встретить в Болгарии.— Чтения ОИДР, кн. 3, разд. III, 1877, с. 1—80.
23. Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде. Путеводитель. Л., 1956, с. 390.
  24. *Виноградов С. А., Наумов Е. П., Чекалова Г. П.* Из переписки Вука Караджича с русскими учеными.— В кн.: Славянское источниковедение. М., 1965.
  25. *Курочкин Ю.* Дело Липранди.— Урал, 1973, № 6, с. 144—151.
  26. *Бетгер Е. К.* Коллекция книг из собрания И. П. Липранди в Туркестанской государственной библиотеке.— Сборник Туркестанского Восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923, с. 23.
  27. *Иваск У. Г.* Частные библиотеки в России. Опыт библиографического словаря. М., 1912, с. 75.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЭПИЗОД «ЗАПИСОК» Я. Х. ПАСЕКА ПО СТАТЕЙНОМУ СПИСКУ В. М. ТЯПКИНА

Знаменитые «Записки» Яна Хризостома Пасека (ок. 1636—1701), шляхтича-рубачи, авантюриста и скандалиста, блестящего рассказчика и стилиста, в Польше издавались десятки раз и переведены на несколько иностранных языков. Русского перевода, к сожалению, до сих пор нет, и Пасек более известен нам по восторженным отзывам Адама Мицкевича, который посвятил ему одну из парижских лекций по славянским литературам в 1841 г. Охарактеризовав литературный стиль Пасека («подлинно классический»), Мицкевич сделал меткое наблюдение: «Пасек, если можно так сказать, предугадал жанр исторического романа» [1, с. 307]. Затем Мицкевич просто страницами цитировал «Записки» и уже по просьбе слушателей посвятил чтению «Записок» следующую лекцию [1, с. 298—318].

В 1842 г. в «Москвитянине» появился обширный очерк С. Победоносцева о двух изданиях «Записок». Кратко изложив биографию Пасека, «этого замечательного беллетриста того времени», Победоносцев писал: «Записки Пасека оживлены духом простосердечия, веселости и какой-то остроты, какого-то врожденного юмора. Помираешь со смеху, читая некоторые строки, особенно описания иностранных земель и тамошних обычаев, на которые он смотрел глазами ревностного католика и польского шляхтича того времени. ... Слог его чист, иногда кудряв и читается везде гладко» [2, с. 619]. Рецензент отвел несколько страниц цитатам из «Записок» в своем не очень удачном переводе и выразил надежду на появление русского перевода Пасека.

Но он так и не появился, не было и значительных работ о «Записках», хотя Пасек и присутствует в обобщающих исследованиях как мемуарист [3], либо как символ сарматской культуры в целом [4]; встречается имя Пасека и в более специальных работах: так, Н. И. Костомаров включил в монографию «Мазепа и мазепинцы» (СПб., 1885) эпизоды из юности гетмана, почерпнутые у Пасека. И все же хотя С. Победоносцев и писал не без оснований о «Записках», что «мы, русские, найдем в них много любопытного для нас самих» [2, с. 618], пока они доступны только специалистам. Правда, для широкого читателя это отчасти «знакомый незнакомец»: Пасек оказал большое влияние на развитие польского исторического романа. Сенкевич зачитывался его «Записками», и многие страницы знаменитой исторической трилогии пропитаны образами и фразеологией Пасека.

Эпизод, о котором пойдет речь, в отечественной литературе уже упоминался, и в любопытном контексте. А. А. Потебня, размышляя о характере мифического мышления и об отсутствии в нем критики, приводил в пример публику, которая «еще и в наше время смешивает актера на сцене с изображаемым им злодеем» [5, с. 410]. В качестве иллюстрации он процитировал интересующее нас место из «Записок» за 1664 г.: «В Варшаве

на открытой сцене устроено было французами представление по поводу победы над австрийцами. Войско разбито, австрийский император в оковах вручает королю французскому корону. Известно было, что австрийского императора представлял знатный француз, очень удачно выбранный для этой роли. Один из конных поляков стал кричать французам: „Убейте его, такого сына, раз уж захватили его. Не оставляете в живых, потому что, если отпустите его, будет мстить, затевать опять войну и кровопролитье и не даст людям покою. Раз его убьете, король французский получит его корону, а там, даст бог, и нашим королем станет. Наконец, если вы его не убьете, то я его убью». — Схватил лук, наложил стрелу и как влечет пса в бок, так железко вышло в другом боку, убил. Другие поляки — за луки и как начали перешивать эту кучу, много французов было пронизано» [5, с. 411, примеч.; 6].

Этот фрагмент «Записок», получивший название «театрального эпизода», неоднократно привлекал внимание исследователей¹, прежде всего историков театра, из которых никто не сомневался в истинности сообщений Пасеком истории. Т. Витчак, задавшись вопросом установить, по какому поводу было дано представление, убедительно доказал, что Пасека, который составлял «Записки» на склоне лет, подвела память. Описанный им скандал действительно имел место, но не в 1664 г., а в 1674 г. [7]. Это подтверждается не только обнаруженным автором свидетельством современника, но и сообщениями во франкфуртских периодических изданиях 1675 и 1682 гг. Разыскания Т. Витчака в дипломатической переписке тех лет результатов не принесли, но его предположение, что в статейном списке русского резидента в Варшаве В. М. Тяпкина могут быть какие-то сведения, подтвердилось.

В. М. Тяпкин провел в Варшаве несколько лет [8], исправно посылая в Посольский приказ дипломатические депеши, в которых нашлось место и для новостей из современной польской культурной и литературной жизни [9]. 9 сентября 1674 г. Тяпкина в Варшаве не было и очевидцем театрального зрелища, устроенного французскими послами в честь победы в сражении 11 августа Людовика Конде над Вильгельмом Оранским, он не был. Между тем в его статейном списке описание ярко выраженного антигабсбургского триумфа очень детально и поразительно совпадает в подробностях со свидетельством современника, обнаруженным Витчаком. Поскольку анонимное польское описание театрального зрелища в Варшаве написано человеком, близким ко двору короля Яна Собеского, который в то время находился в имении Яворово, то можно полагать, что Тяпкину удалось ознакомиться (т. е. скопировать) со сходным описанием в придворном кругу. Ошибка в переводе выражения «рог изобилия» убеждает в том, что у Тяпкина был текст, незначительно отличающийся от найденного Витчаком, ср.: «Herkuless w jednej ręce cornu copiae, w drugiej pałkę mająsą» [7, с. 554] — «Геркулес стоящий во единой руке держит рог копие, а в другой палицу» [10, кн. 161, л. 193 об.].

Приводим описание театрального зрелища по статейному списку Тяпкина (все даты по старому стилю):

«Того ж месяца (августа. — С. Н.) в 23 день с почты гданские ведомо учинилось, что были битвы у генералов цесарского величества римского и галанских и гишпанских полков с французскими войски, со князем Кандеушем и з генералы, на котором бою великое падение трупов на обе стороны учинилось и где многих генералов и знатных высокородных, и славных людей побито, и кандеушева сына в дву местех ранили, однако ж победа и одаление над французы и устойка битвенная удержалась в войсках цесарского величества.

Тогда послы французские, будущие в Варшаве, бискуп марсильский да брат королевина величества полские нынешние², слыша о той битве

¹ Отметил его и Мицкевич: «Наш автор, кажется, и сам был среди тех, кто страдал в актера, но не потому, что он разделял, подобно другим, театральную иллюзию, — для него это было средством выражения своего протеста против французских влияний» [1, с. 310].

² Марсельский епископ Форбен Жансон и маркиз де Бстюн.

и покрывая свой упадок в войсках, дивной некакой поступок³ по совету с королевою и с прочими своими единомысленниками не полских панов (которые до французской факции склонны), выхваляюще будто своих войск победу на взгоржение и посмех цесарскому величеству и их войскам, которой их поступок им самим обратился в великой посмех и зазор таковым образом.

Августа в 30 день в Варшаве на Краковской улице у каплицы московской⁴ против двора королевского величества учинили себе рундук выскокой четверугольной. Рундук окрыли и обили цветными коврами и сукнами. На верху 4 слонца отмалевав, поставили бумажные с написом латинским таким: „А ни многим неровный“.

На восток слонца посреде рундука слонце лучи испущающе на жабы, выходящие из воды, с написом таким: „Преидоша чрез огонь и охлаждени суть“. На конце того рундука Геркулес стоящий во единой руке держит рог копия, а в другой палицу с таким написом: „Приятным приятный, неприятным страшный“. По обе стороны рундука двух вязнев⁵ от войска немецкого и галанского, из бумаги выраженных и отмалеванных.

На запад слонца посреде рундука Юпитер пушает громы за орлом из облака с написом таким: „Кто ж бы нас без отмищения задирает“. На конце того рундука битва войск, над французским войском — слонце, над тым падающим — звезда, между ими трупы побитых лежат с написом таким: „Звезда звезде изобилует“. И паки двух вязнев малеванных.

Посреде рундука кур стоящий на трупе⁶, якобы пел, крылами трепеща, пред ним лев, якобы спал, а орел, якобы погромленный, вывратился с написом таким: „Будит и страшит“. На конце ж рундука от полудни Победа во ипостаси девической на пушке прибрана в зброю, во единой руке ветвь масличная, а в другой пламень имуще с написом таким: „Дам просящему“, и паки дву вязней положено.

К полунощи посреде рундука Геркулес бьет хитра, сиречь змия треглавного, которому Геркулес три главы збил, едину лвову да две орлих с таким написом: „Доколе победителя не узнают“. На конце ж рундука к полунощи особа кавалерска збройна, на коне седяща, стояще на гармате, держаще хоругвь в руке в венце лязровым зеленым. На хорухви лилия, а на шишаке слонце с написом таким: „Поле и добыч победителява“. На конце самом королю французскому похвала: «Людовикови наиснейшему, счастливому победителю немцов, гишпанов и галанцов лета господня 1674, 11 августа по новому“.

Егда же скоро наченше ликование свое чинити, тогда внезапно учинилось на небеси велие блистание огненное и воста буря велие, и вихорь подняв, великое зграмождение песку и камелья и пыли, и тот рундук со всем ухищренными помянутыми знамении засыпало и бумажного Эркулеса на штуки разорвало, и самих французов песком и камельем осыпало. Посполство же всенародное, в Варшаве будечее, видяще такое знамение, в тот час вначале хлопцы и студенты, х которым пристали всяких чинов множество, и ударили на французов камельем, обухами, и саблями, и стрельбою, от которой битвы насилу и послы французские на двор ушли. А французов многих камельем перебили и трех человек до смерти забили. И так их все величие их сокрушили, и особы бумажные и гербы передрали, и рундук розломали, и ежели бы не ночь наступила вскоре, одва бы и во дворе могли французы спастися; и на великую силу народы успокоились, видяще французские посмехи над цесарским величеством.

И о вышеписанных разговорах и о иных ведомостях царского величества резидент писал в государственной Посолской приказ под именем околничего Артемона Сергеевича Матвеева августа в 21-м да в 31-м числех 182 году» [10, кн. 161, л. 191—199].

³ Далее, вероятно, пропущено слово, например, «учинили».

⁴ Явная описка, должно быть «францисканской».

⁵ Т. е. пленных.

⁶ В польском описании «na trąbie», т. е. на трубе.

Среди «отписок» Тяпкина за 1674 г. сохранилось и упомянутое письмо. В нем изложена только суть дела и нет подробного описания «театрума» (так в письме назван «рундук»), но зато есть дополнительные детали отпосительной реакции зрителей. 11 сентября 1674 г., через два дня после представления, он писал; что «еще и по сей час в посольстве великое смущение и ненависть на французов», а на сеймике поносили королеву «за то, что она изволила послом такие непристойные триумфы и ликованья чинить» и «его цесарским величеством такое надругательство и посмехи строить» [10, кн. 164, л. 130 об.].

Антифранцузские настроения шляхты, не жаловавшей королеву Марию Казимиру и ее профранцузскую политику, были по душе Тяпкину, потому-то он с видимым удовольствием описывал события в Варшаве. В сообщенных им в Посольский приказ материалах есть еще один отзвук театрального представления 9 сентября 1674 г.

В 1677 г. в Посольском приказе был переведен присланный Тяпкиным в октябре 1676 г. большой цикл (около 900 строк) стихотворений, «каковы писаны на бесчестье королю полскому, и королеве, и послу французскому, и бискупом и сенаторем» [10, кн. 177, л. 486; 11]. Польский оригинал стихотворений обнаружить не удалось, вероятно, он не сохранился, поэтому русский перевод особенно любопытен для историков польской литературы. В обращенном к папе римскому стихотворении «Благодарение за денежную казну» неизвестный автор, в частности, писал:

Кому король з женою твою казну дает,
посол твой ведает.
Та богобоязненна пани — побожником
Па комедии, такъже плясалником,
А что за пляски, пусть твой посол скажет,
в Кракове укажет,
Какая комедиа бывала в Варшаве,
В каково там цесаря дала поруганье,
В небытии короля смех строя скаредный,
но бог праведный
Снишел в то время з громом, с молниєю,
Обличал то канцлер, студенты со всею силою;
Для того достоин ада твой посол,
естьли не отписал
[10, кн. 177, л. 501—501 об.].

Собранные Тяпкиным материалы подтверждают и отчасти детализируют воссозданный Т. Витчаком исторический фон одного из самых красочных эпизодов «Записок» Пасека. Но будет справедливо, как кажется, и обратное заключение. «Записки» проясняют нам ту культурную атмосферу, в которой несколько лет жил В. М. Тяпкин. Конечно, русский резидент воспринимал события «театральной» и «литературной» жизни прежде всего через призму своих дипломатических забот. Но ломая голову над «вертоглавными концептами» польских публицистов⁷ и эмблематикой театральных триумфальных зрелищ, Тяпкин невольно втягивался в сферу польской барочной культуры и становился деятельным ее интерпретатором (ср. [13]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мицкевич А. Собрание сочинений. М., 1954. Т. 4.
2. Победоносцев С. Записки Пасека. — Москвитянин, 1842. ч. 1, № 2.
3. Липатов А. В. Формирование польского романа и европейская литература: Средневековье. Возрождение. Барокко. М., 1977, с. 221—226.
4. Тананаева Л. И. Сарматский портрет: Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979, с. 19—21.

⁷ Так сам Тяпкин охарактеризовал их темный и запутанный стиль [12].

5. *Потебня А. А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
6. *Pasek J.* Pamiętniki. (Wstępem i objaśnieniami opatrzył W. Czaplński.) Wrocław, 1979, s. 354—355.
7. *Witczak T.* Epizod teatralny «Pamiętnikow» Jana Chryzostoma Paska.— Pamiętnik Teatralny, 1969, zeszyt 4, s. 546—561.
8. *Попов А.* Русское посольство в Польше в 1673—1677 гг. СПб., 1854.
9. *Николаев С. И.* «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе.— В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 251—258.
10. ЦГАДА, ф. 79.
11. *Николаев С. И.* Поэзия и дипломатия: Из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-е годы.— В сб.: ТОДРЛ. Т. 42 (в печати).
12. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времён. Кн. 6. М., 1961, с. 518.
13. *Николаев С. И.* «Посмеятельные слова» В. Коховского в русском стихотворном переводе 1677 г.— Русская литература, 1980, № 1, с. 121—126.

ПОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ В ТАТАРИИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ПОЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Весной 1987 г. партийные и советские организации Татарской республики установили прямой контакт с партийными и государственными организациями Ломжинского воеводства Польской Народной Республики. В связи с этим важным политическим событием в Казани, наряду с отделением чехословацко-советской и индийско-советской дружбы, было открыто отделение польско-советской дружбы. В Казань неоднократно приезжали партийные и государственные руководители воеводства, журналисты, лекторы и производственники. В свою очередь в Ломжинском воеводстве побывала партийно-государственная делегация Татарии (во главе с первым секретарем Татарского обкома КПСС Г. И. Усмановым), где имела беседы с секретарем Ломжинского воеводского комитета ПОРП М. Чернявским и другими руководителями, посетила заводы, фабрики, сельскохозяйственные предприятия. Группа казанских журналистов посетила Ломжу и опубликовала свои впечатления в печати. Все это способствовало пробуждению интереса к прошлому польского населения республики (бывшей Казанской губернии), к публикациям на эти темы.

Задача настоящего сообщения — представить культурную жизнь польского населения по материалам польского журнала «Przyszłość» («Пшышлость»), который выходил в Казани весной 1918 г. при активном участии бывших профессоров Варшавского, Краковского, Львовского университетов и гимназий (они оказались в Казани в качестве беженцев). Этот журнал учитывается исследователем движения польских интернационалистов в нашей стране А. Я. Манусевичем [1].

Мы познакомились с содержанием «Пшышлости» в фондах библиотеки Ленинградского отделения АН СССР, где сохранились два номера за март и апрель 1918 г. Журнал (небольшого формата, объемом в 16 страниц) называл себя общественно-политическим, литературным, демократическим и беспартийным, однако по существу был органом буржуазных кругов временного польского населения, точнее, либеральной буржуазии. Редактором его был Л. Ференцович, секретарем редакции — К. Вязовский. На его страницах печатались проф. Х. Мианковский (из Кракова), д-р М. Хубер (из Львова), А. Ванчура (бывший инспектор школ Галиции, из Львова), д-р медицины В. Орловский (Казань) и др. Редакция помещалась на улице Воскресенской (ныне ул. Ленина) в доме Матвиевского.

В первом номере журнала были напечатаны две большие статьи Х. Мианковского о проблеме беженцев и политико-экономическом поло-

Субаев Нияз Абдуллович — канд. ист. наук, доцент кафедры истории КПСС Казанского мединститута.

жепии Галиции, заметка проф. З. Паздро «Уния и федерация» и некролог А. Ванчуры об историке Т. Корзон с указанием опубликованных трудов, стихотворение Я. Лесьмяна «Посев» и другие материалы. Особый интерес представляет статья, написанная, по нашему мнению, казанцем К. Станишевским (подписана инициалами К. С.) «Вопрос о сохранении, спасении польских памятников старины в Казани». Автор указывал, что в годы войны были вывезены в разные города России предметы, памятники польской культуры. Некоторые культурные ценности находились в руках коренного польского населения Казани (картины, гобелены, разнообразные коллекции и т. д.).

Известно, что еще в ноябре 1917 г. за подписью В. И. Ленина был обнародован декрет об опеке над памятниками польской культуры на территории Советской России, а в январе 1918 г. Совнарком решил все памятники польской культуры, вывезенные в период наступления немецких войск в Россию, признать собственностью польского народа и при благоприятных условиях вернуть в Польшу. Эти шаги Советского правительства способствовали в столице и на местах самостоятельной работе по поиску и сохранению предметов культуры.

К. Станишевский писал, что такая работа в Казани началась еще летом 1917 г. Интерес к ней особенно усилился после выступления ксёндза Зискара перед польским населением города. 31 июля 1917 г. в Казани проводится собрание по спасению памятников культуры. По предложению организаторов созданное общество стало функционировать на правах казанской секции общества помощи жертвам войны. Казанские поляки связались с московской организацией опеки. На организационном собрании был обсужден устав секции и выбрано правление в составе Я. Корзеневского, З. Паздро, М. Саросек, К. Станишевского и А. Ванчуры. С 1 августа по 1 января 1918 г. правление заседало 22 раза. 20 августа, например, было заслушано сообщение А. Ванчуры о его работе по инвентаризации рукописей, касающихся польской истории, в библиотеках Казанского университета и духовной академии. В октябре и декабре члены секции познакомились с некоторыми работами известного польского художника Я. Матейко, принадлежавшими Брузинскому, заслушали сообщения К. Станишевского о памятниках польской культуры в России вообще и в Казани в частности, А. Ванчуры — о развитии культурных связей между Польшей и Россией в средние века, проф. В. Харламповича о влиянии польской школы на русскую в XVI—XVII вв. Очень живо дискутировался вопрос о судьбе костельных колоколов, привезенных в Казань и сложенных на территории арткадлов в Адмиралтейской слободе. К марту 1918 г., согласно отчету, казанская секция насчитывала 55 членов (49 казанцев и 6 беженцев).

В этом номере журнала привлекает внимание также отчет литературоведа Арасимовича о заседании общества любителей русской словесности при Казанском университете, посвященном памяти А. С. Пушкина. Были заслушаны доклады проф. Н. Пиотровского о влиянии Пушкина на польскую литературу, проф. Шестаковича об истории Польши и др. В конце номера приведены два письма в редакцию: от студентов-поляков Казани, несогласных с оценкой их деятельности губернской газетой «Знамя революции», и от председателя казанской секции польского рабочего союза, созданного 10 декабря 1917 г., с просьбой признать секцию единственной организацией польских рабочих в Казани.

Во втором номере журнала опубликован интересный отчет о борьбе между блоком казанских социалистов (СДКПиЛ, ППС-левица) и буржуазных представителей в период выборов в Совет беженцев. Этот материал как раз и опровергал принцип «беспартийности» журнала, так как симпатии редколлегии были на стороне буржуазного блока. Дело в том, что блок СДКПиЛ и ППС из 707 голосов получил 326 и послал в Совет беженцев 11 человек (8 рабочих и 3 служащих), а буржуазный блок 374 голоса и дал в Совет 14 человек [1, с. 157].

Симпатизируя буржуазному блоку, редколлегия иронично указывала, что Совет оказался на положении воза. Действительно, разнопартий-

ному Совету работать было нелегко, но его левое крыло при помощи и поддержке казанских большевиков, исполкома Совета и казанского отделения польского комиссариата со временем завоевало на свою сторону Совет беженцев.

В конце второго номера был помещен отчет о работе общества техников и инженеров, располагавшегося в Казани в доме Афанасьева на Рыбно-рядской улице. На заседаниях общества с докладами выступал проф. М. Хубер, работавший в области применения железобетонных конструкций в строительстве, а также инженеры Скубальский и Важневский. Журнал поместил материал о возникновении и деятельности интерната Виленской технической школы в Казани (школа переехала в город в 1915 г.) с указанием фамилий выпускников.

Таким образом, журнал «Пышность» — интересный источник для изучения культуры польского населения в Татарии — позволяет в определенной мере говорить о вкладе польского населения в культурное строительство Среднего Поволжья, в частности, в культуру Татарской республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манусевич А. Из истории деятельности Польского комиссариата (зима — весна 1918 г.). — В кн.: Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965.

ПЕРВАЯ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКАЯ ВСТРЕЧА ПОЛИТОЛОГОВ

Примером углубления польско-советского научного сотрудничества в последние годы является первый семинар политологов Польши и СССР, проведенный в Познани в рамках Польско-советской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук ПАН и АН СССР 11—16 апреля 1988 г. Организаторы встречи — Центр исследований мира и международного сотрудничества и Институт политических наук познаньского Университета им. А. Мицкевича. Тема семинара: «Реформы политической системы Польши и СССР». Было обсуждено 11 докладов; восемь из них представлены советскими участниками и три — польскими.

В. Чехарина, секретарь Советско-польской комиссии по вопросам сотрудничества в области общественных наук АН СССР и ПАН, выступила по теме: «Институт общественного мнения в политической системе социализма». Автор обратила внимание на увеличивающийся объем исследований общественного мнения в СССР как проявление гласности, демократизации политического механизма управления страной. Чаще всего эти мнения неоднородны, их разнообразие — налицо, и знакомиться с ними необходимо для принятия зрелых решений.

О возросшем внимании к этой области в СССР свидетельствует и создание специального Центра по изучению общественного мнения под руководством академика Т. Заславской.

С. Дейцев, секретарь Советской ассоциации политических наук, в докладе «Неформальные молодежные организации в период перестройки и демократизации социалистического общества» акцентировал внимание на явлениях, которые возникли в период перестройки в СССР и сейчас исследуются учеными.

Проблема молодежи, ее политического воспитания и ее отношения к разным явлениям общественной жизни — общая забота наших стран. Сообща и в отдельности мы должны внимательно изучать происходящие перемены, их причины, направления и потребности в новых организационных формах движения молодежи. Речь идет ведь о том, чтобы молодежь сплачивалась в организации, которые ей близки, интересны, а не навязаны; чтобы с чувством ответственности, хозяйского отношения к делу она строила будущее своей страны. Проблема молодежи считается в Польше одной из ключевых и наиболее трудных. Тут нельзя копировать старые образцы деятельности, не учитывая существующих перемен в мире и социалистических странах. Поэтому дискуссии вокруг молодежи, с ее участием чрезвычайно ценны и должны быть тщательно сообщами исследованы. Много у нас есть общего, наряду с различиями, обусловленными

Чеслав Мойсевич — профессор познаньского Университета им. А. Мицкевича, д-р политических наук, Председатель Комитета политических наук ПАН, Председатель Комиссии политологов по сотрудничеству в области общественных наук ПАН и АН СССР.

своеобразием общественно-политических и экономических условий в наших странах.

Тема выступления Ю. Шульженко, научного сотрудника Института государства и права АН СССР — «Конституционный контроль в политической системе социализма». Это новая и по-особому актуальная проблема. В Польше несколько лет она дискутируется и решается в рамках обновления. В этом году исполняется два года со времени создания Конституционного трибунала. Его появление было вызвано необходимостью воспрепятствовать — в духе конституционных норм — неправовому использованию закона. Существует необходимость исследования юридических положений, их конституционной правомерности. Ряд государственных институтов порой принимали непродуктивные решения без должного учета их соответствия Конституции. Существование Трибунала позволяет лучше охранять права граждан и соблюдать законность как один из важных элементов социалистической демократии. Если к этому добавить деятельность Высшего административного суда, созданного в Польше в 1980 г., то можно сказать, что законность гарантируется все лучше.

П. Романов, секретарь Советско-польской комиссии по вопросам сотрудничества молодежных организаций, посвятил свое выступление проблемам молодежи и молодежного движения в процессе демократизации, подчеркнув необходимость коренного улучшения сотрудничества наших молодежных организаций, расширения связей учащейся, рабочей, студенческой молодежи.

В. Макаренко, доцент филологического факультета Ростовского-на-Дону университета, выступил с докладом «Бюрократия и социализм — научные и политические проблемы». Проблема бюрократии в наших странах сложна и трудна. Различные формы и разновидности бюрократии становятся помехой и преградой на дороге перестройки и социалистического обновления. Мы не уделяли достаточного внимания этому явлению, несмотря на пронизательные предостережения В. И. Ленина об опасности бюрократии для судеб социализма. Сегодня этой проблемой необходимо заниматься со всей научной и политической основательностью.

Э. Ожиганов, заведующий отделом Института истории партии при ЦК КП Латвии, осветил тему «Демократизация производственных отношений на предприятии». Докладчик особо подчеркнул роль трудовых коллективов, их влияние на ход экономической и политической жизни, на развитие социалистического самоуправления, ограничение административного аппарата. Советская Латвия имеет интересный опыт в этом вопросе. Поднятая тема вызвала оживленную дискуссию, ибо и для Польши она актуальна. Важно при этом, отмечалось в дискуссии, развитие общественного, политического самосознания трудящихся, ибо само по себе обладание правами недостаточно, о чем свидетельствует и польский опыт, когда трудящиеся не всегда умеют пользоваться предоставленными им производственно-экономическими правами. Перед партией стоит задача формировать правовую культуру граждан, помогать им правильно пользоваться своими правами, защищать эти права от бюрократического своеволия.

В. Евдокимов, доцент кафедры государства и права свердловского Института права, в докладе «Некоторые черты развития советской политической системы» сосредоточил внимание на процессе преобразования советской политической системы и перспективах назревших перемен по демократизации, освобождению социализма от чуждого ему налета.

Выступление А. Федосеева, профессора Ленинградского университета, было посвящено роли политических наук в развитии политической системы социализма. Докладчик сделал акцент на преодолении догматизма в общественном ведении, долгое время сковывавшего теоретическую мысль, совершенствование политических отношений в обществе.

Проф. д-р фил. наук Б. Голембёвский, научный сотрудник Института политических наук Варшавского университета, выступил на тему: «Молодежь в политической системе». Он осветил роль польских молодежных организаций в польской политической системе, а также изменения в этой

сфере, в частности, деятельность правительственного Института исследований молодежи. Необходимо помнить также, подчеркнул автор, что молодежные организации не охватывают всей молодежи, большинство ее неорганизовано.

Доцент д-р юр. наук Я. Ромул, директор Института политических наук Познаньского Университета им. А. Мицкевича, один из организаторов семинара, представил доклад: «Общественные организации в польской политической системе». Он дал классификацию этих организаций, показал своеобразие их деятельности на фоне задач, решаемых государством. К примеру, Федерация потребителей призвана защищать потребительские интересы покупателей перед узковедомственными интересами торговли и промышленности. Организованная общественность может успешно противостоять бюрократии, всесилению государства, и рост количества, расширение прав общественных организаций — одно из важных направлений демократизации социалистической системы.

Тема выступления доцента, д-ра полит. наук С. Квитковского, директора правительственного Центра исследований общественного мнения, — «Роль общественного мнения». Докладчик привел интересные данные об отношении польского общества к различным внутренним и международным проблемам. Деятельность Центра направлена на то, чтобы руководство страны располагало широким диапазоном мнений и взглядов и могло принимать наиболее оптимальные решения. Назрела необходимость в обмене опытом и выводами исследований общественного мнения в социалистических странах. Было бы интересно проведение также сравнительных исследований по отдельным проблемам во всех, либо группе социалистических стран.

Участники семинара сошлись на том, что существуют все условия для развития науки о политике в наших странах как самостоятельной дисциплины. Мы с удовлетворением узнали, что в рамках Института государства и права АН СССР создана специальная научная группа под руководством проф. М. И. Пискотина, занимающаяся наукой о политике. В Польше эта наука накопила значительный опыт, который может оказаться интересным для советских друзей, тем более, что Польское общество политических наук и Комитет политических наук ПАН поддерживают очень тесные связи с Советской ассоциацией политических наук. Советские коллеги могут ознакомиться с нашими научными изданиями, такими как «Studia Nauk Politycznych», «Edukacja Polityczna», «Polish Political Science Yearbook», не говоря уже о политологических изданиях польских высших учебных заведений. Отмечалось, что распространение этих журналов и другой политологической литературы неудовлетворительно, их мало знают, равно как и взаимные встречи политологов обеих стран могли бы стать более систематическими, разносторонними и, следовательно, более результативными.

Участников семинара пришло руководство секретариата Познаньского воеводского комитета ПОРП, а также воеводского комитета Патриотического движения национального возрождения.

Польско-советский семинар политологов был весьма полезен, содействовал взаимному знакомству, обмену информацией, взглядами на многие вопросы. Встреча была первой, но, по общему мнению, она положила начало постоянным рабочим связям ученых обеих стран в области политических наук; тем самым сделан реальный вклад в осуществление Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры от 21 апреля 1987 г.

РАНЧИН А. М.

СИМПОЗИУМ «ЭТНОЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА. СЕМИОТИКА МАЛЫХ ФОРМ ФОЛЬКЛОРА»

9—11 февраля 1988 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялся симпозиум, организованный сектором структурной типологии (см. [1]).

Одна из черт симпозиумов, проводимых этим сектором — отбор материалов по не формальному признаку: содержание многих докладов не сводимо к теме, заявленной организаторами. Плодотворным представляется в современной науке (гуманитарной в том числе) утверждение, что сфера развития культуры, возникновения нового локализуется на границах культурных областей и научных дисциплин. Материалы данного симпозиума как будто отобраны в соответствии с этим положением.

Выступления можно условно разделить на две группы: исследования непосредственно фольклорных текстов или произведений искусства в связи с фольклорной традицией. Открывавший конференцию доклад Вяч. Вс. Иванова «О некоторых принципах современной науки и их приложении к семиотике малых текстов» был посвящен функционированию и структуре малых текстов, вопросу о выборе адекватных методов для их исследования. Произведения малой формы оказываются точкой, в которой сфокусированы, свернуты важнейшие черты соответствующей культуры. Автор остановился на понятии «память жанра» (М. М. Бахтин), вызывавшем у литературоведов сомнения в его продуктивности или терминологичности. Вяч. Вс. Иванов понимает память жанра как способность аккумулятировать «в скрытом виде» свою историю. Писатель, одаренный провидческой интуицией, способен по одному «фрагменту» реконструировать «целое». Вяч. Вс. Иванов интерпретирует произведение искусства как целостный единый знак (особенно живописное и кинематографическое с незначительным использованием монтажа; см. более подробно в [2]). В определенной степени недискретные знаки (например, кинокадр) также членимы. В кинокадре или персонаже отдельные предметы, атрибуты отсылают к разным смысловым уровням. Немотивированное на одном уровне оказывается мотивированным на другом.

Особое внимание в «фольклорной» части уделено жанру заговора, его семантике и прагматике. В. Н. Топоров рассматривает специфику заговора в сопоставлении с другими фольклорными текстами и ритуалами. Заговор, нарушая основной принцип фольклора и ритуала — «коллективное пользование», парадоксально совмещает непредсказуемое и клишированное. В нем преодолеваются оппозиции слово-дело, сакральное-профанное, вечное-временное. Пограничное положение заговорного текста крайне интересно для исследователя менталитета, оно позволяет увидеть целостную архаическую картину мира.

Ранчин Андрей Михайлович — литературный редактор журнала «Литературное обозрение».

В сообщении С. Е. Никитиной функции заговора и его место в народной культуре осознаются через контекст, в котором выступают одновременно различные заклинательные произведения, через отношения к ним разных конфессиональных групп. Заговоры анализируются с точки зрения особенностей представляемой ими традиции — региональной (общеславянской — В. И. Харитонова, Т. А. Агапкина и А. Л. Топорков, южнославянской — Л. Раденкович), национальной (сербохорватской — А. Б. Мороз, латышской — Э. Олупе, армянской — А. А. Одабашян, белорусской — Т. М. Судник, Г. А. Барташевич), локальной (Б. Н. Проценко, Е. Н. Разумовская, Ю. И. Смирнов). Участники симпозиума обращаются к анализу отдельных реалий, образующих мир заговора (В. Н. Ильинская, Р. А. Агеева, М. Р. Павлова и др.), к реконструкции общендоевропейских текстов этого жанра (Вяч. Вс. Иванов), к отражению в заговоре мотивов основного мифа (Л. Г. Невская). Р. А. Агеевой подготовлена публикация работы С. С. Ожеговой о севернорусских заговорах.

Тема ряда сообщений — «словесные формулы разных типов»: заговорные (Е. С. Новик, Л. Н. Виноградова, Н. И. Толстой, В. В. Усачева и др.), а также благопожелания (В. В. Плешакова), приглашения (С. М. Толстая, Л. Н. Виноградова), хуления (Г. И. Кабакова), проклятия (В. Э. Орел, И. А. Седакова), обращения людей к животным (А. В. Гура) и «нечистой силе» к людям (О. В. Санникова). Через словесные формулы исследователи проникают в архаический менталитет (А. Б. Страхон, О. А. Терновская).

Интересно проследить соотношение с реальностью отдельных частей текста и даже слов. Для центральной части заговора важна референтная функция, описание в слове совершенного обряда и тем самым придание ему необходимой эффективности; некоторые имена и реалии (например, библейские), вероятно, значимы для заговаривающего как самоценные, сакральные сущности, а не как знаки «реальных» предметов и явлений. Рационалистическое представление о двухмерности высказывания (фиктивное или претендующее на истину) заговору не свойственно — чисто словесные ключи, например, могут класться под камень, реально существующий (правда, в мифологическом пространстве). Продуктивным представляется сопоставление пространства заговора с пространством других фольклорных текстов.

В центре внимания исследователей другого малого жанра — загадки — механизм порождения загадок и правила их декодирования (З. М. Волоцкая, А. Н. Журицкий, А. К. Байбурин и др.). А. В. Головачева предложила классификацию загадок по характеру соотношения истинного и навязываемого отгадчику («ложного») концептов, признаков, по которым кодируется загадываемый предмет.

Ряд докладчиков обратился к жанрам поговорки и пословицы. В сообщении Я. И. Гин выделена группа proverbiallyных текстов с рифмами «беда—вода», «горе—море», «кручина—пучина», являющимися вариантами одного мотива. Конкретные фольклорные тексты — часто развертывания этих рифм. Предложена интерпретация слова «авось» как трансформированного выражения «даст / дай / бог». В этом же разделе опубликованы proverbiallyные тексты, записанные Ю. И. Смирновым.

«Фольклорную» часть симпозиума завершали сообщения, посвященные религиозно-мифологическим и ритуальным произведениям, в том числе и не являющимся фольклорными в строгом смысле слова (Г. А. Левинтон, Т. А. Берштам, М. И. Круковес и др.). Г. А. Левинтон предложил понимание малых жанров (заговоров, паремий, гаданий, частушек) как метатекстов по отношению к сказкам, песням и другим «большим» произведениям, составляющих своеобразный словарь мотивов и образов фольклора.

Было бы любопытным сравнить корреляцию «больших» и «малых» фольклорных произведений с соотношением произведений литературы и извлеченных из них выражений, становящихся пословицами «задним числом» и нередко обретающих паремиологическую функцию лишь при

автономном бытовании. Интересно, в какой мере эти пословицы обладают репрезентативностью по отношению к источнику и каков механизм их возникновения.

Выступление Т. М. Николаевой было посвящено дискуссионной проблеме взаимодействия христианских и языческих элементов в «Слове о полку Игореве». Многими исследователями эта проблема решалась по-разному, и однозначного убедительного ответа не существует. В своей книге [3], не получившей откликов отечественных ученых, Б. М. Гаспаров подчеркивал, что всякий подход к произведению может оказаться неадекватным, ибо «Слово» уникально, нам неизвестен его контекст, а следовательно — и структура. Б. М. Гаспаров анализирует «Слово» как произведение, несущее специфическую поэтическую информацию и построенное на мифологических схемах. Осознание поэтической семантики памятника как домипантной приводит к резкому сужению сферы возможного исторического повествования и авторских политических симпатий и оценок.

Т. М. Николаева обратила внимание на необходимость правильной постановки вопроса о соотношении языческого и христианского в «Слове». Анализ их распределения в тексте (имена богов, реалий и т. д.) должен предшествовать каким бы то ни было обобщениям.

В. П. Топоров вводит в научный оборот не привлекавший внимания ученых текст — запись молитвы, опубликованную в 1789 г., и анализирует сакральные слова блаженного из романа П. И. Мельникова-Печерского «На горах».

Участники симпозиума исследовали проходящие через различные фольклорные произведения мотивы («ритуальные повторы», Л. А. Абрамян), магические функции слова (Г. В. Цивьян, М. И. Лекомцева), интерпретировали конкретные тексты (заглавие «Голубиной книги», кондак — А. А. Архипов).

Широта и разнообразие материала не создавали впечатления дробности, не лишали симпозиума целостности. Все выступления и тезисы сближает погруженность в ткань текста, сочетание синтаксического анализа с обращением к этнографическому и языковому контексту, к истории. В центре внимания — смысл текста, интерпретация текста. «Теоретические» и «конкретные» доклады не противостоят друг другу — общий вывод открывает новое в тексте, «частное» наблюдение оказывается шире материала.

Специальный раздел посвящен проблеме соотношения литературы (и шире — культуры) и фольклора, интерпретации отдельных, преимущественно литературных произведений (доклады Ф. Р. Балонова, Г. А. Смирновой, Т. Л. Малаховой, И. Л. Багратиони-Мухрапели, О. А. Смирницкой, Д. К. Бернштейн и др.). Привлекаются и тексты, использующие мифологические парадигмы (С. Г. Шиндин, Е. С. Штейнер, С. Б. Бербер, Л. М. Ермакова и др.). В. В. Мерлин анализирует в теоретическом аспекте референтную функцию текста. А. Л. Топорковым подготовлены для публикации сохранившиеся в рукописи молитвы Д. Хармса. Для материалов раздела характерен (уже традиционный для отечественной семиотики) диахронический подход к материалу, привлечение данных языка и этнографии, способствующих восстановлению архетипов анализируемых текстов.

О. А. Седакова и В. А. Котов («К проблеме стихотворного языка. Высотная организация („мелодика“) как конструктивный фактор стиха») рассматривают ударные гласные строки русского стиха как элементы, включенные в систему по признаку высоты. Высотная организация стиха трактуется ими как признак, равноценный по конструктивной роли ритму (в концепции Ю. Н. Тынянова). Выбор высоты гласных вне речевой интонации (в соответствии с постулатом о фонематичности, а не фонетичности звука в стихе и существенности лишь ударных гласных) оказался предметом дискуссии. Представляется плодотворным рассмотреть реакцию высотной последовательности на «экспериментальные» условия, когда членение на строки не совпадает с синтаксическим (и семантическим):

следует ли график высоты за синтаксическим отрезком или не выходит за границы строки (предполагается, что «высотный рисунок» соседних стихов почти одинаков). Интересно привлечь произведения, основанные на стилизации «чужого» языка, и переводные. Вероятно, высота выдвигается на первый план, если на гласные звуки не ложится особая смысловая нагрузка (как в анаграммах и т. д.) и отдельные слова в строке обладают малой самостоятельностью. Высотная организация, возможно, более ощутима в декламационном и напевном стихе и менее — в разговорном (в терминах Б. М. Эйхенбаума). Интересно рассмотреть, как реализуется она в стихотворениях, культивирующих иконичность и, наоборот, произвольность знака.

«Закливание» А. А. Ахматовой, проанализированное в сообщении М. Б. Мейлаха, — интересный случай взаимодействия «авторского» (значимого лишь для создателя и не становящегося в узком смысле слова художественным фактом) и «читательского» смыслов. Раскрытый исследователем подтекст абсолютно необходим читателю стихотворения. Одновременно «авторский» смысл для Ахматовой (как человека, а не как поэта) принципиально иной, с точки зрения прагматики, чем для читателя. Написание текста имело заклипательную или, по крайней мере, «психотерапевтическую» функцию («приди / не приходи / не вспоминайся мною»), что сопоставимо с актом произнесения фольклорного заклинания. Но для читателя «Закливание» магической функции не имеет в отличие от «читателя-произносителя» фольклорного заговора, где исполнитель-«читатель» как бы и есть автор, а воспроизведение одного и того же текста магично. Для читателя поэзии стихотворение — свидетельство о переживаниях автора. (Считать магическую функцию подчиненной литературной, а «Закливание» стилизацией «под» заговор невозможно). Соотношение автора и читателя здесь аналогично корреляции «адресант — адресат» в эпиграфии (см. [4]).

Симпозиум «Этнолингвистика текста» — формально юбилейный для отечественной семиотики, носил не «праздничный», а рабочий характер. Оценка и развитие его результатов — задача дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тезисы докладов и сообщений. М., 1988.
2. Иванов Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
3. Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984.
4. Брагинская Н. В. Эпиграфия как письменный фольклор. — В кн.: Текст: семантика и структура. М., 1983, с. 126—127.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Актуальные проблемы перестройки в СССР и ЧССР и общественные науки: Материалы II сес. Сов.-чехосл. комиссии по сотрудничеству в обл. обществ. наук, Москва, 1986 / Отв. ред.: Кураев В. И., Урманчеев М. А. / Ред. сост.: Гречко Л. В. и др.; АН СССР. ИПИОН и др. М., 1988, 265 с.

Актуальные проблемы славянского языкознания / Под ред. Горшковой К. В., Хабургаева Г. А.; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1988, 156 с.

Бонев А. Тракия и Егейският свят през втората половина на II хилядолетие пр. н. е. / Бълг. акад. на науките. Археол. инст. с музей. София, 1988, 96 с.

Българската комунистическа партия: Ист. справочник / Съст. и ред.: Мишков Г., Късов Х. / Авт.: Боев Б., Боев П., Добринов Д. и др. 2. прераб. и доп. изд. София, 1988, 391 с.

Българската критика за Димчо Дебелянов / Съст. и ред. на Сестримски И. София, 1988, 535 с.

Българската критика за Иван Вазов / Съст. и ред.: Цаева М., Тодоров И. София, 1988, 710 с.

ОБЩИМ ПУТЕМ ОБНОВЛЕНИЯ

Опубликованы материалы встречи М. С. Горбачева с представителями польской интеллигенции, состоявшейся 14 июля 1988 г. в Варшаве [1].

Встречи высшего руководства партии и государства с представителями общественности, в том числе с интеллигенцией — давняя и уже привычная форма общения. К сожалению, пока еще необычна та атмосфера гласности, открытости, в какой происходило это событие. Говорят, к хорошему легко привыкать. Привыкает, видно, к деловым, а не торжественно-праздным, официальным беседам, напоминающим идеологические инструкции, и наша, социалистическая интеллигенция.

Состоялся действительно заинтересованный обмен мнениями, когда обе стороны желают услышать и быть услышанными, не зная заранее, что они услышат. Разговор получился очень непосредственным, а, главное, содержательным и, видимо, полезным для всех. Независимо от того, насколько верна или не верна, приемлема или не приемлема та или иная точка зрения по любому общественно важному вопросу, ее следует знать, вовремя реагировать на нее соответствующим образом.

Читатели наверняка обратят внимание на ту красную нить в опубликованных материалах, которая проходит от первой до последней страницы брошюры: одна судьба, одно будущее у интеллигенции и рабочих, всего народа, в Польше и Советском Союзе, у европейской культуры и человеческой цивилизации. Мы все при всех различиях между странами и народами, классами и слоями идем одной дорогой в будущее.

Новое, глобальное мышление одинаково возможно и необходимо в наше время — время обострения общемировых проблем и противоречий между могучими материальными силами в руках разобщенного человечества и расточительно

нерациональным, а порой и преступным их использованием из-за обоснованных и — чаще — необоснованных конфронтаций и недоразумений различного уровня и вида. Немалая доля ответственности ложится и на так называемый реальный социализм, а точнее на административный социализм.

Ошибки, злоупотребления властью привели к тому, что недооценивались одни аспекты марксистско-ленинского учения о социализме и переоценивались другие. Так, умалялись общечеловеческая, гуманистическая сущность социализма, суверенитет личности, нации, государства. И в то же время абсолютизировалось или упрощалось значение классовой борьбы, централизма, идеологического единства (естественного для партии, но не для всего общества), что в конечном счете лишь освещало теоретический застой, политическую практику командно-бюрократической системы. На совести последней, кроме прочего, значительная часть черных и белых пятен в новейшей истории строительства социализма, наших отношений с Польшей и некоторыми другими социалистическими странами. Здесь не только командные методы хозяйствования, случаи вмешательства во внутренние дела, но и не имеющий оправдания договор о дружбе от 28 сентября 1939 г. с фашистской Германией и трагическая в любом случае гибель польских офицеров в Катыни.

Если не видеть различий между социализмом и «административным социализмом», то нелегко будет сдержать желание еще раз бросить камень в социализм, упрекая его в неспособности решить многочисленные проблемы, так или иначе затронутые участниками встречи. Смысл открытого обсуждения ошибок и проблем в том, что оно позволяет отличить одно от другого и не приписывать социализму ни чрезмерных добродетелей, ни чужих грехов. В своем после-

ловии М. С. Горбачев пишет, что переходящее, искусственно и насильственно насаждавшееся, а то и прямо чуждое социализму возводилось в ранг существенных его признаков, а то, без чего он не может нормально существовать и развиваться — прежде всего демократический и гуманистический потенциал — «либо принижалось, либо даже объявлялось идеологически вредным и опасным» (с. 64). «Очиститься от коросты догматизма» необходимо не только для перестройки, коренного обновления советского общества, но и для того, чтобы понять социализм шире — как мировой политический и идейный процесс, не замыкающийся в границах социалистических государств. «Многие его проявления мы видим и в промышленно развитых капиталистических странах, и в развивающихся странах. И это только подтверждает актуальность и универсальное значение научного социализма» (с. 67). Во имя выживания и развития цивилизации, включающей социализм, мировому сообществу просто необходимо научиться уважать многообразие взглядов, быть терпимым к иным мнениям и мировоззрениям, включая религиозные. «Без этого оно не сможет наладить широкий

и конструктивный диалог, взаимодействие...» (с.67).

Вопросов на встрече было поставлено так много — от мировоззренческих, философских до таких, например, как возможность введения в русский язык наряду с кириллицей и латинского алфавита, как это практикуется в сербско-хорватском языке. И естественно, что в ее рамках не все они нашли ответы. В заключение отметим, что даже открыто демократический характер обсуждения актуальных проблем на встрече Генерального секретаря ЦК КПСС с польской интеллигенцией не уравнивал их позиций. Надеждой и заботой о будущем пронизаны вопросы интеллигенции, заботой и желанием решать назревшие вопросы — ответы Генерального секретаря. И это порождает у читателей надежду и уверенность в обновленческих силах социалистического общества.

Кремлев В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интеллигенция перед лицом новых проблем социализма. Встреча М. С. Горбачева с представителями польской интеллигенции. М., 1988, 79 с.

Z. KLANICA. Počátky slovanskeho osídlení našich zemí. Praha, 1986, 258 s.

З. КЛАНИЦА. Начало славянского заселения наших земель

Рецензируемая книга принадлежит перу известного чехословацкого археолога, руководителя раскопок великоморавского центра в Микульчицах д-ра З. Кланицы. Ее публикация является весьма важной и своевременной — последняя научная монография на данную тему была издана в Чехословакии академиком Я. Айзнером свыше 20 лет назад [1].

В книге З. Кланицы, состоящей из краткого введения, четырех глав, заключения и приложений, систематизированы результаты раскопок раннеславянских памятников VI—VIII вв. на территории Чехословакии и на основе этого представлена картина ее заселения славянами. Раннеславянские древности рассматриваются автором не изолированно, а на широком фоне синхронных славянских культур из других областей Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

Первая глава работы, посвященная характеристике современного состояния изучения древнейшей истории славянства, начинается с обзора письменных источников VI—VII вв. о ранних славянах. Проанализировав свидетельства готского историка Иордана, византийского писателя Прокопия Кесарийского, архиепископа города Браги — Мартина, З. Кланица пришел к обоснованному выводу, что «на их основе можно реально утверждать о славянском заселении Среднего Подунавья в первой половине VI столетия» (с. 9). Тем самым опровергается господствовавшее в буржуазной (преимущественно в венгерской и немецкой) историографии мнение о позднем приходе славян в Среднюю Европу вместе с аварами в конце 50-х годов VI в. Автор обстоятельно проанализировал современные исследования, посвященные археологическим культурам (лужицкой,

пшеворской, зарубинецкой, липицкой, черняховской, карпатских курганов, киевского типа, пражской, пеньковской и колочинской), отождествляемым в литературе в той или иной мере со славянами или праславянами.

Во второй главе рассмотрены археологические находки VI—VIII вв. из раннеславянских памятников Чехословакии (керамика, орудия труда, предметы вооружения, украшения). Применив в основном сравнительно-типологический и стратиграфический методы, автор предложил свою собственную классификацию материалов, которая учитывает, конечно, и работы его предшественников. Самый массовый материал — глиняная посуда — подразделяется на несколько групп: 1) лепная керамика пражского типа; 2) частично обточенная на гончарном круге; 3) с лощеным орнаментом и 4) желтая посуда. Следует признать, что классификация керамики носит слишком общий характер и нуждается в большей детализации, без которой нельзя определить относительную хронологию отдельных типов сосудов. Для пражской керамики такая детальная типология уже создана И. П. Русановой, и результаты ее исследований можно было бы использовать более активно [2, с. 16—20, 118—126]. З. Клавница прав, утверждая, что «керамика пражского типа является продуктом особой социально-экономической ситуации, таким образом, определенного уровня развития общества», и датируя ее в Средней Европе в пределах от первой половины VI в. до середины VII в. (с. 66). Использование гончарного круга местными славянскими племенами начинается позднее, на более высоком уровне их развития. В результате проделанной автором систематизации находок удалось составить более целостное представление о характере материальной культуры славянских племен, живших на территории Чехословакии в VI—VIII вв.

В третьей главе исследователь переходит к характеристике раннеславянских поселений, которые представлены главным образом неукрепленными селениями. Будучи земледельческим народом, славяне выбирали для своих поселений низкие места у рек, но на территории Словакии единичные раннеславянские селения VI—VII вв. открыты в последние годы и в более возвышенных районах предгорьев [3, с. 165—173]. Всего к настоящему времени на территории Чехословакии известно около ста памятников с раннеславянской керами-

кой пражского типа. Но лишь на пяти селениях (Бжезно и Розтоки в Чехии, Бжецлав-Поганско и Мутенице в Моравии, Нитрянский Градек в Словакии) пока проводились значительные по масштабам раскопки, что, естественно, затрудняет реконструкцию их внутреннего облика. Ссылаясь на обнаруженную в Мутеницах костерезную мастерскую, З. Клавница делает вывод о наличии у славянских племен специализированного ремесла еще в эпоху господства у них лепной посуды (с. 152). По нашему мнению, для окончательного решения данного вопроса необходимо получить гораздо больше подтверждающих данных. Во всяком случае до VII в. существование у славян Центральной Европы специализированного ремесла (за исключением кузнечного) пока весьма проблематично. Затронув дискуссионную проблему датировки древнейших славянских городищ, автор убедительно обосновал их возникновение в Чехии, Моравии и Словакии в VIII в.

В следующей, четвертой главе книги, рассматриваются погребальные памятники древних славян Средней Европы. Вызывает интерес мнение исследователя о том, что использование того или иного вида погребального ритуала (кремации или трупоположения) является «отражением общественных отношений» (с. 194).

В заключении суммированы результаты исследований и наблюдений автора, полагающего вслед за некоторыми другими учеными, что в обширном регионе между р. Шпрее на западе и р. Стырь на востоке «культура предков современных славян развивалась с рубежа V/VI столетия, когда они были еще известны под общим именем «венеды» (с. 213). Полемицируя с польским исследователем К. Годловским, связывающим начало славянского заселения Среднего Подунавья с уходом отсюда в 568 г. германцев, З. Клавница справедливо указывает на противоречия в его гипотезе и относит появление первых славянских племен в Северо-Западной и Средней Чехии, а также в Южной Моравии к 30-м годам VI в. Оно отмечено древнейшими славянскими погребениями по обряду кремации с керамикой пражского типа. Еще в эпоху проживания в Подунавье лангобардов, как полагает Д. Бялскова, начинается заселение славянами и территории Словакии [4, с. 34].

Критично относясь к своей работе, З. Клавница не считает ее выводы окончательными и признает, что в будущем они могут быть уточнены по мере откры-

тия новых памятников и совершенствования археологической методики датировки материалов. Книга написана и сдана в печать еще в 1979 г., поэтому автор, естественно, не смог учесть опубликованные в 80-х годах новые материалы о раннеславянских памятниках Чехии и Моравии [5; 6, с. 152—169; 7], но в целом они не противоречат результатам его исследования. Монография З. Кланцы отражает уровень современной изученности проблемы славянского заселения Чехии, Моравии и Словакии, написана на должном научном уровне и заслуживает положительной оценки. Думается, она с интересом будет встречена историками, археологами и лингвистами, занимающимися раннеславянской проблематикой.

Перхако В. Б.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Eisner J.* Rukovět slovanské archeologie. Počátky slovanů a jejich kultury. Praha, 1966.

2. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.
3. *Šalkovský P.* K vyvoju a strukture slovanskeho osidleni v hornatych oblastiach Slovenska. — In: IV. Medzinárodový kongres slovanskej archeologie. Sofia. 15—20 septembra 1980. Zborník referátov ČSSR. Nitra, 1980.
4. *Bialekova D.* Stav a úlohy bádania o včasnოსlovanskom období na Slovensku. — In: Studijné zvesti Archeologickeho ustavu Slovenskej akademie vied, t. 22. Nitra, 1986.
5. *Dostal B.* Břeclav Pohansko III. Casně slovanské osidleni. Brno, 1985.
6. *Gojda M., Kuna M.* Casně slovanský sídelní areál v Roztokach okr. (Praha—Západ) — stav výzkumu a jeho perspektivy. — Archeologicke rozhledy, t. XXXVII, № 1, 1985.
7. *Jelinkova D.* Doplnky k mape nalezišt s keramikou pražského typu na Moravě. — Památky archeologicke, 1985, roč. 76, с. 2.

Л. РАКИЧ. Яша Томич (1856—1922). Нови Сад, 1986, 365 с.

Л. РАКИЧ. Яша Томич (1856—1922)

В рецензируемой книге известный югославский историк Л. Ракич обратился к описанию жизненного пути и политической карьеры вдохновителя, создателя и фактического руководителя Сербской национальной радикальной партии Яши Томича — одного из самых неординарных и противоречивых деятелей сербского национального движения на рубеже XIX и XX вв., человека драматической судьбы.

Написанная просто и увлекательно, монография Л. Ракича — это бесспорная удача в трудном жанре исторической биографии, играющем большую роль в становлении исторического сознания широких слоев общества. В этой книге в полной мере проявляется характерная для стиля Л. Ракича черта — дать возможность читателю делать выводы на основании обширного и тщательно обработанного материала. Да и жизненный путь Я. Томича дает обильную пищу для размышлений не только о собственно исторических проблемах (в частности, об вечноном вопросе о роли личности в истории), но и о нравственной цене, которую может уплатить политический деятель за достижение своих целей.

Развивая и углубляя характеристику буржуазного радикализма, данную в предыдущих работах [1], Л. Ракич показывает не только объективные причины возникновения этого течения в общественном движении сербского народа на территории Воеводины, но и вскрывает личные мотивы прихода Томича к радикализму, убежденным приверженцем которого он оставался до конца своих дней. Автор не ограничивается иллюстрацией общей социологической схемы, изложением и анализом чисто исторических фактов; он показывает внутреннюю психологическую закономерность идейной эволюции своего героя. Я. Томич сформировался вместе с поколением, вступившим на историческую сцену в 70—80-е годы XIX в. с требованием радикальных изменений, пишет Ракич. Судьбу этого поколения можно назвать трагической: одни его представители не дожили до осуществления своей мечты, другим, к числу которых принадлежал и Томич, суждено было увидеть, что воплощение их принципов на практике не привело к свободе, равенству и братству, не устранило ни социальных про-

творечий, ни национального угнетения и вражды в созданном после первой мировой войны независимом югославянском государстве.

Одним из важнейших моментов в биографии Я. Томича был период после восстания в Боснии и Герцеговине 1875—1878 гг., когда под воздействием негативного отношения европейской социал-демократии к восстанию, произошел, как считает автор, отход Томича от социалистических убеждений молодости. Впрочем, Томич не был социалистом в полном смысле слова даже в то время, когда сам себя считал сторонником социализма. Из научного социализма он заимствовал лишь то, что соответствовало его социально-политическим и национальным воззрениям. Причины эволюции Томича коренились не только в объективном развитии классовой и национальной борьбы на территории Боевоины, но и в глубоко скрытых чертах его характера, были обусловлены общим психическим складом личности, вспыльчивостью, нетерпимостью, неуживчивостью. Если к этому добавить отсутствие систематического образования (при весьма незаурядных способностях), эклектичность и спекулятивность мышления, широко распространенное в духовной жизни тех лет стремление к абсолютизации собственного личного опыта и исторического опыта своей нации, тяготение к быстрому достижению сиюминутных выгод, то станет понятным, что научный социализм не соответствовал характеру, темпераменту, этическим установкам, словом, внутреннему миру Томича. Л. Ракич показывает, что подобный путь от социализма к радикализму и либерализму проделали многие соратники и соперники Томича. Это проявилось не только в их разрыве с европейской социал-демократией, но и в фактическом отходе от идей своего учителя — революционного демократа и социалиста-утописта Св. Марковича.

Принципиальные различия в политических концепциях Марковича и Томича имеют важное значение для понимания всей эволюции сербского национального движения и общественной мысли. Томич и его последователи сделали шаг назад по сравнению с идеями Марковича, что означало переход от революционного демократизма на позиции демократизма буржуазного. Ракич пишет, что Маркович под радикализмом подразумевал «борьбу против всего устаревшего» и создание революционной организации с социалистической программой. Маркович

был убежденным республиканцем. Томич же и его сторонники выступали за «мелкобуржуазный социализм в границах демократически переустроенного капитализма», стояли на позициях монархизма. Томич, однако, оставался последователем Марковича в борьбе за всеобщее избирательное право, в вопросах переустройства задруг и эмансипации женщин.

Эволюция деятелей сербского общественного движения 70—80-х годов от социализма к радикализму была обусловлена слабым развитием капиталистических отношений в Южной Венгрии, почти полным отсутствием промышленного пролетариата, а также наличием национального гнета. Ракич подчеркивает, что национализм был основным «мостом», по которому Томич пришел к радикализму. Анализ идейной эволюции Я. Томича приводит к постановке и более общих исторических и философских вопросов — о соотношении различных форм социализма — пролетарского и мелкобуржуазного, о принципиальных отличиях социалистического учения и буржуазного радикализма, о степени разработанности европейскими социалистами теории национальных отношений во второй половине XIX в.

Основу мировоззрения Томича, как пишет Ракич, составляли элементы утопического социализма, урезанная программа Марковича, некоторые, нередко искаженные, идеи Маркса и Энгельса. В частности, «всеядность» и эклектизм мировоззрения Томича проявились в его взглядах на феомен нации. Он считал, что нация является не только языковой общностью, но и общностью характера, «духа», культуры и исторических судеб. Корни его оценок уходили в работы совершенно различных по своим позициям ученых и политических деятелей — Э. Ренана, С. Бауэра, Г. Еллинека, Г. Аренса, Д. Мадзини, А. Тьера, Г. Гершича, В. Караджича и др. Однако сама по себе такая трактовка национальной общности содержала элементы демократизма. Она определила критическое отношение Томича к венгерскому Закону о национальностях 1868 г. и австро-венгерскому соглашению 1867 г., которые он рассматривал как противоречащие естественному праву и национальному принципу.

Более того, эта позиция позволила ему с прогрессивных позиций подойти к проблеме сербско-хорватских отношений. Исходя из того, что общность языка не является «доказательством национального единства», Томич рассматривал хорватов

и сербов как два близко родственные народа. Эта позиция была более объективна, чем, например, позиция идеологов «нового курса» и Хорватско-сербской коалиции, провозгласивших в начале 1900-х годов, что хорваты и сербы являются одной нацией. Взгляды Я. Томпча на отношения югославянских народов не изменились и после распада Австро-Венгрии и создания независимого государства. Он, как пишет Ракич, вступил в прямой конфликт с Н. Пашичем и частью собственной партии, доказывая, что сербы, хорваты и словенцы это не единая, а три родственные нации. Пашич и его сторонники придерживались точки зрения, что сербы, хорваты и словенцы — это единая нация с тремя наименованиями, которую надо «интегрально» объединить. Дальнейшее развитие показало правоту Томпча, считавшего, как утверждал Л. Ракич, эту теорию «серьезной ошибкой».

Ракич приходит к обоснованному вы-

воду о том, что фактически Томич был лидером и вождем мелкобуржуазно-крестьянской партии, которая колебалась между возможной пролетаризацией и беспомощностью перед крупным капиталом, между неосуществимым в тех условиях социализмом (который Томич демагогически провозглашал конечной целью общественного развития) и реальностями капитализма.

Книга Ракича продолжает задуманное им фундаментальное исследование партийно-политической системы и общественной жизни на территории Воеводины во второй половине XIX — начале XX в.

Романенко С. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ракич Л. Радикална странка в Војводини (до почетка XX века). Нови Сад, 1975; Ракич Л. Радикална странка у Војводини 1902—1919. Нови Сад, 1983.

Vel'ký slovensko-ruský slovník. D. 1—3. Bratislava, 1979—1986.

Большой словацко-русский словарь

Чехословацкая двуязычная лексикография обогатилась новым фундаментальным трудом: издательство Словацкой академии наук «Веда» выпустило в свет уже три тома (из шести планируемых) «Большого словацко-русского словаря» (далее — БСРС). Вышедшие из печати тома дают достаточный материал для первых наблюдений, суждений и оценок, касающихся характера и теоретико-методических принципов подготовки столь серьезного академического издания.

БСРС создается коллективом опытных словацких лексикографов-русистов отделения славянских языков Института языкознания им. Л. Штура САН (г. Братислава). Костяк этого коллектива в лице Э. Секаниновой, Д. Коллара, В. Дуротяк вой, М. Филкусовой, Е. Фификовой и других стоял у истоков современной словацкой лексикографической школы, сложившейся в послевоенный период в социалистической Чехословакии. Поэтому рецензируемый словарь — не только плод глубокого теоретического осмысления проблем двуязычной лексикографии, но и результат обобщения многолетнего практического опыта лексикографической работы.

Составление и издание БСРС осуществляется в тесном контакте и непосредственном сотрудничестве словацких лексикографов с советскими словакистами. Большую помощь в редактировании и рецензировании словаря оказывают заведующий сектором славянского языкознания Института славяноведения и балканистики АН СССР, д-р филол. наук Л. Н. Смирнов и сотрудница издательства «Русский язык» Н. Б. Троепольская, которая является членом редколлегии словаря.

По объему словника БСРС значительно превосходит все вышедшие до сих пор в ЧССР словацко-иноязычные словари. Этот факт свидетельствует о большом общественно-политическом, научном и практическом значении, которое придается русскому языку в социалистической Словакии. С другой стороны, ни в одной стране не выходит столько переводов со словацкого, как в СССР, в то время как созданные ранее словацко-русские словари по объему и по качеству уже не могут удовлетворять высоким требованиям, предъявляемым к переводам на современном этапе советской переводческой школой. Необходимость издания БСРС

диктуется и возросшей общественной ролью словацкого языка в жизни ЧССР. Так, никогда еще здесь не выходило такого большого количества письменной продукции на словацком языке, как в настоящее время.

Цель БСРС — как можно полнее отразить лексику современного словацкого литературного языка. Составители БСРС видят его назначение в том, чтобы словарь 1) служил источником сопоставительного анализа лексики двух языковых систем; 2) способствовал осуществлению максимально точного переноса текстов различных типов со словацкого языка на русский и 3) был связующим звеном, дающим возможность носителям словацкого языка познать один из мировых языков.

Лексическим источником для БСРС служит главным образом шеститомный толковый Словарь словацкого языка (далее — ССЯ) [1], а также собственная картотека составителей БСРС, включающая эксерпции из художественных текстов, газет, журналов, терминологических словарей, энциклопедических изданий и специальной научной литературы. В окончательном виде словарь будет включать около 125 тыс. слов, т. е. примерно должен быть равен самому большому на сегодняшний день словацкому лексикографическому изданию — упомянутому выше ССЯ, который, однако, вышел уже 20 лет назад и в настоящее время превратился в библиографическую редкость. Вследствие этого словацкую часть БСРС можно рассматривать как современный лексический инвентарь словацкого литературного языка.

В исходной своей части словарь носит нормативный характер, вследствие чего в нем не найдут отражения нелитературные, узко диалектные или полностью устаревшие словацкие наименования, приводимые в ССЯ; основным условием фиксации слова в БСРС является частота его употребления. В связи с этим словарь предоставляет широкий простор иностранным (прежде всего интернациональным) словам, в особенности тем, которые по звучанию совпадают с подобными обозначениями в русском языке, но отличаются от последних семантикой и употреблением. Кроме того, БСРС открыт для специальной лексики, что объясняется активным проникновением научной информации во все сферы жизни современного человека. Такой подход следует признать прогрессивным, так как он отражает объективные тенденции развития литературных языков на современном

этапе и как нельзя более соответствует духу времени. БСРС включает также общеизвестные имена собственные с целью, главным образом, показа формальных различий, которые можно наблюдать у наиболее распространенных географических, астрономических, исторических, культурных и других наименований в словацком и русском языках.

Из отсутствующих в ССЯ в БСРС вошли также слова, обозначающие новые реалии и связанные с ними понятия (*meniareň* — подстанция), наименования, отражающие словообразовательные тенденции в современном словацком языке (*babkoha* — *кукольное представление*), новые производные (*kabinetný*, в ССЯ есть только *kabinetový*) и т. д. Однако главная особенность БСРС по сравнению с ССЯ заключается в том, что новый словарь представляет значительно больше элементов современной живой словацкой речи. Он активно отражает разговорный укус носителей словацкого литературного языка, о чем свидетельствует включение в его вокабуляр таких слов, как, например, *hmlovka* — *противотуманная фара*, *hriadiť* — *делать зернки*, *jasnačka* — *ясно, понятно*, *kádrováčka* — *проверка кадров*, *rod'kať* — *звать, манить, кликать* и др. Свободное включение в нормативный словарь элементов живой разговорной речи мотивировано демократическими тенденциями в развитии современных литературных языков, а также стремлением как можно полнее показать процессы, происходящие в развитии словацкого языка на современном этапе.

Этим же обусловлена коррекция стилистической оценки многих слов в БСРС по сравнению с ССЯ. БСРС последовательно фиксирует сдвиги в стилистической и функциональной характеристике словарного состава словацкого языка в соответствии с изменениями, происшедшими за последние 20 лет, в результате чего одни слова избавились от ограничительных помет вообще, а другие приобрели иные (в сравнении с ССЯ). Преобладающей тенденцией в изменении стилистического статуса слов является их движение в сторону более широкой распространенности среди носителей словацкого литературного языка, вследствие чего, например, «просторечное» в ССЯ слово *sajgovky* «парусиновые брюки, порты» становится «разговорным» в БСРС. В подаче стилистических помет составители БСРС наряду с письменной учитывают также и устную форму словоупотребления: школьного и студенческого сленга, профессио-

пализмов и т. д. Так, слово *gramatikár* 'тот, кто профессионально занимается грамматикой; автор грамматики' классифицируется в ССЯ как «несколько устаревшее», поскольку слово употреблилось в узко ограниченной официальной научной сфере. В БСРС *gramatikár* (автор грамматики и учитель) получает помету «разговорное», которая основана на широком употреблении этого слова в школьной среде.

По сравнению с ССЯ в БСРС значительно обновлен и расширен иллюстративный материал. В новом словаре приводятся самые типичные и широко распространенные употребления словацких слов из устной речи, а также выражения и словосочетания, наиболее характерные для средств массовой информации. Примеры не только иллюстрируют соответствие словацкого слова русскому эквиваленту, но и передают пульс современной словацкой жизни. БСРС, например, приводит такой контекст на употребление фразеологизма: *byť v kurze, mať kurz teraz majú kurz dlhé vlasy* — *теперь в моде или модны длинные волосы*.

Таким образом, в отношении левой части БСРС можно утверждать, что она вполне достойно и объективно представляет словацкую лексику последней четверти XX в. БСРС принадлежит первенство в фиксации огромного количества словоупотреблений, ранее не засвидетельствованных ни в одном лексикографическом источнике в силу их новизны.

Самое пристальное внимание составителей словаря направлено на центральную проблему каждого двуязычного словаря — проблему эквивалентности. Дело в том, что довольно внушительная масса словацких слов впервые только в БСРС получит русский эквивалент. Ни одна часть речи словацкого лексического инвентаря в предшествующих словацко-русских словарях (ввиду их ограниченного объема) не была отражена сколько-нибудь полно. Не лишен этого объективного недостатка и непосредственный предшественник БСРС — однотомный словацко-русский словарь в 45 тыс. слов (далее — СРС) [2]. У существительных, например, отсутствовали отлагольные образования, у глаголов, как правило, — форма какого-нибудь вида; весьма ущербным был объем прилагательных и особенно наречий, которые в подавляющем большинстве случаев сопровождалась только адекватными по форме русскими эквивалентами, т. е. прилагательными же или

наречиями. А между тем именно эти, а также многие другие разряды слов наиболее ярко отражают особенности лексико-семантических систем словацкого и русского языков. Целью БСРС как раз и является показать эти особенности. Их раскрытию служит уже сам факт представления каждого производного, каждой части речи в виде самостоятельной словарной статьи, а не в отсылках. Новаторски выступает БСРС в показе наречий, преобладающая часть которых впервые нашла отражение в словацко-русском словаре. Наречия в БСРС характеризуются, пожалуй, самым разнообразным в отношении формы набором русских эквивалентов, по сравнению с другими частями речи, ср., например: *maškrtné* — *с наслаждением*; *pežensky* — 1. *не по-женски*; 2. *неженственно*; *oregnte* — *в опереточном стиле или жанре*.

Увеличение реестра слов в численном отношении, а главное — расширение их качественного диапазона потребовали от составителей более углубленной разработки проблемы переводного значения. Теоретическое обоснование их подхода к этому вопросу получило освещение в специальном дополнении к инструкции (второй том), где была уточнена структура словарной статьи в соответствии с типом эквивалента. Составители БСРС выделяют 6 типов переводного значения: 2 типа адекватной эквивалентности, 2 неадекватной и 2 безэквивалентных, описательных типа. Эти типы дают возможность отчетливо увидеть сходства и различия в системе номинаций словацкого и русского языков. В результате выделения переводных значений смысловая структура многих словацких слов выглядит в БСРС иначе, чем в ССЯ и СРС; ср., например, смысловое содержание слова *čuch* в: ССЯ — 'одно из пяти чувств, посредством которого воспринимается запах'; СРС — *обоняние*; *чутье*; БСРС — 1. (у людей) *обоняние*; 2. (у зверей) *чутье, нюх*. С другой стороны, несколько значений словацкого многозначного слова, находящие выражение в одном и том же русском эквиваленте, объединяются под одной рубрикой в разных значениях с последующим внутренним семантическим членением словацкого слова под буквами *a, в, с* и т. д., например, *ostat'* — (в р а з н ы х з н а ч е н и я х) *остаться*: а) 'продолжить пребывание, пахождение где-н.'; в) 'оставить, сохранить в определенном положении'; с) 'оказаться, стать'. Подобное оформление словарной статьи наглядно демонстрирует, наоборот, сходство

лексико-семантических систем словацкого и русского языков.

Русские эквиваленты в БСРС в преобладающей своей массе точны и правильны, что обеспечивает большую надежность БСРС. Число неправильных русских употреблений в БСРС минимально (по сравнению с другими словацко-русскими словарями), например, *заразительная болезнь* (*chytľavý*) вм. *заразная*; *косоногий* (*šartoš*) вм. *кривоногий*; *сбор или уплата за погрузку* (*naložné*) вм. *плата* и некоторые др. Ценность БСРС заключается в том, что он приводит чаще не один, а несколько эквивалентов, располагая их в зависимости от частоты употребления в современном русском языке. Правда, иногда на первом месте в синонимическом ряду оказывается менее употребительное в русском языке слово, что может быть вызвано стремлением составителей указать в первую очередь на генетическое родство русского эквивалента с исходным словацким словом (*obtiahnul'* — в. *вытянуть, хлестнуть, стегануть*). Точно так же иногда показ примеров в иллюстративной части начинается с расходящихся контекстов, а не со сходных, иллюстрирующих непосредственно приведенный эквивалент (*bojový* — боевой: *bojové pásmo* — зона боев, зона военных действий. И только ниже приводятся контексты, где в русской части выступает непосредственно *боевой*). Более четко цели сопоставления, на наш взгляд, служит расположение контекстов от более сходных к более отличным.

В высшей степени положительно следует оценить тот факт, что русскими эквивалентами (в доиллюстративной части словарной статьи) вовсе не исчерпывается показ смыслового содержания исходного словацкого слова. Сильной стороной БСРС является широта представленной употребительности словацких во-

кабул, которая подчас и способствует более полному раскрытию их семантики. В результате в иллюстративной части словарной статьи появляются новые русские эквиваленты, что и является ярчайшей демонстрацией систем словацкого и русского языков в действии. В экзemplификации слова *nádych* во втором значении, например, найдем не только основной эквивалент *оттенок*, но и слова *налет*, *отлив*. Часто именно экзemplификация, в отличие от основного эквивалента, раскрывает смысловое содержание словацкого обозначения. Составители БСРС не стараются иллюстративный материал подогнать под приведенные эквиваленты; главное — показать как можно больше самых распространенных случаев употребления словацкого слова, в числе которых много контекстов, трудных для перевода, так что создается впечатление, что БСРС ориентирован на показ как раз наиболее трудных случаев перевода со словацкого на русский. В результате каждая словарная статья предоставляет в распоряжение переводчика целую шкалу разнообразнейших русских средств выражения понятия, заключенного в словацком слове.

Таким образом, три опубликованных тома БСРС дают представление о труде высокого научного достоинства. Словарь современен, отличается точной паспортизацией и полной грамматических помет и форм, надежен в пользовании. Это крупное достижение современной словацкой лексикографии и образец плодотворного сотрудничества словацких и советских ученых и практиков-лексикографов.

Тугушева Р. Х.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Slovník slovenského jazyka*, D. I—VI. Bratislava, 1959—1968.
2. *Словацко-русский словарь*. М.—Братислава, 1976.

А. ЛАМПРЕХТ. *Praslovianština*. Brno, 1987, 196 s.

А. ЛАМПРЕХТ. *Праславянский язык*

Наука о праславянском языке, занимающая центральное место в славянской филологии, является наиболее продвинутым разделом компаративистики в методологическом плане. Рецензируемая книга занимает особое место в серии монографий и пособий по праславянскому

языку. Это — последнее издание обобщающего труда А. Лампрехта, основные интересы которого сосредотачивались на проблематике развития фонологической системы праславянского и славянских языков, прежде всего чешского. Это — результат 35-летнего упорного труда (пер-

вая публикация автора по данной проблематике датируется 1951 г.).

Книга в определенной мере отражает лингвистическую концепцию современной (послевоенной) «пражской школы». Кроме того, именно в Чехословакии, судя по публикациям, наиболее прочно сохраняется интерес к сравнительной грамматике славянских языков и праславянскому языку. Здесь, в Праге 30-х годов зародилась классическая фонология вообще и историческая фонология в частности. Ее первым пробным камнем был материал славянских языков. Здесь в первые послевоенные годы была опубликована монография Й. Коржинека (1948) о развитии фонологической системы праславянского языка как опыт апробации идей классической пражской лингвистической концепции. Здесь был опубликован блестящий очерк Н. Ван-Вейка о развитии праславянской фонологической системы (1949/1950). Тогда и оформился устойчивый интерес А. Лампрехта к данной проблематике.

В рецензируемой книге автор детально прослеживает развитие «фонетико-фонологических» систем от праиндоевропейского состояния (s. 15—28) до первых этапов формирования отдельных славянских языков после распада праславянского (s. 165—184). В особый раздел выделен обзор «фонологического развития» на конце слова, где дан обзор «исходных парадигм конъюгации и деklinации» (s. 81—124). Пафос книги Лампрехта, судя по резюме (s. 191—198), «Введению в фонологическое развитие праславянского языка» (s. 11—14) и особой главе «Хронологический обзор развития праславянского языка» (s. 161—163), — в попытке установить датировку каждого отдельного явления и процесса, дать периодизацию развития праславянского языка. Свою периодизацию истории праславянского языка Лампрехт начинает с «востратической эпохи» (конец неостратической эпохи — 9000—7000 до н. э.). Индоевропейская эпоха членится на протоиндоевропейскую, раннюю индоевропейскую и период распада индоевропейского языка (ок. 3000 г. до н. э.). Далее рассматривается балтославянская эпоха (2000—1500 л. до н. э.). В поздний балтославянский период начали «выделяться» праславянские диалекты (700—200 л. до н. э.). Это так называемый ранний праславянский.

В истории собственно праславянского вычлениются три периода: ранний праславянский (500 л. до н. э.— 400 н. э.),

классический праславянский (400—800 л. н. э.), поздний праславянский (800—1000 н. э., а на востоке — до 1200 г.). Начало классического праславянского Лампрехт связывает с завершением процесса этногенеза славян. Как видно из хронологических выкладок, развитие праславянского языка представляется в виде классического родословного древа младограмматиков. В русской лингвистической традиции складывалось представление о праязыке как об изоглоссной области, всегда представлявшей собою определенную совокупность родственных диалектов (Ф. Ф. Фортунатов, П. Бузук, В. К. Журавлев, Вяч. В. Иванов, В. Н. Топоров и др.).

Каждый из описываемых процессов Лампрехт старается датировать с точностью до 25 лет. Так, первая палатализация датируется 400—475 г. (± 25), вторая — 575—650 (± 25), конец третьей палатализации — 675 г. и т. д. Одна из первых попыток установления абсолютной хронологии большого числа праславянских процессов принадлежит Бидуэллу (1961). Свою датировку он обосновывал материалом заимствований, реально зафиксированных контактов славян с другими этносами.

Для Эд. Штибера и Г. Шевелева установление абсолютной хронологии не имеет столь важного значения, как для Лампрехта. Они устанавливали хронологию умозрительно. При этом обнаруживается противоречивость выводов отдельных славистов. В. Георгиев датирует первую палатализацию II тыс. до н. э., Штибер — I в. н. э., Бернштейн — VI в. н. э. и т. п. В. Н. Топоров, В. К. Журавлев и другие доказывали, что гораздо больший интерес представляет установление не абсолютной, а относительной хронологии как путь для установления внутренней взаимообусловленности и взаимосвязи явлений. Снять хронологический парадокс противоречивой датировки можно лишь при условии разграничения фонетических (действие фонетических законов, их хронологическая взаимосвязь), фонологических (фонологизация аллофонов, конвергентно-дивергентные процессы) и морфонологических явлений, широко расставленных на временной оси.

Объяснение звуковых изменений Лампрехт ищет на фонетической плоскости, как «переходы», восстанавливавшиеся младограмматиками, типа $k^i > c^i > s^i > s$ (сатемизация); $eu > \epsilon u > \epsilon^i u - \epsilon^i u > \epsilon^i \bar{u}$ (монофтонгизация).

Праславянский переход $s > x$ согласно модели родословного древа трактуется с помощью промежуточного, балтославянского $\hat{s}$: $s > \hat{s} > x/\xi$. Опущена взаимосвязь сатемизации и модификации * s в определенных условиях, подмеченная А. Мейе и получившая фонологическую трактовку в работах Х. Андерсена и В. Журавлева. Вообще остались в тени все возможные взаимосвязи между описываемыми процессами (делабиализация заднебных $k^w > k$ согласных и гласных $\check{\sigma} > \check{a}$, $\check{u} > \check{y}$ и возникновение протетического $\check{u}$ и др.). Переход гласных заднего ряда в передний ($\check{a} > e$, $y > i$, $\check{y} > \check{e}$; s. 41) трактуется как следствие первой палатализации, породившей шипящие согласные ($\check{c}$, z , $\check{s}$) и результат ассимиляции согласных и гласных внутри слога как пример тенденции к слоговой гармонии.

Именно такое предположение Вап-Вейк подверг в свое время строгой и справедливой критике: после шипящих и $-j$ наблюдается переход не только в передний ряд, но и в задний (*krikētei > kričētei > kričati*). В самом деле, это позиция нейтрализации гласных переднего и заднего ряда. Фонетический закон $\check{e} > \check{a}$ прекращает действие закона I палатализации и открывает этап фонологизации аллофонов $\check{c}$, $\check{z}$, $\check{s}$. Вап-Вейк подчеркивал, что действие закона III палатализации, «перешагивающей» через границу слога, противоречит слоговому сингармонизму ($*\check{a}-ti-k\check{a} > \check{a}t-ik-\check{a} > atica > отьца$). Действие III палатализации прямо противоположно второй: $*kain\check{a} > k\check{e}na > c\check{e}na > цѣна$.

III палатализация — начало конца эпохи слогового сингармонизма. Лампрехт сближает хронологию II и III палатализации на основании общности рефлексов. Тенденция слогового сингармонизма лишь постулируется, ничего не говорится о возможных причинах ее возникновения, развития, ослабления и элиминации. Не вскрыта связь между слоговым сингармонизмом и законом открытых слогов. Опыты установления такой взаимосвязи имеются и даже приведены в списке «основной использованной литературы» (s. 185—190).

Лампрехт последовательно фиксирует результаты изменения инвентаря фонем после действия соответствующих процессов (s. 54—57 — консонантизм, s. 69—74 — вокализм). В этом можно видеть относительную новизну подачи материала по сравнению с традиционным описанием.

Положительно следует оценить глу-

бью и широту охвата сравнительно-исторической проблематики: от ностратической гипотезы и теории ларингального до первых этапов развития самостоятельных славянских языков, бегло отслеживается динамика ударения и интонации, фонематической структуры морфем, фонетической структуры слова. В книгу, посвященную фонологическому развитию праславянского языка, включены два раздела, широко охватывающие проблематику морфологии.

Анализ происхождения праславянских флексий declinации и конъюгации (s. 81—124) чисто традиционный, младограмматический. Исходный инвентарь формообразовательных морфем реконструируется на основании данных внешней реконструкции (сопоставление с другими индоевропейскими языками). Собственно праславянское развитие той или иной морфемы трактуется фонетически, путем подбора гипотетических вокаловых переходов и «затемнения звуков» в позиции конца слова: $im > in > en > \check{a}N > \check{e}$ (*synъ*, вин. ед.) при $om > \check{a}m \dots im > uN > \check{e}$ (*vedь* 1 л. ед. аориста). Таким же путем автор пытается объяснить происхождение спорных падежных флексий: *село* ~ *столя* (им. ед. основ на $-o$, ср. им. род.); тв. мн. * o -основ $*ois > \check{o}s > \check{u}s > y$ (*селя*, *столя*) и $*ois > \check{a}is > eis > i$ (*краи*, *мѣжи*) при вин. мн. $ons > \check{a}ns > uns > uNs > \check{u} > y$ (*столя*) и т. п. Однако простое сопоставление одинаковых рефлексов при различных исходных состояниях убедительно свидетельствует, что здесь дело не в фонетических, а в морфологических законах. На славянском материале зародилась особая историко-лингвистическая дисциплина: диахроническая морфология (В. Георгиев, Ф. Мареш, В. Журавлев) с задачами вскрытия собственно морфологических законов. В. Георгиев, сопоставив флексии именного склонения древнерусского и современного русского языков, убедительно продемонстрировал, что здесь нет ни одной флексии, преобразованной по фонетическим законам. Все преобразования — результат собственно морфологических процессов. К такому же выводу можно прийти, читая раздел о развитии морфологии. Здесь дав краткий (s. 180—184) обзор морфологических процессов, шедших на глазах истории в отдельных славянских языках после распада праславянского языка: сближение твердого и мягкого вариантов склонения, сближение склонения u -основ и o -основ,

Формирование родительско-винительного падежа существительных (категория одушевленности), унификация флексий множественного числа и т. п. В конъюгации происходило расширение употребления окончания *-т* (1 ед. наст. врем.), падение простых претеритов (аорист, имперфект) в большинстве славянских языков, образовались особые формы будущего времени, утратилась категория двойственного числа почти во всех славянских языках и т. п. Но если «в исторический период» в морфологии действовали собственно морфологические законы, то,

вероятно, так же было и в доистории.

Подчеркивая некоторые расхождения методологического характера, нельзя все же не отметить высокое достоинство книги в рамках той методологической концепции, которой придерживается А. Лампрехт. Широта охвата проблематики, тщательно подобранного материала при поразительной четкости и сжатости изложения делает рецензируемую книгу одним из лучших современных пособий по праславянскому языку.

Журавлев В. К.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Великотърновски университет «Кирил и Методий», 1963—1988: Спомени за неговото създаване и изграждане / Ред. колегия: Дагчев Г. и др. София, 1988, 216 с.

Възвъзова-Каратеодорова К., Драголова Л. София през възраждането. София, 1988, 191 с.

Данило II, архиепископ. Животи краљева и архиепископа српских. Службе / Данило Други; Приред.: Мак Давијел Г., Петровић Д., Данашиќа језичка перзија: Мирковић Л. и др. Београд, 1988, 355 с.

Данъшина В. Н. Экономика Чехословакии в 80-е годы: структура и эффективность / Отв. ред. Кривошеев В. М.; АН СССР. Ин-т экономики мировой соц. системы. М., 1988, 117 с.

Димитров Б. Руско-Турската война, 1877—1878: Хроника. София, 1988, 155 с. Доментијан. Живот светого Саве и Живот светого Симеона / Приред.: Маринковић Р. / Превод: Мирковић Л. Београд, 1988, 424 с. (Стара српска књижевност. Књ. 4). Древности славян и Руси / Отв. ред.: Тимошук Б. А.; АН СССР. Ин-т археологии. М., 1988, 288 с.

За преустройството на духовната сфера: Документи, утвърдени от пленума на ЦК на БКП, състоял се на 19 и 20 юли 1988 г. / Зав. ред.: Захариева А. София, 1988, 111 с.

Исследования по славянской ономастике. III: (Сборник) / Донец. гос. ун-т. Донецк, 1988, 159 с.

История, культура, фольклор та етнография слов'янских народов: Доповіди / Редкол.: Сохань П. С. (відп. ред.) та ін. Київ, 1988, 251 с.

Каиров С. Л. Борьба народов Югославии за национальное и социальное освобождение в 1941—1945 гг. Николаев, 1988, Ч. I, 191 с.

Калыць Л. Э., Клепикова Г. П. К вопросу о значении многоязыковых атласов для изучения славянского диалектного континуума: (На материале ОЛА и ОКДА). / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1988, 19 с., карт.

Каталог советской литературы на книжной выставке X Международного съезда славистов (София, сент. 1988 г.) / Сост. Слива А. И.; отв. ред.: Калоева И. А.; АН СССР. ИНИОН. М., 1988, 167 с.

Католическая церковь в ПНР в 80-х годах / Редкол.: Великович Л. Н. (отв. ред.) и др.; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. М., 1988, 225 с.

Љетопис попа Дукљанина / Предговор, пропратни текстови и превод: Мијлушковић С. Београд, 1988, 192 с.

Мартьянов В. В. Праславянский язык и его место в западнобалтийском диалектном континууме / АН БССР, Белорус. ком. славистов. Минск, 1988, 50 с.

Мартьянова М. Ю. Хорваты: Этническая история. XVIII—XIX вв. / Отв. ред. Бромлей Ю. В.: АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1988, 166 с.

Милетиќ Л. Иследвания за Българите в Седмиградско и Банат / Под ред. на Дамянов С.; съст. Рунтова М. София, 1987, 571 с.

Митев Й. История на Априлското въстание 1876: В 3 т. / Бълг. акад. на науките. Ин-т по история. София, 1988. Т. 2. Обявяване, бойни действия и потушаване на въстанието. 520 с.

Мурдаров В. Виена и началото на българската езиковедна наука. София, 1988, 143 с.

Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исслед. / АН СССР. Ин-т рус. яз. / Отв. ред.: Иванов В. В. М., 1988, 320 с.

Осемдесет години Илинденско-преображенско въстание / Бълг. акад. на науките. Ин-т по история и др. / Съст.: Петров М. и др.; ред. колегия: Христов Х. (отг. ред.) и др. София, 1988, 573 с.

Партийное руководство общественной жизнью в странах социализма / Отв. ред.: Попов В. С. и др.; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, Ин-т обмена опытом соц. строительства. М., 1988, 163 с.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

М. А. ТКАЧЕВ. Замки Белоруссии. Минск, 1987, 123 с.

За последние годы заметно оживилось изучение белорусской средневековой культуры. Находящаяся на стыке двух культурных традиций и вместе с тем глубоко самобытная, она представлена, к сожалению, очень немногочисленными памятниками. В этом нельзя не видеть прямых последствий тяжелых исторических судеб белорусской земли. Тем более важно выявить, сохранить, осмыслить и пропагандировать все, что еще доступно нам. Это — долг ученых, и гражданский, патриотический долг. Каждый вклад здесь нельзя не приветствовать. Одним из них, и причем весьма весомым, является книга М. А. Ткачева о замках Белоруссии.

Замки — это и живые свидетели истории и вместе с тем интереснейшие памятники архитектуры, и именно так подходит к их рассмотрению М. А. Ткачев. Его книга богата историческими сведениями, переданными обстоятельно и вместе с тем живо и даже взволнованно. В то же время его анализ фортификационных и архитектурно-художественных особенностей замков представляет собой прекрасный образец раскрытия их устройства и облика.

Представляется вполне разумной классификация замков Белоруссии, принятая автором: 1) башни-донжоны; 2) великокняжеские замки и укрепленные города; 3) частновладельческие замки и города; 4) укрепленные храмы. Такая группировка замков позволяет лучше выявить их характерные функциональные и эстетические особенности в связи с развитием социально-политической истории Белоруссии.

Книга М. А. Ткачева построена на основе весьма обширного и разнообразного круга источников. В первую очередь это сами сохранившиеся замки. Чаще всего они, однако, предстают перед нами в искаженном времени и перестройкой виде. И здесь автор воспод-

няет эти изъяны рядом весьма существенных источников: данными археологических изысканий, письменными свидетельствами как нарративными (летописи, хроники, описания путешественников), так и — что особенно ценно — документальными (описи и инвентари замков, памятники законодательства). Привлечение всех этих материалов позволило автору тщательно, шаг за шагом проследить историю замков, выявить этапы их перестроек, то новое, что вносилось в их облик. Особенно удачен в этом плане очерк, посвященный Новогрудскому замку (с. 14—25).

Внимательно прослеживая связи фортификационной архитектуры с западноевропейскими, например, голландскими замками (с. 187), М. А. Ткачев не упускает из внимания их связи с традициями строительства Древней Руси (с. 11). Но основное внимание, и это совершенно справедливо, уделяется самобытным особенностям архитектуры белорусских замков. Наиболее интересно, удачно и убедительно это звучит в отношении замка в Мире 1506—1510 гг. (с. 156) и церкви-крепости в Сынковичах конца XV — начала XVI в. (с. 202—204).

Что хотелось бы пожелать автору в порядке дополнений и уточнений его труда? Не лишним было бы, мне представляется, принять во внимание в порядке аналогии украинские средневековые замки, такие, например, как Камень-Подольский XIV—XVI вв., Острожский и Бережанский XVI в., церковь-крепость в Сутковцах 1467 г., церковь-крепость Рождества в Тернополе 1602—1608 гг. Белоруссия и Украина находились в составе одного полнэтнического государства, не говоря уже об этнической и, разумеется, культурной близости белорусского и украинского народов, почему такое сопоставление представляется вполне правомерным.

Несколько более точным необходимо

быть автору в терминологии русского летописания. Так, никакой Новгородско-Псковской летописи, на которую он ссылается (с. 28), вообще не существовало. Патриаршую летопись (с. 67) давно уже принято называть Никоновской. Следовало бы унифицировать написание некоторых имен и этнических названий. Так, короли с именем Сигизмунд иногда, вдруг, соседствуют с Жигимонтами в старобелорусской литературной редакции (с. 39, 74, 122, 123). А крымские татары назывы то именно так (с. 47), то перекопскими (с. 44).

Хотелось бы видеть словарь терминов, приложенный к книге, дополненный такими, например, словами, как: комтур (с. 8), гонт (с. 42), драбы (с. 69), варовые окна (с. 150) и др. Мне кажется, не лишней была бы в качестве приложения к книге краткая библиография литературы о белорусских замках.

В целом же нет сомнения, что читатель получил прекрасную книгу, посвященную одной из интереснейших страниц в истории славянской культуры.

Рогов А. И.

Е. ХАДЖИНИКОЛОВА. Българските преселници в Южните области на Русия. 1856—1877. София, 1987, 176 с.

Е. ХАДЖИНИКОЛОВА. Болгарские переселенцы южных областей России. 1856—1877

Рецензируемая работа — плод долголетней, целенаправленной и кропотливой работы над многочисленными материалами из книго- и архивохранилищ Софии, Пловдива, Москвы, Одессы и Кишинева.

Кратко изложив историю образования болгарских колоний на территории России с конца XVII в., автор уделяет большое внимание массовому переселению болгар в Россию в 1860—1861 гг. К нему в последние годы болгарские коллеги неоднократно обращались, в том числе и автор рассматриваемой монографии. Но все же эта тема осталась недостаточно раскрытой. Так, например, о причинах, ходе переселения, позиции России высказываются противоположные мнения. Заслуга Е. Хаджиниколовой в том, что она всесторонне изложила существующие концепции, выявила неизученные аспекты и главное — попыталась дать целостную историю этого последнего массового переселения болгар в Россию.

Впервые в историографии так подробно описано географическое расположение болгарских колоний, определена численность, социальный состав переселенцев после Крымской войны. Нельзя не отметить скрупулезную работу по учету всех колоний, выявлению пунктов, откуда прибывало их население. Тщательно проанализировав источники и литературу, содержащие данные о численности переселенцев из болгарских земель накануне освобождения Болгарии от османского ига, автор пришел к убедительному выводу, что в рассматриваемый период в Бес-

сарабии и Новороссийском крае проживало в общей сложности до 114 тыс. задунайских переселенцев, то есть болгар и гагаузов (с. 54—55).

В книге рассматривается специфика административного устройства этих переселенцев, раскрыта деятельность Бессарабского болгарского попечительского комитета. Специалисты заинтересует характеристика развития производительных сил, структуры народного хозяйства болгарских колоний. Е. Хаджиниколова широко использует выводы молдавской советской историографии. Можно только сожалеть, что она не учла интересную монографию И. И. Мещеряка по социально-экономическому развитию болгарских и гагаузских сел Бессарабии предыдущего периода. Это, несомненно, позволило бы ей полнее раскрыть социально-экономические проблемы истории переселенцев, осветить эволюцию развития капиталистических отношений у этой категории населения Бессарабии.

Основную часть монографии составляет раздел «Учебная, культурная и политическая деятельность». Автор попытался в комплексе осветить эти вопросы. Особенно подробно рассматривается развитие школьного дела. Интересен экскурс в историю становления школ в болгарских колониях до Крымской войны. Тщательно разбирается в монографии разработанная руководителем болгарского попечительского комитета И. С. Ивановым программа улучшения благосостояния болгарских переселенцев и ее практическое выпол-

чение. При этом автор показывает, какое внимание национально-культурным процессам бессарабских болгар оказывали болгарская пресса, деятели болгарского национально-освободительного движения, считавшие, что Бессарабия должна стать одним из центров подготовки образованных болгар.

Несомненно, исследователей истории болгарской культуры привлечет параграф об участии болгар Бессарабии в национально-культурном развитии. В Бессарабии издавались книги на болгарском языке, собирался и публиковался материал болгарского народного творчества.

Научная новизна книги заключается в том, что в ней впервые систематизирована история Кишиневского общества распространения образования среди болгар края, сыгравшего большую роль в их культурной жизни. Прав автор, считая, что эта организация существовала от-

дельно от Одесского болгарского настоятельства. Но представляется неверным утверждение, что между ними не было никаких связей. Известно, что они поддерживали научно-литературное общество в Браиле, издавали книги, содержали болгарских воспитанников русских учебных заведений и т. д.

Завершается книга освещением участия болгарского населения юга России в национально-революционном движении болгарского народа, которое особенно масштабным было накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Рецензируемая монография Е. Хаджиниколовой вносит много нового в изучение болгарских переселенцев юга России и стимулирует дальнейшую исследовательскую работу в этой области русско-болгарских связей.

Червенков Н. Н.

J. SŁWIŃSKI. Mariaże Kazimierza Wielkiego (Studium z zakresu obyczajowości i etyki dworu królewskiego w Polsce XIV w.). Olsztyn, 1987, 269 s.

И. СЛИВИНЬСКИЙ. Личная жизнь Казимира Великого (Исследование обычаев и этики польского королевского двора XIV в.)

Монография И. Сливиньского посвящена характеристике личности последнего из Пястов, изменениям в жизни королевского двора, и является социально-психологическим исследованием эпохи, связанной с деятельностью Владислава Локетка и Казимира III, прозванного позже «Великим». К исследованию автора побудил огромный интерес к личности Казимира III в историографии, а также стремление разрушить сложившийся стереотип, по мнению И. Сливиньского, далеко не соответствующий действительности, так как судили о нравах эпохи Казимира Великого с позиций морали последующих поколений. Исторически реальная личность со временем обросла легендами, сложилось представление, согласно которому монарх предстает человеком влюбчивым, развязным, не знающим меры в развлечениях «развратником». Не в последнюю очередь созданию подобного облика короля способствовали Ян Длугош и его последователи (с. 192).

Многие современные исследователи уделяют внимание социально-психологической характеристике средневековых монархов, их дворов и окружения; эти сюжеты вызывают в настоящее время повышенный

интерес. Но необходимо отметить сложность подобного рода исследований, связанную не только со скудостью источников, но и со сложностью разграничения от легендарного, проникновения в психологию эпохи, а также со слабой разработанностью историко-психологической проблематики.

В современной польской историографии значительное внимание уделяется династической политике Казимира III. Автор придает большое значение генеалогическим и династическим связям монарха, его взаимоотношениям со знатыми польскими родами. В придворных кругах в течение XIII — начале XIV в. господствовали строгие религиозные нравы, тяготевшие к аскетизму, что проявлялось, в частности, в пожертвованиях монастырям и церквям. В целом, характеризуя мораль и быт господствующей элиты того времени, автор подчеркивает наличие строгого аскетического идеала.

Изменения в быте, моральных и этических нормах королевского двора связаны с эпохой Казимира III. По мнению И. Сливиньского, лично на короля сильное влияние оказала атмосфера венгерского королевского двора, стиль жизни кото-

рого сильно отличался от пястовского. Представители венгерского королевского окружения были весьма далеки от религиозных аскетических идей и испытывали сильное культурное влияние французского и неаполитанского королевских дворов (s. 83). В результате этого влияния в Польше середины XIV в. возникает новая модель быта элиты — оптимистически-эпикурейская (s. 184).

Автор обращает внимание на постоянные придворные празднества, свадьбы (Казимир III женился несколько раз), проникает в тайны личной жизни короля, связывает фривольные нравы с распространением новых обычаев, привнесённых в жизнь господствующей элиты (знатных родов, епископов и аббатов, городского патрициата) эпохой XIV в. Личная жизнь Казимира не содержала в свете нравственных норм того времени ничего выходящего за рамки принятых моральных норм.

Введение новых порядков при дворе И. Сливинский объясняет не столько личными качествами Казимира III, сколько тем, что Владислав Локетек и его супруга Ядвига по происхождению связаны с мелкими удельными князьями, и Казимир Великий и его сестра Эльжбета, бывшая замужем за венгерским королем, стремились вести себя, как представители великих династий (s. 83).

Монография представляет несомненный интерес не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется изменениями, происходящими в морально-этической сфере жизни средневекового общества. По мысли автора, следует больше уделять внимания междисциплинарным изысканиям, шире привлекать данные истории материальной структуры, искусствоведения, филологии и медицины (s. 194).

Бодрукин В. Н.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1917—1929 гг. / Гришина Р. П.; Ерепченко М. Д.; Кадацкий В. Ф. и др. / Отв. ред.: Гришина Р. П.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1988, 536 с.

Проблема развитого на Балканах народности и нации / Българска академия на науките; ред. колегия: Янков Г. (отг. ред.) и др. София, 1988, 207 с., 24 илл.

Славянское языкознание: В 3-х ч. Указ. лит., изд. в СССР с 1979 по 1981 г., с доп. за предыдущие годы / Сост.: Бунимович Н. Т., Жаркова Г. Г.; АН СССР. ИНИОН; Ин-т рус. яз. М., 1988. Ч. 1, 277 с. Ч. 2, 292 с. Ч. 3, 285 с.

Советское славяноведение: Указ. лит. о зарубеж. слав. странах, 1983—1987 гг. В 8-ми вып. / Отв. ред.: Калоева И. А.; АН СССР. ИНИОН. М., 1988.

Вып. 4. Народная Республика Болгария / Сост.: Калоева И. А., Слива А. И., 212 с.

Вып. 5. Польская Народная Республика / Сост.: Калоева И. А., Слива А. И. 167 с.

Вып. 6. Чехословацкая Социалистическая Республика / Сост.: Калоева И. А., Слива А. И. 194 с.

Соревнование двух систем: Исслед., дискус., информ. / Отв. ред.: Первухин С. Р.; АН СССР. Науч. совет по комплекс. пробл. «Экон. закономерности развития социализма и соревнование двух систем». М., 1988. Современное состояние, факторы, перспективы. 384 с.

Стефан Немањић, король сербский. Сабрани списи / Стефан Првовенчани; Приред.: Јухас-Георгиевска Јб; Данашња језичка верзија: Јухас-Георгиевска Јб. и др. Београд, 1988, 193 с., 2 л. илл., факс. (Стара српска књижевност; Књ. 3).

Стойнев А. Българските славяни: Митология и религија: Светогледен анализ. Софија, 1988, 143 с.

Супрун А. Е. Эволюция системы частей речи в славянских языках / Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина, Белорус. ком. славистов. Минск, 1988, 48 с. (Доклады / XX Междунар. съезд славистов).

Сяргеєва Г. Г., Петрыкаў П. Ц., Міхнюк У. М. Гісторыя славянскіх народаў у працах беларускіх савецкіх даследчыкаў: (Даклады) / АН БССР. Беларус. кам. славістаў. Мінск, 1988, 34 с. (X Міжнар. з'езд славістаў).

Теодосије Хиландарац. Житија / Теодосије; Приред.: Богдановић Д.; Данашња језичка верзија: Мирковић Ј.; Богдановић Д. Београд, 1988, 373 с., 2 л. факс. (Стара српска књижевност; Књ. 4. Св. I).

Теодосије Хиландарац. Службе, канони и Похвала / Теодосије; Приред.: Јовановић-Стипчевић Б.; Данашња језичка верзија: Богдановић Д.; Јовановић-Стипчевић Б. Београд. Српска књижевна задруга, 1988, 381 с., 2 л. факс. (Стара српска књижевност; Књ. 5. Св. 2).

ПА РОДИНЕ КОНСТАНТИНА КАЛИНОВСКОГО

К 150-летию со дня рождения Константина Семеновича Калиновского (21 января 1838 г.) и 125-летию начала январского восстания 1863—1864 гг. была приурочена научная конференция: «Константин Калиновский — выдающийся революционер-демократ и мыслитель», организованная отделением общественных наук АН БССР, Гродненским государственным университетом и Гродненским областным советом Белорусского общества охраны памятников истории и культуры.

Конференция открылась 29 января в актовом зале университета. В ее работе приняли участие научные работники высших учебных заведений и АН БССР, ученые ПНР и Литвы, партийные и советские работники, активисты общества охраны памятников истории и культуры, студенты, учителя, лекторы.

Тематика двадцати докладов и сообщений охватывала широкий круг проблем. В центре внимания оказались вопросы, связанные с подведением итогов многолетней исследовательской работы по изучению истории январского восстания и деятельности революционной демократии, им руководившей. Основные доклады имели четко выраженную историографическую направленность.

Проф. Белостокского отделения Варшавского университета А. Доброньский рассказал об освещении восстания в трудах польских историков, уделив особое внимание не только давним научным традициям, но и современному состоянию изученности проблемы, отметил наличие спорных вопросов, возникших при анализе специфических черт движения в Литве и Белоруссии, связанных с формированием белорусской и литовской наций.

В докладе проф. С. А. Лазутки (АН Литовской ССР) на большом историографическом материале было раскрыто всероссийское и всевропейское значение восстания 1863 г. и особенно действий

революционно-демократической «левицы» в его руководстве, стремившейся придать движению аграрный характер. Докладчик в связи с этим напомнил известные оценки восстания в Литве и Белоруссии, данные Ф. Энгельсом и Н. П. Огаревым, подчеркнул, что весь ход более чем столетних исследований, вовлечения в научный оборот многих ранее неизвестных документов полностью подтвердил эти высокие оценки.

Некоторые итоги работ белорусских историков подвел д-р ист. наук М. О. Бич (Ин-т истории АН БССР), указавший на сохраняющиеся спорные аспекты проблемы, связанные с выяснением степени участия в движении крестьянских масс. Проф. А. Ф. Смирнов (ИСБ АН СССР) в своем докладе акцентировал внимание на общероссийском, всевропейском значении взглядов и деятельности Калиновского, созвучных действиям русской революционной демократии во главе с Чернышевским, Огаревым, Герценом, в частности плану подготовки «военно-крестьянского восстания», разработанного Н. П. Огаревым и другими демократами. Восстание 1863 г. нельзя правильно оценить вне связи с реализацией русско-польского революционного союза, что было подчеркнуто в докладе доцента В. Н. Черешиды — декана исторического факультета Гродненского университета, а также вне контекста с подъемом национального самосознания белорусов, литовцев, украинцев; что касается вопроса об участии крестьянских масс в восстании, то нельзя не учитывать, что крестьяне из-за решающего перевеса сил карателей (полностью контролировавших ситуацию) не могли познакомиться с аграрно-крестьянской программой повстанцев, что, по признанию самого Калиновского, послужило одной из основных причин поражения повстанцев. Нельзя не отметить, что в докладах и сообщениях,

опирающихся на уже известные и вновь выявленные источники, было показано, что повстанческие отряды Гродненщины состояли главным образом из казенных крестьян, однодворцев, разночинной молодежи, рабочих и безземельной (служилой) шляхты.

Целый ряд докладов и сообщений был посвящен вопросам, связанным с выяснением влияния восстания на процессы формирования белорусской нации, развитием национальной культуры (Т. И. Томашевич, А. К. Кавко, И. П. Крень, А. М. Петкевич, Г. В. Киселев, М. А. Гайдучек, С. Ф. Сокол и др.). Проф. Гродненского университета М. А. Ткачев сообщил о ходе реставрационных работ в Якушовской усадьбе, а белостокский историк Ю. Морозек — о памятных местах, связанных с Калиновским в Белосточчине.

Конференция показала, что в изучении истории восстания и деятельности его руководителя остаются еще «белые пятна», спорные, до конца не выясненные проблемы, еще не все документы Калиновского введены в научный оборот (например, полные тексты контрвоззвания Калиновского осенью 1863 г., адресованные епископату Римской католической церкви в крае и т. п.). Тепло было встречено предложение академика-секретаря отделения общественных наук АН БССР Н. Бирилло сделать традиционными научные чтения, посвященные К. С. Калиновскому в Гродненском университете.

Отрадно, что к юбилею вышел сборник избранных работ героя: «К. Калинов-

ский. Из печатного и рукописного наследия» (Минск, 1988), подготовленный сотрудниками Института истории партии при ЦК КП Белоруссии, а также изданы специальные сувениры, плакаты, значки.

В областном историко-культурном музее в Свислочской средней школе им. К. Калиновского, во Дворце культуры колхоза им. К. Калиновского (д. Якушовка Свислочского р-на) были организованы специальные мемориальные экспозиции и выставки документов и материалов (постоянные или юбилейные). С юбилеем были связаны и другие меры по увековечению памяти героя белорусского народа: восстанавливается дом родителей К. Калиновского н д. Якушовка, где еще в 1963 г. в связи с вековым юбилеем восстания был установлен памятный знак — на гранитной глыбе высечены слова, напоминающие о том, что здесь прошли детские и юношеские годы героя; начаты реставрационные работы по воссозданию всей усадьбы, где сохранилась аллея лип, высаженных некогда его руками. Памятный знак, напоминающий о рейдах повстанческих отрядов, руководимых Калиновским, установлен в д. Миловиды, а в г. Гродно заложен памятник Калиновскому. Бюст героя работы известного белорусского ваятели Азгура установлен в Свислоче перед зданием школы — бывшей прогимназии, в которой некогда учился К. Калиновский.

Смирнов А.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Todorov H., Velkov A. Situation démographique de la Péninsule balkanique (fin du XVe s.— début du XVIe s.) / Todorov N., Velkov A.; Acad. bulg. des science. Inst. d'études balkaniques. Sofia, 1988, 311 p.

Топалов К. Възрожденци. София, 1988. Ч. I. 219 с.

Шалькевич В. Ф. Кастусь Калиновский: Страницы биографии. Минск, 1988, 240 с., ил., факс.

Экономическое и социально-политическое развитие НРБ в 80-е годы: (Сб. ст.) / Редкол.: Ягодковский Л. С., Шабунина В. И. (отв. ред.) и др.; АН СССР. Ин-т экономики мировой соц. системы. М., 1987, 200 с.

Vandin F. Samoupravna ekonomija organizacija udruženog rada. Beograd, 1987, 207 s.

Borisek J. Kultúrna politika a publicistika. Br., 1987, 108 s.

Budzisz A. Epigramat łaciński w Polsce w pierwszej połowie XVI wieku: Studium analityczne. Lublin, 1988, 235 s.

Bukiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa, 1987, 263 s.

Cambel Z. Skúsenosti októbra a ďalších socialistických revolúcií. 2e, preprac. a dop. vyd. Br., 1987, 450 s.

Cierniewski J. System delegacki na tle ewolucji ustroju politycznego Socjalistycznej Federacyjnej Republiki Jugoslawii. Wrocław etc., 1988, 136 s.

Contributions to the study of contemporary folklore in Croatia: (Prilozi proučavanja suvremenog folkloru u Hrvatskoj) / Ed. board: Bezić J. et al.; Ed.-in-chief: Rajković Z. Zagreb, 1988, 180 p.

CONTENTS

SCIENCE IN THE PATH OF RENEWAL

XIX All-Union Conference of the CPSU and problems of sociology 3

ARTICLES

Ivanov A. (Bulgaria). People's democracy: through coalitional forms of power towards socialist transformations (Polish experience). *Dmitrijev M. V.* On the history of reformist sermon in East Slavic lands (2nd half of XVI century). *Roithmaier B.*, *Schillich I.* (Austria). Franz Prešern and literary contacts with Slavic peoples. *Khoreva O. A.* History and actuality in life and creative work of a Prague German poet K. E. Ebert (1801—1882). *Tarasov O. Ju.* Some aspects of the comparative study of religions folk painting in Russia, Danube principalities and Transylvania in XVII—XIX centuries. *Mološnaja T. N.* Category of admiring in Bulgarian verbs (A survey). *Jefimova V. S.* On Old Church Slavonic noun-motivated adverbs 5

PORTRAITS

Išutin V. V. Ivan Petrovič Liprandi (1790—1880) 85

COMMUNICATIONS

Nikolajev S. I. A theatrical episode of Ja. X. Passek's «Notes» according to V. M. Tjapkin's list of articles. *Subajev N. A.* Polish journal in Tataria as a source on cultural life of the Polish population. *Mojsewicz Cz.* (Poland). First Polish-Soviet meeting of politologists. *Rančín A. M.* Symposium «Ethnolinguistics of the text. Semiotics of minor folklore forms» 95

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

Kremnev V. The common road of renewal. *Perhavko V. B.* Z. Klanica. Pôčátky slovanskeho osídlení našich zemí. *Romanenko S. A.* Ракић Лазар. Јаша Томић (1856—1922). *Tugusheva R. H.* Vel'ký slovensko-ruský slovník. D. 1—3. *Zuravlev V. K.* A. Lamprecht. Praslovanstina 110

NOTES OF BOOKS

Rogov A. I. М. А. Ткачев. Замки Белоруссии. *Chervenkov N. N.* Хаджишиколова Е. Българските преселници в Южните области на Русия. 1856—1877. *Bodruhin V. N.* Sliwiński Józef. Mariaże Kazimierza Wielkiego (Studium z zakresu obyczajowości i etyki dworu królewskiego w Polsce XIV wieku) 122

SCIENTIFIC LIFE

Smirnov A. F. At the native place of Konstantin Kalinovskij. 126

Технический редактор *Е. В. Сеницына*

Сдано в набор 12.12.88	Подписано к печати 03.02.89	А- 09818	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Усл. кр.-огт. 14,0 тыс.	Уч.-изд. л. 12,1 Бум. л. 4,0
	Тираж 1215 экз.	Зак. 2356	Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Ж 17

В ОРДЕНКА Д 34/38-40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891

0